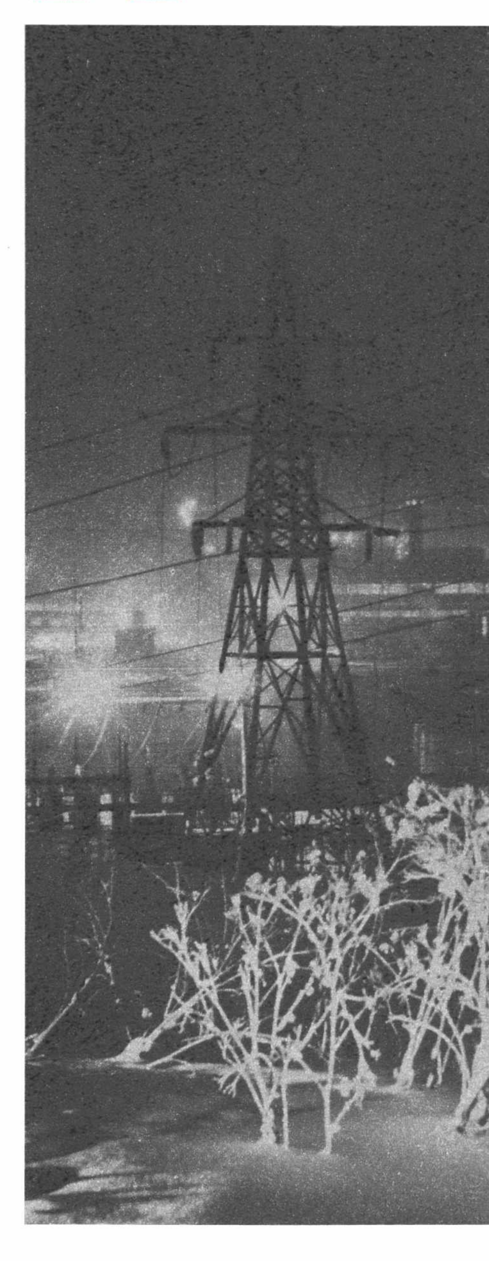

ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

ДОМ

Старший конвертерщик Равис Нургалиев.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2226)

28 ФЕВРАЛЯ 1970

НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ НА КАРТЕ ИНДУСТРИИ

НА ЗАПСИБОВНА

Огни Запсиба.

Специальные корреспонденты «Огонька» ведут репортаж с Запсиба. Это о нем было сказано в Директивах XXIII съезда КПСС: «Закончить в основном строительство первой очереди Западно-Сибирского металлургического завода...»

Ю. ЛУШИН
Фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

НЕВЕЗУЧИЙ КАСЬЯН

...В дверь будто из пушки выстрелили: она с грохотом распахнулась, и что-то темное и тяжелое влетело в коридор, свалив начальника строймартеновского цеха Рыбина и человека в кожанке.

— Ты не с луны ли свалился? — сердито спросил Рыбин, поднимаясь и разглядывая рыжего парня с котомкой.

— Не, с горки я. Тут скользко у вас,— ответил тот, комкая в руке шапку.

— Смотри-ка, не успел появиться — и сразу критиковать,— заметил второй, тот, что в кожанке.— Нам, между прочим, не ломать надо, а строить. Таких мы не берем...

— Так и я строить,— испугался парень...

Вечером в общежитии Кузнецкстроя он сокрушался — не везет же... И родился-то он в невезучий день. Нет бы днем позже или раньше, так ведь угадал: 29 февраля. Деревенский поп, порывшись в святцах, нарек его Касьяном, не слушая протестов и уговоров родителей. А по народному поверью, Касьян — самый разнесчастный в целом свете человек.

Да и что мог поделать отец? С «волчьим билетом» вместо паспорта («Надолго запомнишь 905-й год, революционер», — ехидничал исправник, вручая билет), мотался он с многодетной семьей по Российской империи. Только в 1917 году прекратились эти бесконечные скитания — в крохотной деревеньке Ильинке, что в трех днях пути от Павлодара. Тут семья и осела.

Продолжение см. на стр. 6, 7, 8.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Чемпионка мира на дистанции 10 километров Алевтина Олюнина. Телефото ЧТК — ТАСС.

Промчалась лыжная неделя в Высоких Татрах. Всего одна неделя, а вот сегодня, 23 февраля, когда пишутся эти строки, после окончания чемпионата мира по лыжам, кажется, что позади целая спортивная эпоха. Ведь наши первые победы на чемпионате — победа на среднем трамплине Гария Напалкова, а вслед за ней победа Вячеслава Веденина на тридцатикилометровой дистанции — казались многим неожиданными, а когда спустя всего один день после этого я отправлялся на мужскую эстафетную гонку, то поймал себя на мысли, что теперь сенсацией будет не наша победа, а наше поражение.

Вот с такой реактивной быстротой все изменилось на лыжном фронте. Многие годы ждали наши гонщики своего часа, ждали не сложа руки, а не покладая рук. И вот в Высоких Татрах такой триумф! Что ни день, то победа, а уж в крайнем случае (весьма редком) — бронзовая медаль. Четырнадцать призовых медалей, из них — семь золотых!

Не забыть того ослепительно яркого дня, когда проводились прыжки с большого трамплина. Несметные толпы стекались со всех сторон к Штрбске-Плесо, в долину, над которой совсем недавно поднялись два красавца трамплина. Вместе с нашими прыгунами мы подошли к подвесной дороге, один за другим уселись в кресла и поднялись к вершине трамплина. И вдруг к нам долетели снизу звуки Государственного гимна СССР. Мы оглянулись назад. Там, далеко внизу, на лыжном стадионе, вручались золотые медали нашим эстафетным командам — мужской и женской. Все дни здесь звучал наш гимн. И я вдруг вспомнил: в этом горном городке уже однажды, в 1935 году, проводился чемпионат мира, на котором все медали забрали скандинавские лыжники. Тогда это никого не удивляло. Ведь лыжи издавна являлись спортивным козырем северных стран.

Нелегко приходилось нашим тренерам и их питомцам, когда они шестнадцать лет назад вступили в спор с неизменными призерами всех мировых чемпионатов и белых олимпиад.

Еще в первом своем репортаже я утверждал, что в сегодняшних наших успехах спортивного чуда нет. Думаю, что сейчас, после того как наша команда возвращается в Москву абсолют-

Недавние соперницы в эстафете — лыжницы СССР, чемпионки, и спортсменки ГДР, завоевавшие серебряные медали, — на пресс-конференции были вместе.

Гарий Напалков — дважды чемпион мира.

АЯ ЛЫЖНЯ

ной победительницей, это понимают все. А вот мнение одного из самых авторитетных специалистов — вице-президента ФИС Виктора Андреева, с которым я встретился на трибуне лыжного стадиона в день мужской эстафеты, когда еще впереди были победы и в женской эстафете и в прыжках с большого трамплина, когда нам еще не были известны результаты гонки на пятьдесят километров.

Я попросил Андреева прокомментировать успех наших гонщиков, и он сказал:

— Надо учитывать ряд благоприятных для нас обстоятельств, получивших одновременное развитие. Во-первых, наши тренеры поняли всю губительность слепого подражания скандинавским образцам и решили взять на вооружение огромный опыт советских гонщиков первых поколений, таких, как Дмитрий Васильев, Василий Смирнов, Андрей Карпов и другие. Достаточно сказать, что, готовясь к нынешнему чемпионату, старший тренер сборной команды Венедикт Каменский и тренеры команды Виктор Баранов, Павел Колчин, Владимир Кузин привлекли для консультации Карпова. Во-вторых, вошло наконец в силу новое поколение наших гонщиков, достаточно обстрелянных на многих соревнованиях и не испытавших горечи многих неудач. И наконец, одновременно с этим снизили свой класс многие знаменитые скандинавские асы. Сошли с лыжни такие гонщики, как финн Мантюранта, швед Ернберг. И несмотря на это, скандинавским лыжникам все же удалось добиться в Татрах ряда замечательных побед. Достаточно вспомнить их победу в гонке на пятнадцать километров.

Очень важно понимать, что наша победа основана на совпадении этих двух факторов — быстрого роста молодых советских гонщиков и временного снижения класса наших грозных соперников. Я говорю это,— подчеркивает Виктор Андреев,— чтобы мы не почивали на лаврах. Однако давайте смотреть эстафету, сейчас появятся лидеры гонки...

Я вспомнил эту беседу снова, наблюдая гонку, но на сей раз в последний день чемпионата, когда Веденин, лидируя до тридцать пятого километра, не выдержал темпа изнурительной борьбы на дистанции 50 километров и выпустил вперед финского лыжника Калеви Ойкарайнена. Финн как бы скрывался до поры до времени за спиной претендента на серебряную медаль лыжника из ГДР Герхарда Гриммера, с которым Веденин вел борьбу на протяжении сорока километров. А затем финн вырвался вперед и добился победы. Ойкарайнену 34 года. Это была последняя его ставка, и легко представить себе, с каким ликованием встретила Финляндия весть о его успехе. И мы все порадовались за Ойкарайнена, для которого эта победа на чемпионате была первой, несмотря на то, что он всегда отличался своей силой.

Ох, нелегко добиваться победы на лыжном Олимпе. И в свете этой истины надо понимать, что серебряная медаль Веденина — огромный успех.

Ну, а теперь пришло время сказать о главной сенсации чемпионата — успехе лыжников ГДР. Да, это действительно главная сенсация. Кто мог предполагать, что лыжники Германской Демократической Республики со своим лидером Гриммером отодвинут на третий план гонщиков Швеции, Норвегии и Финляндии в эстафетной гонке, что Гриммер окажется серебряным призером в гонке на 30 километров и бронзовым призером в гонке на 50 километров!

Победа в эстафетной гонке была для нас особенно важной, потому что мы доказали, что имеем не только одного первоклассного лыжника — Веденина, но сильнейший ансамбль мира. Я вспоминаю пресс-конференцию, посвященную мужской эстафете. Чуть ли не весь журналистский корпус сбежался в этот день приветствовать и «пытать» вопросами лыжников трех стран — СССР, ГДР и Швеции. Лицом к лицу сидели лыжники и спортивные журналисты. И все молчали. Только фоторепортеры засыпали призеров чемпионата своими безмолвными вопросами, нацелив на них объективы своих камер. И в этот момент Гриммер, как всегда молчаливый, даже чуть сумрачный, будто попал сюда совершенно случайно и никакого отношения к событиям не имеет, крепко пожал руку Веденину, а затем Тараканову, Симашову и Воронкову. И этот неброский жест был столь выразителен, что в зале раздались аплодисменты.

Спортивное товарищество, дружеские контакты примечательны для чемпионата в Высоких Татрах. И когда Веденина на этой же пресс-конференции спросили, на каком языке он так свободно беседует со шведами, он ответил: «На языке дружбы». И когда в женской гонке на 10 километров Галина Кулакова в последний момент отодвинула чехословацкую лыжницу Хелену Сиколову с третьего призового места на четвертое, это не помешало Хелене горячо поздравить советскую спортсменку.

Наши гонщицы только в одном случае сделали исключение из установленного ими правила — забирать все призовые медали. Как известно, в гонке на 5 километров они заняли все три первые места, в эстафете также были первыми. И только в гонке на 10 километров, о которой говорилось выше, уступили второе место сильнейшей сейчас в Скандинавии гонщице финке М. Кайосмаа.

Оценку выступлениям наших гонщиц я попросил дать Зою Болотову, в прошлом неоднократную чемпионку страны, которую называли «хозяйкой Уктусских гор». Она присутствует в Высоких Татрах как член технического комитета ФИС. Зоя Болотова сказала:

— Теперь мы можем сказать, что неудачи, которые наши лыжницы потерпели в Гренобле, перекрыты с лихвой. На смену таким нашим замечательным гонщицам, как Алевтина Колчина, пришли теперь ее достойные наследницы — Галина Кулакова, Алевтина Олюнина, Нина Федорова и другие. Мы вправе гордиться своими молодыми лыжницами.

Конечно, Зоя Болотова права. Мы горды успехами наших золотоносных гонщиц, но я считаю справедливым закончить свой рассказ о победной лыжне в Высоких Татрах тем, с чего начал его в своем предыдущем репортаже — с успеха Гария Напалкова. Гарий Напалков сделал дубль, завоевав победу не только на среднем, но и на большом трамплине. До него это удавалось сделать лишь одному прыгуну — норвежцу Вирколе. Причем интересно то, что если на среднем трамплине Напалков был после первой попытки на десятом месте, то на большом трамплине после первой попытки он занимал тринадцатое место. Но теперь его никто не собирался сбрасывать со счетов. Все, затаив дыхание, ждали его второго прыжка, и снова второй прыжок Напалкова, сверхдальний — 109,5 метра (новый рекорд трамплина) и совершенно безукоризненный по технике, принес ему золотую медаль. А хозяева трамплина радовались мастерству советского лыжника и успеху своего кумира Иржи Рашки, который занял второе место... Я видел спортсменов на трибуне почета и подумал, вглядываясь в их сияющие счастьем лица, что они вполне довольны своим соседством.

* * *

Лыжня для каждой гонки в Высоких Татрах готовилась так: ночью на трассу выходили машины. При ослепительном свете фар срезали старую, избитую, отслужившую свое лыжню, а вслед за этими машинами на перепаханное снежное месиво выходили другие машины и выглаживали это месиво до целинной кондиции. Затем к машинам прицеплялись механизмы с роликами, которые прорезали новую лыжню, а потом уже ее обкатывал батальон лыжных «чертежников», оставляя за собой каллиграфически изящный, безукоризненно ровный лыжный след. И на этой легкой лыжне и разыгрывался наутро очередной акт борьбы сильнейших гонщиков мира. И гонщики были спокойны, готовясь к этой борьбе. Они знали, что на лыжне будет порядок.

Порядок был не только на лыжне. Наши хозяева учли малейшую мелочь. Хорошо работалось и журналистам. Отлично была налажена бесперебойная связь чуть ли не со всеми странами мира. Довольны остались многочисленные гости: к их услугам были гостиницы всех разрядов, и среди них много новых, открывшихся лишь только к началу чемпионата.

И вот чемпионат завершен. Разъехались по домам спортсмены. Горная метель, словно дождавшись своего часа, уже во время гонки на 50 километров стала заносить лыжню, нашу победоносную лыжню. Пройдет несколько дней, и она совсем сгладится, скроется, превратится в целину. Уже без помощи сверкающих красным лаком тракторных плугов — ночных работяг.

Но для тех, кому посчастливилось побывать в эти дни в Высоких Татрах, стать свидетелями волнующих событий, развернувшихся в окрестностях Штрбске-Плесо, эта победная лыжня никогда не изгладится из памяти.

Штрбске-Плесо. По телефону.

И В ЭСТЕРСУНДЕ — УСПЕХ

Когда лыжный чемпионат мира в Высоких Татрах подходил к концу, в шведском городе Эстерсунде разыграли первенство биатлонисты. Во второй раз стал чемпионом мира заслуженный мастер спорта новосибирец Александр Тихонов — он победил в двадцатикилометровой гонке со стрельбой. Его земляк Виктор Маматов завоевал третье место.

Затем лыжники-стрелки разыграли эстафету 4 × 7,5 километра. Наша команда в составе А. Тихонова, В. Маматова, Р. Сафина и А. Ушакова была сильнейшей, показав время 2 часа 07 минут 49 секунд и опередив своих главных соперников — норвежцев почти на шесть минут. И здесь, в Эстерсунде, как и в Чехословакии, подтвердили свой высокий класс спортсмены Германской Демократической Республики, занявшие третье место.

На снимке (слева направо): В. Маматов, А. Ушаков, Р. Сафин и А. Тихонов.

Телефото ТАСС.

БОМБАМИ НЕ ЗАПУГАТЬ!

Игорь БЕЛЯЕВ

Речь идет об израильских бомбах, упавших на каирский пригород Абу-Заабаль. О них сегодня говорит весь мир. Кое-кому кажется, что, предприняв варварский налет на мирный завод в ОАР, израильские ВВС чуть ли не подготовили почву для военного решения ближневосточного кризиса. Ведь по расчетам генерала Хода, под руководством которого разрабатывались мельчайшие детали налета на Абу-Заабаль, египтянам, всем арабам осталось только поднять руки. Ну, а Израилю, разумеется, вместе с США принять долгожданную капитуляцию.

Не могу поздравить генерала с успехом. Генерал, ваши бомбы бессильны! Нет и не может быть решения ближневосточного кризиса акциями варварства. И не только потому, что американские «Фантомы» уже пускались в ход для устрашающего воздействия на инакомыслящих. Вспомните Вьетнам. Если бы из обломков американских истребителей-бомбардировщиков, сбитых вьетнамцами, сложили гору, то высота ее наверняка представила бы захватывающий интерес для самых смелых альпинистов.

Между Ближним Востоком и Вьетнамом есть много общего. «Грязные войны», которые ведутся в этих двух районах мира, преследуют одну и ту же цель — задушить национально-освободительные революции, провести ту самую «красную черту», о которой так мечтал Джон Ф. Даллес: она разделит весь мир на «коммунистический» и «некоммунистический». И все, что осталось бы за «красной чертой», должно было считаться неприкосновенным, то есть американским.

Народы хотят жить, как повелевает их воля и совесть. И «Фантомы» не в состоянии задержать историю, она сильнее, чем расчеты империалистических политиков и политиканов. Разве не в этом убеждает жизнь?

Когда 5 июня 1967 года началась «шестидневная война», слишком многие на Западе писали, что речь идет об арабо-израильском конфликте, носящем межнациональный характер. Это была подлая игра словами. О каком межнациональном столкновении могла идти речь, если отлично известно, что евреи и арабы, принадлежащие к одной расе — семитской, тысячелетиями жили мирно! В 1948 году на Ближнем Востоке появилось государство Израиль. Оно могло пойти путем налаживания нормальных отношений со своими соседями. Кстати говоря, среди израильских государственных деятелей были довольно влиятельные и смелые сторонники такого развития нового государства. Вспомните Моше Шарета, который был близок к своей цели, когда начал в 1953—1954 годах переписку с Насером.

Д. Бен Гурион, которого не без основания называли «американским премьером» Израиля, иезуитски коварно торпедировал линию М. Шарета. Ему помогло печально известное «дело Лавона» — поджоги зданий американской и английской библиотек в Каире и Александрии агентами израильской секретной службы. После скандального провала диверсий, к которым М. Шарет не имел никакого отношения, он изгоняется из правительства, а Бен Гурион с триумфом возвратился из добровольной «отставки», в которую он ушел специально для того, чтобы дискредитировать сторонников мира с арабами. В 1955 году генерал Даян подготовил известное нападение на Газу, которое проложило путь израильским агрессорам в 1956 и 1967 годах.

После «шестидневной войны» Израиль оккупировал значительную часть территории ОАР, Сирии и Иордании. Решил ли он свои проблемы с арабскими соседями? Нет, ибо никакие «переговоры» с позиции оккупации, никакой мир на штыках невозможны. Решил ли Израиль задачи, которые ставили перед ним заинтересованные империалистические круги США? Нет, ибо прогрессивные режимы на Ближнем Востоке выстояли. Империализм же в этом районе понес колоссальные потери.

После известных перемен на юге Аравийского полуострова, в Судане и Ливии еще три арабских страны встали на путь прогрессивного развития. Речь идет не только о сокращении сферы политического влияния США и Англии на Ближнем Востоке. Они потеряли свои базы в Ливии. Ливийские власти потребовали решительного пересмотра условий концессионных соглашений, на основании которых иностранные компании эксплуатируют запасы нефти в стране. Вот что пугает США и Англию! Ведь так можно вообще потерять всю ближневосточную нефть. Страх перед такой перспективой подтолкнул президента Никсона на принятие решения об усилении военной помощи Израилю.

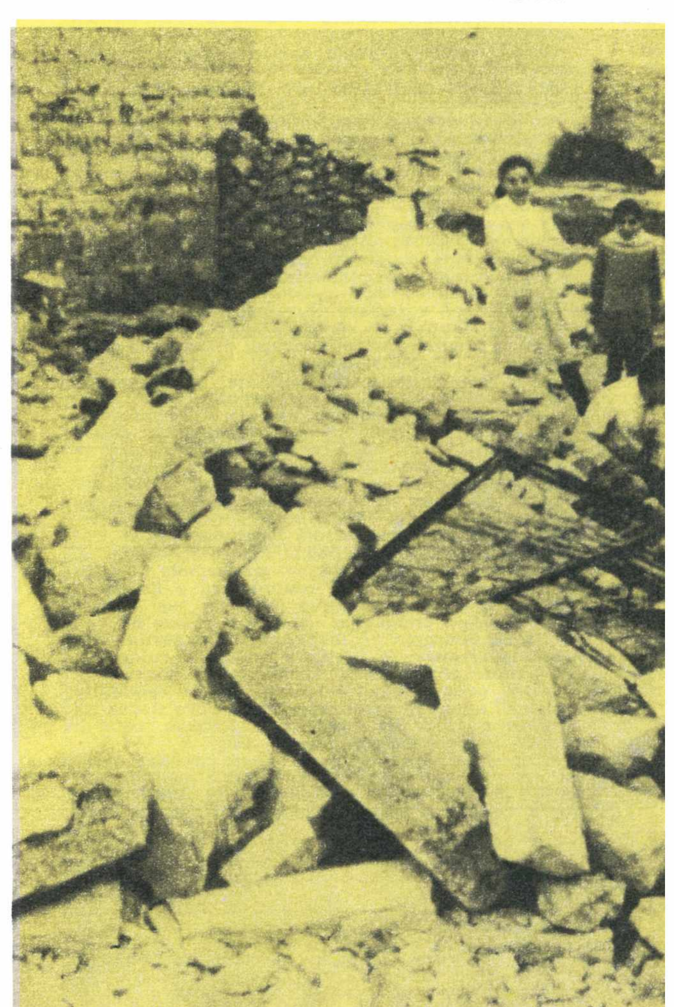
Есть реальный путь разрешения ближневосточного кризиса. Я имею в виду путь политического, то есть мирного урегулирования. Его основа — ноябрьская резолюция Совета Безопасности ООН, предусматривающая безусловный вывод израильских войск со всех оккупируемых ими арабских территорий. Недавние личные обращения Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина к руководящим деятелям США, Англии и Франции продемонстрировали решимость Советского Союза и впредь сделать все зависящее от нашей страны, чтобы политическое решение ближневосточного кризиса стало фактом. И никакие бомбы не сорвут его. В этом не может быть сомнений.

Митинг солидарности с борьбой арабских народов против израильской агрессии на Московском автомобильном заводе имени Лихачева.

Фото В. Созинова (ТАСС).

К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ!

Фото ЮПИ.

Трагедия Абу-Заабаль, где погибли десятки невинных жертв, станет днем обвинения правящим кругам Тель-Авива и их американским покровителям. Взрыв бомб на египетской земле эхом отозвался во всем мире.

Агрессия шагнула на новую ступень.

Израильские «ястребы» желают установления «мира», который бы дал им возможность закрепиться на захваченных землях и «освоить» их таким образом.

Но народы мира не оставят арабские страны в их борьбе. Эта борьба пользуется поддержкой всех миролюбивых сил во главе с Советским Союзом, который первым поднял голос осуждения варварской политики Израиля. Трудящиеся нашей страны выступили с гневным протестом против расширения израильской агрессии. Выступает с осуждением агрессора прогрессивная общественность мира.

Миллионы людей доброй воли выражают твердую уверенность в победе справедливого дела арабских стран.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ГЛАВКОМ

Гулкие шесть ударов, как бой корабельной рынды, плывут по комнате. Утро. За окном — мутный рассвет. Февральский ветер с шорохом бросает снег на сизые, затуманенные стекла. Белесые сумерки дрожат за холодной рябью окна.

Подъем. По въевшейся в плоть и кровь старой флотской привычке. Как и в те далекие годы, когда матрос Сергей Горшков спешил по трапу наверх к подъему флага...

День Главкома... Разным бывает этот день, вмещающий в силу самой должности человека непогоду, тревоги, бури нашей неспокойной планеты.

Флот — сложное «хозяйство». И один рассвет застает Главкома на Севере, на боевой рубке только что всплывшей атомной субмарины. Другой — у дальномера крейсера, превращающего в пыль корабли-мишени где-нибудь у Курил. Третий — в объединенном штабе вооруженных сил Варшавского договора, отрабатывающего на Балтике невиданную ранее в морской истории десантную операцию. Четвертый... Менее всего поддаются эти дни какой-нибудь классификации. Обычные будни флота. Будни Главкома...

Путь Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР адмирала флота Советского Союза, Героя Советского Союза Сергея Георгиевича Горшкова — это бои, тревоги, сложнейшие операции. Это — командование кораблями, бригадами, Азовской и Дунайской флотилиями, соединениями флотов и флотами. Боевой путь начался у ставшего теперь легендой Хасана. А потом — жесточайшие битвы Отечественной, отчаянные десанты, огненные Одесса и Крым, Керченско-Феодосийская операция, Северо-Кавказский фронт, Ейск, бои за Новороссийск, Ясско-Кишиневская операция, прорыв в Дунай, освобождение Белграда и Будапешта — всего не перечислишь и не назовешь. Он не понаслышке знает, что это такое, когда сталь плавилась, а людям нужно было стоять. И они стояли. И для десятков тысяч солдат райха кошмарное видение бойцов в тельняшках становилось последним видением в жизни. Горшков воевал тогда по принципу: «Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота». И жизнь показывала, что такое было не преувеличением, а мерой подвига.

Победа или поражение, сила или слабость флота всегда определялись, в ряду других факторов, также и тем, насколько люди, стоящие у его руля, чувствуют и понимают время, тенденции, определяющие движение его, потребности завтрашнего дня. Когда партия создавала новый, ракетно-ядерный океанский флот, С. Г. Горшков всегда находился на самых боевых участках этой сложной и ответственной работы.

Волею партии Советский Военно-Морской Флот вступил на путь коренных преобразований своей материально-технической базы, на путь технической революции, создавая качественно новый вид Вооруженных Сил — ракетно-ядерный океанский Военно-Морской Флот, в котором гармонично развиваются атомные подводные лодки, авиация, современные надводные корабли и многие другие виды боевой техники. Впервые за свою историю Советский Военно-Морской Флот стал флотом дальнего действия, важным стратегическим средством Верховного Главнокомандования, способным оказать существенное влияние на ход и исход вооруженной борьбы на огромных по протяженности театрах военных действий.

Первый командир первой советской атомной подводной лодки мне рассказывал:

— В первый опытный поход с нами пошел Главком. Техника еще не апробировалась на рабочих подводных режимах, а Главком прочно обосновался в самом потенциально опасном отсеке — реакторном. И все хитроумные мои усилия «выкурить» его оттуда ни к чему не приводили...

— Советским морякам оказался по плечу подвиг технической революции на флоте и освоения им Мирового океана,— рассказывал недавно писателям-маринистам Сергей Георгиевич.— Как-никак традиции у нас солидные. Начинали мы это дело не на голом месте. Я вот иногда думаю: слишком многие зарубежные доброхоты десятилетиями пытались вбить в наше сознание мысль, что, ежели мы не абсолютно сухопутная нация, то, во всяком случае, особенно заноситься нам нечего. Болтайтесь, мол, в своих территориальных водах. В лучшем случае — иногда ходите на коронацию в Англию.

Неплохо вся эта диверсия задумывалась. А ведь в России профессия моряка,— продолжал Главком,— столь же древня, как и профессия хлебопашца. И здесь мы не уступаем никаким самым «наиморским» нациям. Посмотрим на карту мира.— Он подошел к огромной висящей на стене карте.— Острова. Бухты. Заливы. И все — с русскими названиями. Кто их открыл? Кто опоясал шар курсом кругосветок? Кто шел к полюсам? Головнин, Беллинсгаузен, Лазарев, Литке, Седов...

Потом, отвечая на вопросы, Главком заметил:

— Наш флот имеет все необходимое для того, чтобы в случае развязывания империалистами войны не только сорвать нападение агрессора с моря, но и нанести уничтожающие удары по вражеским силам в удаленных районах океанов и по важнейшим военным объектам в глубине его территории...

Поздним вечером я видел его у карты. Флажки на ней двигались, складывались в новые комбинации, чтобы через час-два снова пересечь черные линии параллелей и меридианов.

В штабе флота ни на минуту не прекращается напряженная работа. На флота, соединения, корабли уходят телеграммы. Штурманы склоняются над картами. Операторы щелкают тумблерами, и сложные устройства дают новые цифры информации. Отстукивают телетайпы.

Анатолий ЕЛКИН

ДОМНА ЗАПСИБОВНА

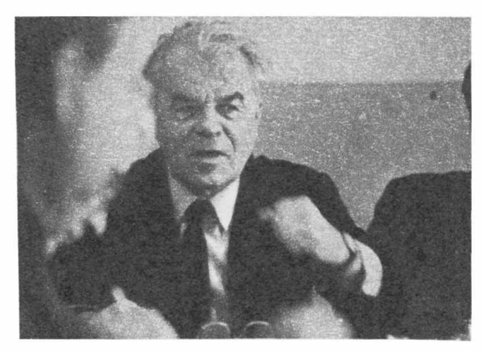
Начало см. на стр. 1.

Отец на радостях без попа перекрестил Касьяна в Ивана — видно, крепко желал он счастья детям. Но сам так и не дождался счастья: в 20-м году тиф почти одновременно унес и его и мать Ивана. Девять ребятишек мал мала меньше остались одни в голодном крае. Эх, нужда, ты и горшки обжигать научишь, говорит народ. И научила она Ивана всякое деревенское дело справлять. Всем был — кузнецом, жестянщиком, плотником, столяром, ложкарем... Очень нужным человеком считался в только что организованной коммуне. Так бы, может, там и остался, но звонкое новое слово «Кузнецкстрой» сорвало его с места. И тут в первый же день такое! Не везет ему, ой, не везет...

Через несколько дней по стройке разнеслась весть — прорыв на миксерном отделении. Одиннадцать американских рабочих уехали домой, не закончив сложнейшую опалубку. И делать ее некому.

— Как некому? — возмутился Иван.— Я берусь...

Мастер взглянул на него с недоверием, но выхода не было. Вечером, получив по карточкам дополнительный паек, трое плотников во главе с Иваном приступили к работе. К утру они установили двадцать три метра опалубки и три контрфорса, полностью закончив работу на миксерах, и залегли спать. Их разбудили — на собрание. За столом Иван увидел знакомые лица — Рыбина и того, в ко-

Директор комбината Леонид Сергеевич Климасенко.

Пульт управления конвертерами.

В воскресный день.

В Новокузнецке есть свои «моржи».

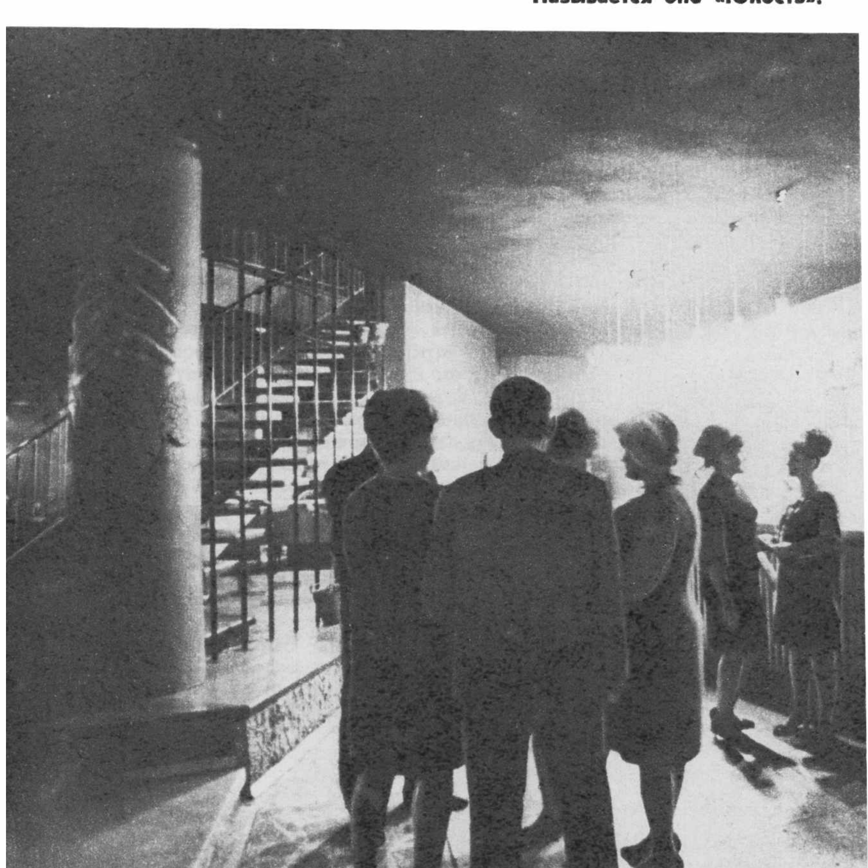

Монтажник Александр Богданов.

Есть такое кафе в Новокузнецке. Называется оно «Юность».

жанке. Нырнув за спину соседа, он спросил:

— Кто это — вон тот?

— Не мешай слушать. Не знаешь, что ли? Это главный инженер Кузнецкстроя Бардин!

Иван еще больше втянул голову в плечи, а главный инженер говорил:

— Мы, товарищи, американцам золотом платим, а своего золота не замечаем. Кто этот Иван Бенюх, который отличился сегодня ночью? Покажите мне его. С такими, как он, мы горы свернем.

А когда смущенного Ивана вытащили к столу, Бардин воскликнул:

— Да мы же с тобой, брат, знакомы! Я его, товарищи, на работу брать не хотел, а теперь предлагаю: бригаде Бенюха выдать премию сто рублей и присвоить ему самому шестой разряд...

Так Иван стал бригадиром. И бригаду его бросали в те славные дни с одного трудного участка на другой. Бардин вскоре стал академиком, а Иван Бенюх окончил две группы ликбеза (теперь молодым неизвестно, что это такое), потом курсы мастеров и стал строймастером. Кое-кто нет-нет да и называл уже его по батюшке — Иваном Яковлевичем. Тогда Бенюх шутил:

— Что ты меня старишь — величаешь? Я ведь Касьян, значит, моложе тебя,— раз в четыре года день рождения справляю...

...По этой шутке узнавали его на строительных площадках мартеновского и доломитного цехов, прокатных станов и доменных печей, в окопах Отечественной на дальневосточном фронте, на целине, где возводил он после войны МТС, и снова на строительных лесах. Уже после войны он построил почти весь нынешний проспект Строителей в Новокузнецке. Когда же комсомол кинул краткое, как боевой клич,— «ЗАПСИБ», словно вернулась к нему горячая кузнецкстроевская юность. И осенью 1959-го прораб Бенюх снова начал с «нуля», чтобы через год-другой бетонный завод давал бетон, подстанция — электроэнергию, коксовая батарея — кокс, домна — чугун. Рядом с ним мелькали молодые лица и звенели молодые песни. Все было как в юности. Так же быстро поднимались домны, только были они много мощнее прежних, так же быстро рос завод, только стало на строительстве много меньше людей и больше машин, да цеха много светлее, удобнее, и появилась в них автоматика, которой тогда не было вовсе...

На прощание Иван Яковлевич оставил мне любопытную записную книжку, в которую заносил основные этапы Кузнецкстроя и Запсиба. На одной из страничек он записал: «Вот что было у строителей КМК на вооружении в 1931 году. Экскаваторов 14, транспортеров 49, бетономешалок 30, железнодорожных кранов 7, остальное и главное — лопата, кирка, клин, кувалда, лом, тачка, рикша, ведро, вагонетка, грабарка». А когда в 1964 году Бенюх уходил на пенсию, он оставил на строительных площадках Запсиба сотни машин, бульдозеров, скреперов, экскаваторов и целый лес строительных кранов. Друзьям как-то не верилось, что он уходит насовсем, но все же крепко удивились и они, уже через месяц снова увидев его на площадке: думали, отдохнет хотя бы с годик. Куда там!

Каждый день он появляется то в одном конце многокилометровой строительной площадки Запсиба, то в другом — это его кабинет. Потому что Бенюх — народный контролер, внештатный заведующий отделом строительства в городском комитете народного контроля. Его авторитет измеряется многолетним опытом и знаниями, бескорыстием, доверием людей — тут уж Иван Бенюх, совестью коммуниста призванный и народом уполномоченный, вне конкуренции.

Однажды случилось такое. На строительстве прокатного стана анкерные болты для установки оборудования оказались заниженными на 190 миллиметров. Бросовые работы исчислялись сотнями рублей. Монтажники искали виновных и не могли найти. Пошли к Бенюху. Тот полдня сидел над чертежами и техническими условиями, потом хмыкнул что-то себе под нос и отправился в цех. Вернулся и говорит:

— Вы, друзья, оказывается, сами себя высекли. Отметки для анкерных болтов вы с одного репера брали. Так? А он случайно оказался поврежден. По техническим же условиям для надежности вы должны сверяться по двум реперам. Так? Вот и сверяйтесь...

Бенюх часто вспоминает Кузнецкстрой, но всегда подчеркивает:

— Тогда час простоя землекопа с лопатой обходился в полтинник, а сейчас простой бульдозера или экскаватора в червонцы влетает. Понятно вам, к чему я клоню?

КРАСНЫЙ ДЕНЬ

«29 декабря 1968 года в 23 часа 21 мин. первый в Сибири конвертер выдал первую плавку. Впервые в мире пуск конвертера осуществлен в зимнее время».

Из записной книжки И. Я. Бенюха.

Что за свирепый ветер, что за мороз, что за бунт природы перед самым пуском! Ртуть градусника метнулась за цифру 45. Если и дальше так пойдет, чего доброго, ждать пуска до весны. Начальник конвертерного цеха С. А. Донской поежился. Стальные фермы пролетов заиндевели, на рабочих площадках туман. Почти безостановочно движутся краны: им нельзя замереть и на час — могут перемерзнуть. И тогда... Нет, это невозможно. Потому что вторую неделю идет генеральная репетиция пуска, в которой участвует весь цех. Вторую неделю чуть не каждый день собирается государственная комиссия, выслушивает рапорты разных служб завода о готовности пустить конвертерный цех. И вторую неделю пуск откладывается. А когда кто-нибудь пытается торопить комиссию, ее председатель Иван Дмитриевич Чиграй не без лукавства указывает на плакат на стене: **«Прежде чем браться за работу, надо всю ее продумать, продумать так, чтобы в голове сложилась окончательная модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов... большинство работ не удается потому, что они с самого начала не были хорошо продуманы».** Это из памятки, которая была вывешена в приемной В. И. Ленина в Совнаркоме в первые годы Советской власти.

Чиграй за свою жизнь выплавил столько стали, что трудно сосчитать. Он участвовал в пусках многих заводов и цехов, но этот считает самым сложным. Ибо никогда еще в стране не строились конвертеры за Уральским хребтом, да еще такие мощные. И никто в мире не отваживался даже и думать об их пуске в таких суровых условиях. А тут вот думают, спокойно все рассчитывают и вполне уверены в отличном результате.

И вот наконец пришел тот день, которого все здесь ждали. Было воскресенье, но электричка из города на завод пришла полнехонькая.

Мороз все крепчал.

Начинать плавку в таких суровых зимних условиях не только сложно, но и опасно. Может выйти из строя котел — охладитель конвертерных газов. Еще большее опасение вызывали сталеразливочные ковши. По техническим требованиям допустимая температура для них — 30 градусов мороза. В цехе на подкрановых путях уже было минус 28. Эти два градуса и решили судьбу первой плавки: комиссия дала добро. Вахту приняла смена Аскольда Сапсая, опытного сталеплавильщика, приехавшего сюда из Кривого Рога.

20.05. Спокойно, словно никого вокруг нет, устраивается в своем кресле машинист пульта Юрий Сапа. Его можно понять, он пускал уже конвертеры в Жданове и в Новой Гуте в Польше. Но все равно, Донской мысленно подбадривает его: спокойно, Юра, спокойно, все будет хорошо...

20.11. Незаметное движение руки машиниста — и многотонный конвертер плавно наклоняется. Донскому с высоты отлично виден его раскаленный багровый зев и с грохотом летящий в него металлолом. Со стороны миксерного отделения медленно, с торжественным гудком вползает в цех состав с чугуном, из которого предстоит сварить сталь. Тепловоз перепоясан алым лозунгом: «Желаем успеха в пуске конвертера! Доменщики»

«Спасибо, друзья»,— думает про себя Донской. Совсем неожиданно вдруг вспомнилось ему, как однажды ночью в цех позвонили из больницы: «В тяжелом состоянии доставлен мастер цеха Владимир Десятов. Предстоит сложная операция. Нужна донорская кровь, много крови». Через час от конвертерного отошел переполненный автобус. 63 человека безвозмездно отдали Владимиру более пятнадцати литров крови. И люди, еще не все знавшие друг друга в лицо, стали в тот день кровными братьями. И он понял: такие все смогут, все!..

21.40. В рабочем положении конвертер удивительно напоминал ракету на старте. В него уже влили добрую порцию жидкого чугуна, и сейчас начиналось самое важное — кислородная продувка. Конвертер окутался языками пламени и дыма, глазам стало больно от зарева. Сейчас там происходило таинство рождения стали.

22.50. До финиша совсем немного. Ребятам у конвертера, наверное, жарко. Идет уже слив шлака, одновременно производятся замеры температуры и берутся пробы металла. Через четыре минуты из экспресс-лаборатории сообщили — сталь отличного качества! Все идет нормально.

23.21. Ура! Сталевоз подъезжает под конвертер. Из лётки в ковш бьет огненная струя. «Все шло, как на репетициях»,— отмечает про себя Донской... Только сталь настоящая. Первая сталь Запсиба.

ТАК БУДЕТ

«21 ноября 1968 года начата закладка фундамента третьей домны Запсиба объемом 3 000 кубометров, самой мощной в мире».

Из записной книжки И. Я. Бенюха.

А для чего, собственно, самая большая в мире? Зачем? Чтобы потрясти воображение? Чтобы сказать: мы первые? Дело в том, что рождение любого завода начинается задолго до того, как будет вбит первый колышек. И задолго до того, как завод возникнет в чертежах. Оно начинается со споров. Еще в 1933 году, когда Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) не набрал полную мощность и продолжал строиться, возникла смелая идея — создать рядом с КМК второй крупный металлургический завод, а потом скооперировать и специализировать два предприятия. Помешала война.

Давняя идея начала осуществляться в конце 50-х годов. Запсиб — гигантская стройка, и она, естественно, втянула в свою орбиту многие предприятия страны, и в первую очередь КМК. В то же время развитие КМК, его дальнейшая реконструкция стали зависеть в большой степени от темпов строительства Запсиба. Вот почему в Директивах XXIII съезда партии появилась строка: «Закончить в основном строительство первой очереди Западно-Сибирского металлургического завода».

Сейчас на Запсибе для управления сложным производством полным ходом идут большие научно-исследовательские работы. Замысел — организовать автоматизированную систему управления комбинатом. Такая система, охватывающая все основные производства, энергетику, транспорт, планово-финансовую деятельность, создается впервые для столь крупного предприятия.

Доменщики Запсиба опровергли укоренившееся мнение о том, что лучший чугун можно выплавлять только в маленьких домнах. Такой чугун заводы Сибири и Казахстана получали раньше с Урала. Не так давно те заводы отказались от него, потому что запсибовский, который варят по специально разработанной технологии в огромных домнах — объемом 2 000 кубов, оказался лучше уральского и намного дешевле. Так был подтвержден курс, взятый советской металлургией на мощные домны.

Третья домна, которая строится сейчас на Запсибе, воплотит в себе весь опыт, все последние достижения отечественной и мировой металлургии. Понятно поэтому то почтение, которое испытывают к ней даже видавшие виды монтажники, уважительно начертавшие мелом на металлическом боку многотонной конструкции: «Домна Запсибовна». Может, это парни из бригады Ивана Рубана? Именно они в трудном соревновании получили право начать монтаж. Сам бригадир опытен — устанавливал конструкции литейного двора и наклонного моста на двух первых домнах. А теперь — саму печь.

...Забежал на минутку прораб Дмитрий Григорьевич Пузынин. «Ну, как тут у вас?» У него, в свое время монтировавшего еще пятую домну Кузнецкого комбината, тоже, видать, тревожно на сердце. «А всего и надо-то установить семь лепестков цилиндра горна»,— хорохорится кто-то. «Лепестков-то семь, да по 22 тонны каждый. Установить надо строго вертикально, чтобы между ними был зазор не более трех миллиметров... Так что вы не очень-то»,— лишний раз напоминает прораб. И люди еще раз склонились над чертежами, еще раз стали проверять расчеты. Пора, кажется. «Как, Марина, начнем?» «Я готова»,— отвечает хрупкая девушка, поправляя сварочный щиток на голове. Когда стронулась первая печь, Марина Жук бросила вызов прославленным асам сварки: «Даешь за смену три нормы!» Сама давала пять — попробуй догони!

...Кран несет стальную броню лепестка. «Майна, еще майна». Как-то буднично и деловито коснулся он бетонной площадки — пня домны. Но очень, между прочим, точно. А вот и зачастили синие сполохи, оставляя за собой ровный шов — знать, дошла очередь и до Марины. Все! Цилиндр диаметром 14 метров готов. Наступит день, когда таинственно забурлит в нем расплавленный чугун, и тогда, стараясь быть спокойными, люди по традиции сначала подойдут к домне, посмотрят через малюсенькое отверстие в фурме на бушующее пламя, тихо скажут: «Пошла Домна Запсибовна» — и только потом бросятся поздравлять друг друга. Так будет!

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

ЗВЕЗДЫ НАД БЮРАКАНОМ

Академик В. А. Амбарцумян.

Ашот **АРЗУМАНЯН**

...Четыре зубчатые вершины, почти всегда покрытые снегом, видны издалека. Самые высокие — Северная и Западная — поднялись выше четырех тысяч метров над уровнем моря. Это Арагац.

Давно ли это было, когда по бездорожью в открытом кузове грузовика, в дождь и в снег Виктор Амазаспович со своими учениками ехал по склону Арагаца? А от Арагаца путники, нагрузившись инструментами, шли пешком. До 1953 года бюраканские астрономы таскали воду из ущелья Амберд, ежедневно проделывая четырнадцать километров пути туда и обратно. После упорных хлопот получили трубы; водопровод прокладывали через скалы, в трудных условиях гористой местности. О трудностях рождения Бюраканской астрофизической обсерватории можно было бы написать много. Но я привел эти штрихи лишь для того, чтобы охарактеризовать одну черту академика В. А. Амбарцумяна — его умение терпеливо, шаг за шагом добиваться успеха, не отступая ни перед какими трудностями. Строительство и научный поиск шли параллельно.

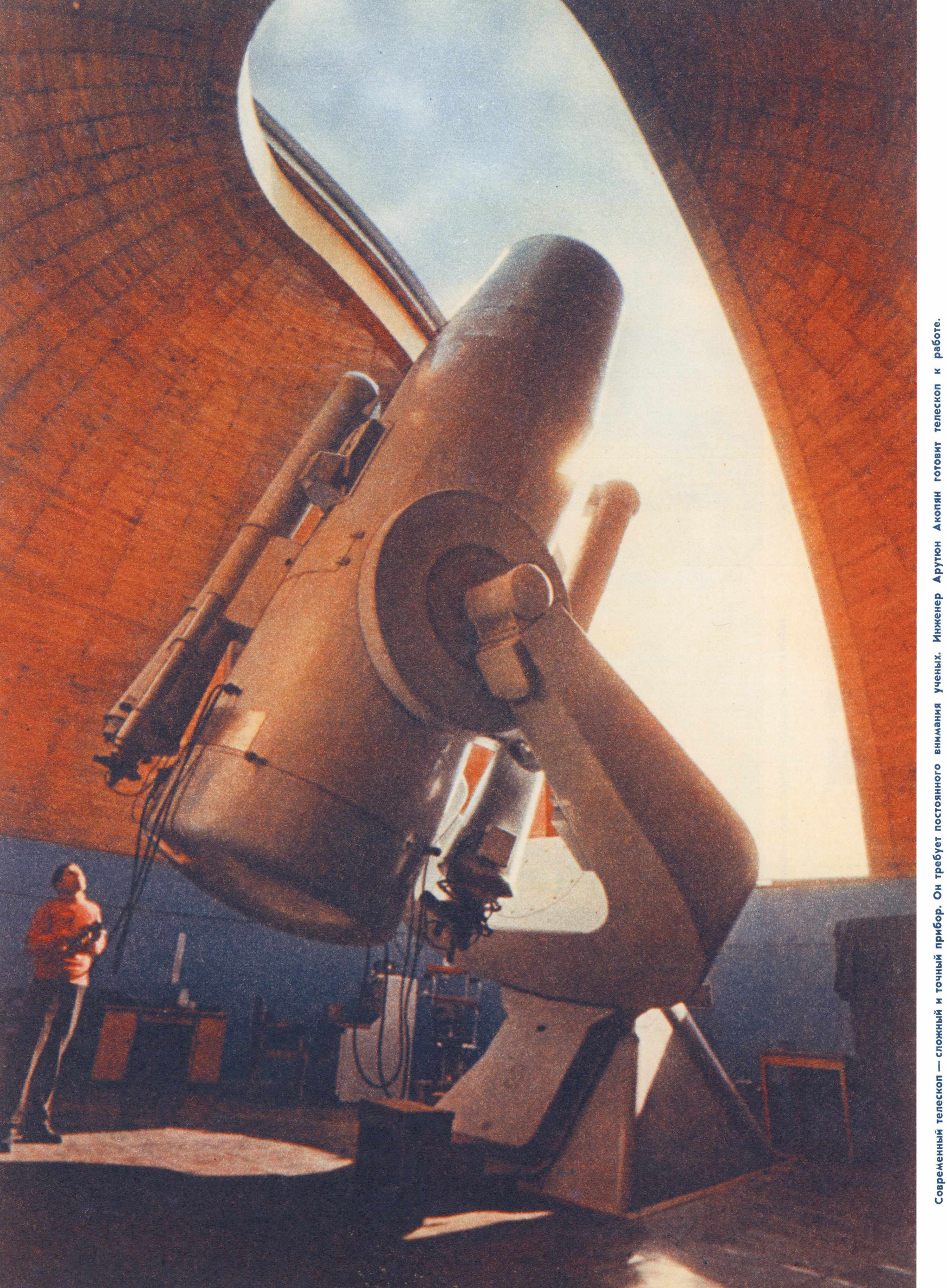
В 1947 году в Бюракане было обращено внимание на существование рассеянных групп горячих звезд, обычно сосредоточенных вокруг одного или нескольких скоплений. Эти

Эмма Арутюнян — младший научный сотрудник Бюраканской обсерватории.

Высоко в горах раскинули крылья антенн радиотелескопы. Они слушают «голос» далеких миров.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Современный телескоп — сложный и точный прибор. Он требует постоянного внимания ученых. Инженер Арутюн Акопян готовит телескоп к работе.

группы оказались слабо связанными между собой и весьма неустойчивыми, они должны были распасться за несколько десятков миллионов лет. Такие сравнительно молодые, неустойчивые и теперь распадающиеся группы звезд академик Амбарцумян назвал звездными ассоциациями. Возраст ассоциаций, а значит, и входящих в них звезд оказался не превышающим нескольких миллионов лет. Между тем средний возраст других звезд составляет несколько миллиардов лет. Отсюда Амбарцумян сделал фундаментальный вывод, что формирование звезд галактик продолжается и поныне, то есть звезды возникали вчера, возникают сегодня и будут возникать завтра.

За открытие звездных ассоциаций В. А. Амбарцумян и его талантливый ученик Б. Е. Маркарян получили Государственную премию.

В конце 1951 года на Всесоюзном совещании в Бюракане большинство астрономов подтвердили важнейшие выводы Амбарцумяна и его учеников по звездным ассоциациям.

Загадочна Вселенная... Но в том, что нам кажется непонятным в небесной сфере, ученый видит строгие закономерности. Он пристально наблюдает ту гармонию мира, ту согласованность небесных тел, которую Пифагор назвал одним словом — «космос».

Несколько лет академик Амбарцумян усиленно занимался изучением нестационарных звезд. Это было важно не только для познания их природы и закономерностей их происхождения, но и для проникновения в закономерности строения вещества при условиях, которые пока не существуют в земных лабораториях.

Многочисленные фактические материалы и вычисления показывают, что развитие физики нестационарных звезд оказывается тесным образом связанным с успехами физики атомного ядра.

В 1956 году в Бюракане совещание советских и зарубежных астрономов обсуждало одну центральную проблему — проблему нетеплового излучения звезд. Оживленный обмен мнениями доказывал правильность суждений Виктора Амазасповича по этим вопросам.

Известно, что Крабовидная туманность образовалась в результате происшедшей в 1054 году вспышки сверхновой звезды, зарегистрированной в свое время в китайских летописях. Девятьсот лет спустя, в 1954 году, в Бюраканской обсерватории астрономы во главе с Амбарцумяном добились выдающегося открытия, оказавшего большое влияние на развитие современной астрофизики. Им удалось на основе точных электрофотометрических наблюдений обнаружить сильную поляризацию света Крабовидной туманности.

За последние годы две главные темы находятся в центре внимания Амбарцумяна и его сотрудников. Это исследования строения нашей Галактики и получившее значительное развитие в последнее время исследование Метагалактики. Цель внегалактической астрономии — как можно глубже понять законы развития галактик и их скоплений и, исходя из этих законов, сделать вывод о строении Вселенной и закономерностях развития вещества в ней.

— Одно очень важно,— говорит Амбарцумян.— Особое внимание следует уделить недавно открытым квазизвездным объектам, представляющим собой тела, испускающие больше световой энергии, чем целые гигантские галактики, но имеющие очень небольшие по сравнению с ними размеры. Явления, протекающие в квазизвездных источниках, во многом напоминают активность ядер галактик.

В различных обсерваториях мира продолжают с интересом изучать вопросы, связанные с идеей активности ядер галактик, выдвинутой Амбарцумяном.

Открытия ученого совершаются не ощупью, а по твердо задуманной программе. В разработке научных проблем он прежде всего любит ясность и четкость. Результаты его трудов и трудов его сотрудников и учеников оглашаются только в том случае, когда малейшие сомнения остаются позади.

Возглавляемая академиком Амбарцумяном ордена Ленина Бюраканская астрофизическая обсерватория поддерживает связь с астрономическими центрами различных стран.

Пишут Виктору Амазасповичу как астрофизику, педагогу, общественному деятелю, президенту Академии наук Армянской ССР, человеку, чуткость которого многим известна. Приглашениям на разные конгрессы и симпозиумы нет конца. Амбарцумян является почетным членом одиннадцати иностранных академий и научных обществ. Виктору Амазасповичу исполнилось шестьдесят лет. Но он полон сил.

Как же пришел в науку Виктор Амбарцумян?

Математические способности своего сына отец обнаружил в раннем детстве.

— Знаешь, папа,— сказал отцу как-то семилетний сын, — математика — удивительная вещь! Например, закрыв глаза, я могу произвести какие угодно вычисления. И как-то странно: эти вычисления бесчисленны и бесконечны. Я всегда мысленно занят этими действиями. Мне очень хочется заниматься вычислениями, связанными с Луной, Солнцем, земным шаром и даже звездами.

Шли годы. Склонность юного Виктора к астрономии уже была широко известна. Виктора называли астрономом. И это не в шутку. Звезды манили к себе будущего астронома. Он жадно занимался и всем сердцем стремился в Петроград.

Наконец в 1924 году мечта его сбылась.

Шестнадцатилетний Виктор с берегов Невы в письмах к родным делится своими взглядами на подготовку к серьезной научной деятельности.

В 1938 году в Ленинграде происходил Второй астрономический съезд. К этому времени имя Амбарцумяна было хорошо известно в научных кругах.

Это была пора, когда рождалась новая отрасль науки — теоретическая астрофизика. С первых же лет ее формирования Виктор Амбарцумян занял в ней одно из ведущих мест. Молодость всегда рождает много новых идей и критическое отношение к традициям в науке. Новые идеи в то время рождались очень быстро и быстро попадали в международную печать. Так было с оригинальными идеями В. А. Амбарцумяна и работавшего тогда вместе с ним Н. А. Козырева, в частности, по звездам типа Вольф-Рейе, типа гамма Кассиопеи и другим.

В эти годы В. А. Амбарцумян заканчивал свое замечательное исследование по физике планетарных туманностей. Оно было опубликовано у нас в стране, а работа по количественному исследованию звездных атмосфер — в Германии. Проблема изучения количественного химического состава звездных атмосфер только-только зарождалась.

Для решения этого вопроса необходимо было создать соответствующую теорию и применить ее на практике. Именно это было сделано В. А. Амбарцумяном в Советском Союзе, А. Унзольдом — в Германии, Г. Ресселом — в Америке.

В данном случае теория нашла прекрасное применение в решении проблемы химического состава атмосфер звезд и других объектов.

Амбарцумян переносит свою кипучую деятельность в университетскую обсерваторию.

— В Ленинградском университете,— вспоминает один из любимых учеников Амбарцумяна, Виктор Соболев,— было много последователей у моего учителя. Некоторые из них впоследствии сами стали видными учеными. Но учениками Виктора Амазасповича следует считать не только тех, кто числился его аспирантом. Можно без преувеличения сказать, что под его непосредственным влиянием выросло целое поколение советских астрофизиков.

Очень оживленно проходили научные споры под руководством Виктора Амазасповича. Особенно боевым был в то время вопрос о возрасте нашей Галактики. Амбарцумян выдвинул и обосновал «короткую шкалу» жизни Галактики — порядка нескольких миллиардов лет. Свои взгляды ему пришлось отстаивать не только в полемике с зарубежными учеными, но и с некоторыми из наших философов. Его взгляды на сроки эволюции Галактики теперь являются общепринятыми.

...1941 год. Грянула Великая Отечественная война.

Ученый оказался в воинской части.

В конце концов его вернули к научной деятельности. Он уехал в Елабугу руководителем филиала Ленинградского государственного университета.

«Чем может сейчас помочь Красной Армии астрономическая наука?— думал тогда Амбарцумян.— Восемь раз в день передают сигналы точного времени. Это помогает штурманам самолетов и летчикам в слепом полете, всем, кому нужно знать точно свои координаты. Астрономы решили загадку внезапных нарушений радиосвязи, жизненно необходимой для армии и флота. Что еще?»

Его исследования рассеяния света в мутных средах могут тоже иметь серьезное оборонное значение: решить проблему видимости в земной атмосфере и под водой.

Ответ на вопрос, насколько была важна эта работа ученого, пришел в 1946 году. Амбарцумяну была присуждена Государственная премия в области науки.

На многие годы запомнятся дни XIII Генеральной ассамблеи Международного астрономического союза в 1967 году. Тогда в Праге состоялась церемония вручения академику В. А. Амбарцумяну диплома почетного доктора Карловского университета.

Свою ответную речь Амбарцумян посвятил судьбам современной астрономической науки. Он отметил, что в древней Праге на рубеже XVI и XVII веков творили такие основоположники современной астрономии, как Тихо Браге и Иоганн Кеплер. Как известно, в то время развитие астрономии послужило основой для бурного развития всех остальных наук, как о природе, так в конечном счете и об обществе. Происходящий в Праге конгресс астрономов, вероятно, также ляжет в основу бурного развития всех остальных наук, в том числе физики и химии. Мир небесных светил, который еще недавно казался застывшим и неизменным, ныне представляется живущим бурной жизнью. В каждом уголке бесконечной Вселенной идет беспрерывная борьба между гигантскими силами притяжения и отталкивания.

В наши дни изучение космических лучей, потоков нейтрино и других микрочастиц, открытие квазаров, пульсаров, гигантские взрывы в галактиках и многие другие неожиданные открытия показывают, что во Вселенной мы наблюдаем такие процессы, которые не укладываются в рамках известных нам теорий. Наблюдая эти нестационарные процессы, современная наука стоит на пороге открытия новых великих законов взаимодействия и движения материи.

* * *

...Я прощаюсь с Бюраканом. Здесь уже наступили сумерки. Око бюраканских телескопов устремляется в неизведанные дали. На темно-синем небосводе восходят, мерцают небесные светила. Вот зажегся свет в кабинете В. А. Амбарцумяна...

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

ЧЕМ ЖИВЕТ СТРАНА ГОР

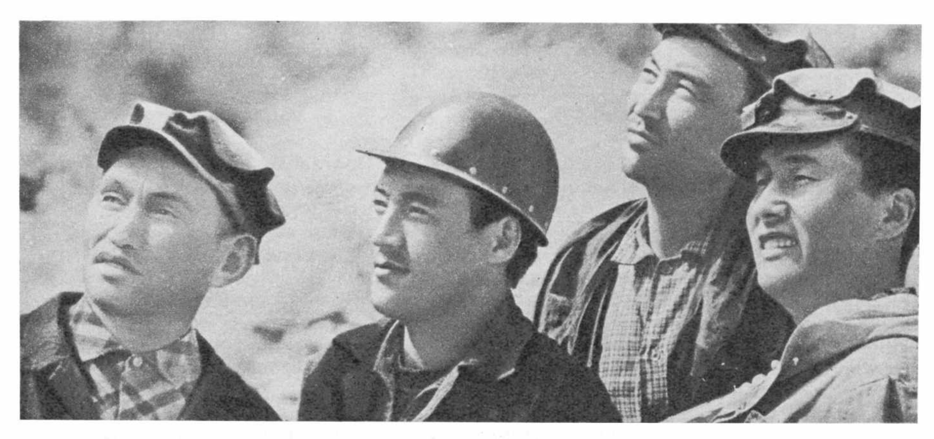
За истекшие четыре года пятилетки среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в нашей республике составили 12,5 процента. Эта цифра, конечно, многое скажет специалистам — статистикам, экономистам. А человека, далекого от экономической науки, вероятно, более впечатлит перечень тех важнейших объектов, которые введены в эксплуатацию в канун юбилейного года. Вошли в строй Майлисайский электроламповый завод, самый крупный в стране цех электролиза сурьмы в Кадамджае, завершено строительство межреспубликанской линии электропередач Фрунзе — Луговая, сварена последняя труба на трассе газопровода Бухара — Джамбул — Фрунзе.

На дворе вьюжный февраль, и снег, который киргизы круглый год видят на горных вершинах, выбелил долины. Давно уже заложили сельские труженики основу будущего урожая. Но забот у них не поубавилось. На улице холод, а у механизаторов — горячая пора: готовятся к весенним полевым работам — ремонтируют сельхозтехнику, вывозят на поля удобрения. А в отарах уже началась «жатва» — зимний окот овец. В отаре чабана Садыка Шаршеева из колхоза «Заря коммунизма», Тюпского района, появилась на свет первая сотня ягнят. Сакманщики заботливо ухаживают за малышами. Хорошо прошел первый месяц зимовки у овцеводов Кантского района, которые выпасают огромные отары на просторах дальнего пастбища Кенес — Анархая...

Как-то, читая архивные материалы, я обратил внимание на такую цифру. В 1915 году на территории нынешнего Киргизстана в промышленном производстве было занято всего-навсего 116 женщин-киргизок. Представляете, что значит эта цифра! Десятки тысяч киргизских женщин стояли в стороне от жизни общества, на их долю выпало лишь бремя бесконечных унылых хлопот у очага черной юрты. Давно уже прошли те мрачные времена. Октябрьская революция принесла освобождение женщинам Киргизии. Вот лишь одна страница из книги их трудовой славы. Сахарная свекла вначале худо приживалась на киргизской земле. 40 центнеров корней с гектара считались добрым урожаем. Но вот на благодатную землю Чуйской долины вышли киргизские женщины и взялись за трудную культуру. Урожай рос с каждым годом. Сначала 400, потом 500, 700 центнеров с гектара. Кто они, творцы тех начальных рекордов? Шайырбюбю Тезекбаева, одна из первых киргизок, награжденных орденом Ленина; дважды Герой Социалистического Труда Суракан Кайназарова. Теперь у них тысячи последовательниц...

Полная сил и энергии, идет Советская Киргизия к юбилею великого вождя. А когда придет славный юбилей, мы встретим его не только трудовыми успехами, но и букетами цветов — маков и тюльпанов.

Н. ДЖАНАЛИЕВ,
редактор газеты «Советтик Кыргызстан»

Бригадир строительной бригады Толен Усубалиев, рабочие Кенеш Айткулуев, Рысалы Мамыров и Жокен Бапанов.

Фото В. Кириенко.

И СТАНЕТ ОЗЕРО МОРЕМ

Кара-Куль в переводе с киргизского — черное озеро. Так назвали его, вероятно, потому, что сюда редко заглядывает солнце: очень высоки горы, окружающие небольшой водоем. И вот здесь, неподалеку от Кара-Куля, люди решили строить плотину, чтобы в самом узком створе перекрыть беснующийся Нарын.

В узком ущелье, сдавленном километровыми скалами, предстояло воздвигнуть плотину высотой в 217 метров, уложить три миллиона кубометров бетона в здание гидроэлектростанции и тело плотины. Это казалось невероятным из-за необычайно трудных условий: ни дорог, ни подхода к створу. Только яростная река и узкая полоска неба над головой.

На строительство Токтогульской ГЭС приехали добровольцы со всего Советского Союза, люди 42 национальностей. За короткий срок вырос молодой город Кара-Куль. В городке уже есть своя промышленность. Действует гравийно-сортировочный завод. Скоро выдаст первую продукцию один из крупнейших в стране бетонных заводов. Началось сооружение предприятия по выпуску железобетонных конструкций. Открыт строительный техникум и филиал Фрунзенского политехнического института.

На самой стройке завершился длительный период подготовительных работ. Бригада Толена Усубалиева приступила к послойной укладке бетона в основание плотины. А бригада проходчиков Джангазы Джоробекова недавно начала сооружение спирального транспортного тоннеля, по которому машины будут доставлять к стройке бетон и металл.

Электроэнергию Токтогульской ГЭС получат горные аилы Тянь-Шаня, земледельцы Ферганской долины соседнего Узбекистана. А рядом с Токтогулкой, поглотив черное озеро Кара-Куль, разольется водохранилище, равное по объему Цимлянскому морю.

Л. КРЕЧЕТОВА,
корреспондент «Советской Киргизии»

ПО ДОРОГАМ ВСЕЙ СТРАНЫ

Фрунзенский автосборочный завод. Главный конвейер.
Фото В. Кириенко.

Первый автомобиль появился на горных дорогах Киргизии в 1926 году. Люди пожилые вспоминают, как он прибыл в Кетмень-Тюбинскую долину: в разобранном виде... на верблюдах.

А ныне Киргизия сама стала производить автомобили, которые колесят по дорогам всей страны. Самосвалы с трехсторонней разгрузкой и с предварительным подъемом кузова, поливо-моечные машины, молоковозы и автобензозаправщики — вот какие автомобили выпускает Киргизия.

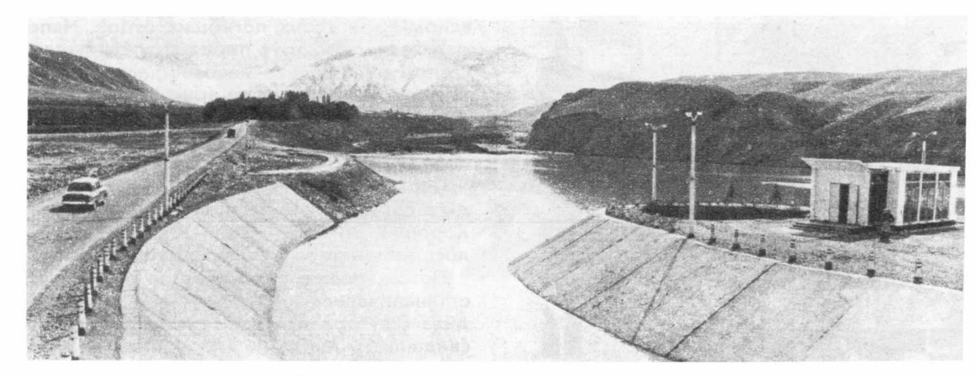
С каждым годом наращивает темпы производства Фрунзенский автосборочный завод.

Автосамосвал фрунзенских машиностроителей экспонировался на ВДНХ СССР, и бригада А. С. Богомолова, освоившая сборку самых сложных его узлов, была награждена бронзовой медалью.

— В юбилейном ленинском году,— сказал нам директор завода кандидат экономических наук Жакен Загулов,— наш коллектив выпустит сверхплановые автомобили. Это будет наш подарок ко дню рождения Владимира Ильича.

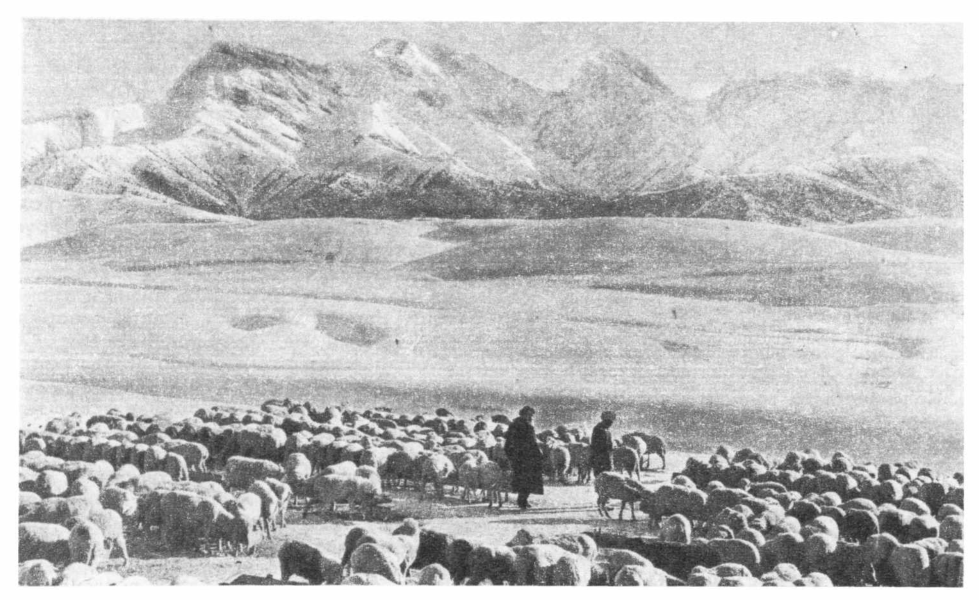
Ю. БЛЮМ,
корреспондент «Советской Киргизии»

КИРГИЗИЯ ГЛАЗАМИ ФОТОРЕПОРТЕРОВ

Аларчинское водохранилище. Оно позволяет оросить более 20 тысяч гектаров плодородных земель, которым не хватало влаги.

Фото А. Егорова.

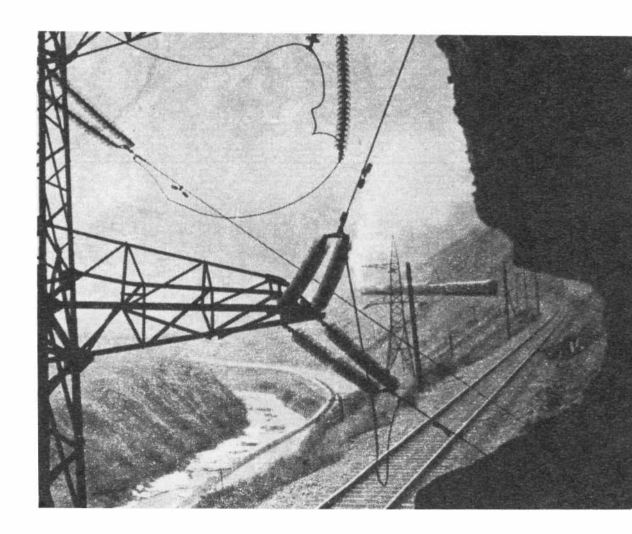

Чабаны колхоза имени Куйбышева, Тянь-Шаньского района, ведут подкормку овец на зимнем пастбище Каракуджур.

Фото В. Кириенко.

РАЗБУЖЕННЫЕ ГОРЫ

Боом. Гиблое, труднопроходимое это ущелье служило когда-то для плодороднейшей Иссык-Кульской котловины единственным выходом в большой мир. Нечего и говорить, как это тормозило развитие края. И именно это ущелье стало той дорогой, по которой в Иссык-Кульскую котловину пришли первые строители Турксиба, оставив позади себя широкое шоссе, почти повторявшее головокружительные повороты, подъемы и спуски петлявшей здесь конной тропы. Шоссе, ныне реконструированное, связало Прииссыккулье со столицей республики, с Чуйской и Таласской долинами.

В годы Великой Отечественной войны по Боому на орлиной высоте строители протянули железнодорожную магистраль. Тяжким был труд людей, рушивших вручную, кайлом и ломом, тысячевековую незыблемость гранитных скал. И, наконец, совсем недавно тут поднялись опоры высоковольтной линии электропередач, по стальным проводам которой потекла в Прииссыккулье мощная река электроэнергии от Фрунзенской ТЭЦ. Получив дешевую электроэнергию, города и хозяйства, расположенные на северном побережье озера, ликвидировали сотни маломощных и дорогостоящих дизельных электростанций, механизировали труднейшие процессы в промышленности и сельском хозяйстве.

Сейчас строители движутся дальше — по орбите будущего энергокольца вокруг Иссык-Куля. Оно замкнется в четвертом квартале нынешнего года.

А. ШАРОВСКАЯ,
зав. отделом информации «Советской Киргизии»

БЕРКУТЧИ — УВАЖАЕМЫЕ ЛЮДИ

Охотник с беркутом. Для Киргизии это вовсе не экзотика, а, так сказать, обычное явление. Правда, увлекательнейшей охотой с ловчими птицами на лисиц и волков занимаются обычно седобородые аксакалы, верные обычаям предков.

На Тянь-Шане немало ловчих птиц: орел, ястреб, дербник, кречет, сапсан. Но охотники-киргизы всем им предпочитают беркута. О самых сильных и ловких беркутах народ издавна складывал легенды. Опытные дрессировщики птиц и удачливые охотники были некогда самыми почитаемыми людьми в аилах. Да и ныне беркутчи пользуются большим уважением. Сотни шкурок лисиц в сезон поставляют они на заготовительные пункты.

Фото В. Кириенко.

НА ОРЛИНОЙ ВЫСОТЕ

Фото В. Тищенко.

Приглядитесь внимательней к нашей фотографии. Это пик Победы — голубая мечта каждого альпиниста. Да, но с какой точки он снят? Фоторепортер приютился в альпинистской палатке, установленной на западном гребне Хан-Тенгри. Под нами 6 000 метров. И вокруг, сколько ни окинет взгляд, горы, горы, горы...

Киргизия — страна гор. Трудно найти место в республике, откуда бы не было видно вершин Тянь-Шаня или Памиро-Алая. И что удивительного, если наша молодежь все знаменательные события отмечает восхождениями! В 1962 году, в День советской милиции, альпинисты из Фрунзе взяли еще не покоренную вершину высотой 4 230 метров и назвали ее пиком Советской милиции. А маршрут да и саму вершину они облюбовали из... окна третьего этажа городского здания.

Просто гор у нас столько, что на каждого жителя Киргизии, похоже, приходится одна вершина выше 4 000 метров, а на семью — так и по пятитысячнику наберется. Как сказали бы статистики, Киргизия имеет один из самых высоких в мире показателей по количеству вершин на душу населения.

И, конечно, вполне закономерно, что в прошлом году Киргизия стала центром советского альпинизма, что из всех золотых, бронзовых и серебряных медалей в командном чемпионате Советского Союза по альпинизму ровно половина была разыграна на вершинах Киргизии. Другая половина досталась Памиру и Кавказу.

А особенно приятно то, что некоторые награды остались в Киргизии. Золотая медаль у фрунзенца В. Суханова. Бронзовые в классе траверсов — у восьмерки альпинистов республики, возглавляемых капитаном А. Тустукбаевым.

О стадионах говорят: «быстрый лед», «быстрая дорожка». А высокогорному стадиону лучшая альпинистская оценка: «Ох, и хороши вершины, сам черт ногу сломит!»

А. РОМАНОВ,
мастер спорта СССР

Иван ПУЗАНОВ

Рассказ

Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

„ТУМАН С МОРЯ ПОДЫМАЕТСЯ..."

Ждали поезда. На запасных путях нудно и сонно катались товарные вагоны, лениво ходили чумазые сцепщики, звякали буфера. Будто простуженный, чихал старый лобастый паровоз. На перроне беззаботно галдели нарядно одетые станичные девчата — охотницы встречать и провожать пассажирские поезда.

Было безветренно и жарко. За станицей над курганом, давным-давно насыпанным предками, неподвижно висело мягкое облачко, словно зацепилось за телевизионную вышку, воткнувшуюся в небо.

Сергей нетерпеливо погладил пятерней русую шевелюру, украдкой поглядел на часы: скорей бы уж в вагон, не томить душу матери. Чувствовал: догадывается мать, куда и зачем он едет. За сколько лет собрался из дому, и вот... Видать, не зарубцевалась рана, не забылась обида за столько-то лет... Не спала — он слышал — до глубокой ночи, вздыхала.

— И зачем тебе к морю!..— Сидевшая рядом на скамье мать крутнула головой, горько усмехнулась. Поглядела искоса на сына, спрятала под косынку седую прядку, молчаливо уставилась на гладкие блестящие рельсы.— Или у нас воды мало?

— Интересно все-таки... на мир поглядеть.

В привокзальном садике нестройно пели, звенели стаканами — провожали в армию парней. Два старичка, задрав головы, затянули старинную, почти позабытую песню:

Туман с моря подымается,
Вот наша армеюшка
В поход собирается...

Песней и своим бравым видом они будто хотели сказать молодым, что живы еще в них воины старой закалки, что и они понюхали пороху и что не померкла и поныне память о былом, далеком.

Ударили в колокол. На узком перроне забегали, засуетились станичники с чемоданами и узлами. Загремели посудой на базарчике. Из-за бугра, как из норы, вывернулся черный тепловоз с круглым сверкающим глазом. Мать протянула руки к сыну, взяла за плечи, проговорила хрипло:

— Ну, поклонов передавать некому...— Пальцы ее вздрагивали на сыновних плечах.— А не приглянется там — сразу домой...

— Ладно, мама. Я скоро,— глядя в сторону, обещал сын.— Съезжу... на море погляжу.

Мать кивнула, опустила голову. Сергей взял черный чемоданчик и прыгнул в вагон.

Мимо окон проплыл высокий, поросший ковылем курган — стародавнее место встреч и расставаний в лихую годину. В первый год войны у кургана расстался с отцом и Сергей. И тогда, помнится, пели эту песню «Туман с моря подымается». Запомнилась и другая: «Дадут мне шашечку, винтовочку».

Поезд мчался по холмистой порыжелой степи. Любил родную степь отец. Сядет, бывало, на вороного дончака и, припав к его гриве, мчится ястребом, только пыль за ним схватывается, бурку рвет ветер. А что он выделывал в праздники на скачках за курганом! На ровную поляну высыпала вся станица. Гремел духовой оркестр. Казаки мчались наперегонки по кругу. Сережка следил за отцом. А отец рубил лозу налево и направо, скакал стоя в седле, на скаку пролезал под брюхом у коня. Хлопали отцу в ладоши, пожимали руку члены призовой комиссии. Ловкий был батянька. Красиво было глядеть на него. А как завидовали Сережке ребята, когда он с отцом сидел в седле, возвращаясь в станицу! Счастливая была пора.

Всю войну прошел отец, от Волги до Праги. Жив остался. А вот... после войны в станицу не вернулся. Мать украдкою ходила гадать к ворожке. Надоедала вернувшимся фронтовикам расспросами: «Не видали нашего?.. Где он застрял? Неужели?.. Не дай бог беды». Все в окошко глаза пялили, отца поджидали. Скрипнет, бывало, дверь, а мать так и встрепенется, побледнеет. Летом сорок пятого получила мать от него письмо. Помнится, выхватила она его из рук почтальонки, обняла девушку. Потом... прочла, скомкала. Как-то странно, растерянно оглядела темные пустые углы куреня и будто онемела. Дрогнули уголки ее губ, и она, сутулясь и клонясь к столу, заплакала тяжело и беззвучно, как бы боясь своих слез. Весь вечер, не зажигая лампы, сидели они и молчали — мать и сын. Фотокарточки отца она сняла со стены и про него больше не рассказывала ни хорошего, ни худого.

Сережка чуял сердцем тогда, что случилось что-то недоброе и уже непоправимое, но не докучал матери расспросами. Она не раз плакала и потом втихомолку, скрывая от людей и от сына свое горе. Улыбалась она редко и робко. Все по дому делала суетливо, торопясь. А иной раз как бы забывалась. Споласкивая посуду, долго терла тряпкой тарелку, потом вдруг спохватывалась, откладывала ее в сторону. Задумавшись о чем-нибудь, прижимала к груди Сережку, шептала: «Ничего, сыночек, переживем. Не нам одним тяжко. Вот и люди добрые нас не забывают. Спасибо им. Потом ты подрастешь».

Сережка с тех пор не просил мать сшить ему новую рубашку, уже не грозил ребятам, оказываясь битым в драке на улице: «Вот приедет папанька, он...» Теперь Сережка завидовал сверстникам, кто ходил в защитных — перекроенных из отцовских — рубахах и штанах, починенных ботинках. А у иных, старшеньких, даже были и часы. Не раз Сережка прикладывался к ним ухом и, завороженный, слушал четкое, таинственное тиканье. Реже доводилось теперь ему на колхозном базу гонять тряпичный мяч, бултыхаться в речке. Глядя на усталую мать, он хватался за тряпку и мыл полы, плескал воду в грядки, окучивал картошку. А по вечерам уходил с такими же, как и он, сиротками на высокий песчаный бугор за красноталом. В летние воскресные дни ребята убегали из дома спозаранок к речке. В обрывистых берегах драли раков и пекли их на костре, ловили бирючков и заваривали в котелке уху. Не было такого дня, чтобы ребята не вспоминали своих погибших отцов. Наперебой они хвалились друг перед другом папаньками. Одному уж больно запомнилось, как отец катал его на тракторе, другой в который раз рассказывал, как ловил с отцом рыбу, носил на стан обед или ночевал в степи в сенокосную пору.

Сережка отмалчивался. Копилась, росла обида в сердце: жив родной отец, а не вернулся. Хороший он или плохой? К обиде примешивалось непонятное чувство смущения.

Потом, позже, приезжал на родину отец, но останавливался он на хуторе у сестры. Приходила с хутора тетушка и уводила Сережку «на свидание». Мать не перечила, но, недобро усмехаясь, провожая сына, говорила тетке: «На поглядки ведешь? Ну, своди, своди. У него, поди, теперь другие желанные есть. Это он так, из прихоти. Да чтоб худого про него не сказали». Тетка возражала: «Что ты, Фенюшка, души он в нем не чает. Иссохся по сыну». «Не верю»,— говорила мать.

Отец еще за калиткой хватал Сережку на руки, мял его крепкими жесткими пальцами, подкидывал вверх. И Сережка видел в глазах его слезы. «Сыночек,— шептал отец.— Сынок... Казачонок. Кровушка». Голос его дрожал. А Сережка сердито говорил: «Папанька, пойдем домой, чего ты тут? Мамка дома. Утром пирожков испекла». Отец, высокий, пружинистый, сильный, широко вышагивал по комнате, хмурился, размахивал руками и говорил-говорил что-то непонятное про жизнь и проклятую войну. Не для Сережки, видать, говорил, для себя. Днями не отпускал от себя Сережку. Он рассказывал ему про войну, про своих друзей-товарищей, с кем прозябал в окопах и ходил в разведку. Вспоминал вслух тех, что погибли на фронте. «Вспоминать страшно, что было. А вот выдюжили,— говорил он.— Ничего, жизнь наладится. Ты расти, сынок, сильным расти, крепким. И ничего тебе страшно не будет. Вижу, напористый ты. В нашу породу пошел, в ермолаевскую...» И так глядел Сережке в глаза, будто просил прощения.

Из хутора Сережка уходил в слезах, но в новом костюмчике, с кульком конфет и пряников. Прощаясь, отец наказывал: «Мамку слушайся, она хорошая». Сережка угощал конфетами дружков, но не признавался, где взял.

В станице сразу же после войны про отца расспрашивали сослуживцы, вздыхали, отводя взгляд в сторону. Потом перестали докучать матери и сыну вопросами.

Позже, когда Сережка-старшеклассник приходил к тетке на хутор, отец угощал его мандаринами, виноградом, дарил недорогие обновы, но в станицу не показывался. Однажды Сережка спросил его: «Отец, а почему ты в станицу не идешь?» Он впервые назвал его так: «отец». Не глядя сыну в глаза, отец мрачно ответил: «Поживешь — узнаешь». Но Сергей и по сей день точно не знает, почему он не вернулся в станицу. Разное приходило в голову. Может быть, отец испугался послевоенной разрухи и не поехал в колхоз? Так ведь он был работящий, не привередливый. Спал в степи на фуфайке, ел что подаст мать, а в праздники она загоняла его силком в новый костюм. В приморских санаториях он не нуждался, был здоров, крепок, все на коне рвался проскакать. На деньги отец не падкий, так что торговать винишком или лавровым листом не станет да и не сумеет. Выехал он как-то перед войной на базар арбузы продать, так раздал все бесплатно дружкам да знакомым и прикатил довольный и веселый. Что же прикрутило его там, на берегу моря, на долгие годы? Чего ради в рыбаки подался? Ведь он степной человек. Здесь его друзья, двоюродные братья, дядья и тетушки.

Когда приходилось туго — недоедал, прозябал в холодной одежонке,—Сережка почему-то представлял отца, вышагивающего по морскому берегу в белом костюме с красивой молодой женщиной. Отец далеко, в ином, недоступном мире. Он доволен, сыт, похрустывает яблоком и курит пахучий табак. До боли становилось обидно. Мать в такие дни, бывало,

чувствуя сыновнюю боль и горечь, засуетится, захлопочет молчаливо. Раздобудет муки, натопит жарко печь, испечет блинов, скажет сыну: «Вот и хорошо нам с тобой. Не горюй. Выживем».

Потом, когда Сергей начал с вечерок провожать девчат, думал и о другом. Может быть, любовь отца к той неизвестной женщине пересилила всех и все? Может быть... Закрадывалось и такое... Отец, как-то подвыпивший, проговорил: «Сплоховал я, сынок, а теперь стыдно, да и... не воротишь». Как и где сплоховал? Кого, чего ему стыдно? А не струсил ли отец в бою, а она стала свидетелем его трусости, и он теперь до конца жизни своей у нее под каблуком? В это верить не хотелось.

Жестоко поступил отец тогда, давно. Жизнь, возможно, по-другому бы повернулась, не так скоро состарилась бы мать, не так рано пошел бы Сережка слесарить в холодную эмтээсовскую мастерскую. Да что уж теперь!.. Жалко, что отец ничего не расскажет. Утонул он в море. А женщина, какая разлучила его с отцом, знала, что есть на земле такой человек — Сергей, а вот о похоронах не сообщила. Написала потом, спустя две недели. Помнится, мать проговорила: «Сгорел. Отмучился. На чужой сторонке схоронили. Сам себя наказал».

Уж давно нет ни тоски, ни боли при воспоминании об отце, но все же что-то звало поглядеть на ту, другую, на вторую жену отца, поглядеть, где он жил, кого воспитывал. Этим объяснял себе самому Сергей цель поездки. Но давно зрело в нем другое желание: понять отца, разобраться в том, что случилось когда-то. А любил ли его отец, или права мать, что приезжал он повидаться с сыном из прихоти?

За окном проплывали виноградники, бахчи, сады. Не увидел Сергей кустов терновника, голых бугров, бросовых низин, поросших красноталом или камышом. Все или вспахано, или засеяно, или дозревает на корню.

«Да, народу здесь много,— подумал Сергей, глядя на часто мелькающие поселки,— дорожат каждым клочком земли, не то что у нас. На несколько километров опоясал речку никому не нужный терновник, и никак не соберутся выдрать его с корнем и посадить помидоры или огурцы».

В вагоне было людно и шумно. На станциях входили налегке одетые парни и девчата с модными, на длинных ремнях сумками и яркими зонтами, болтали о пляжах, лодках, катерах и каких-то «дикарях».

Скоро море. Взрослые застегивали сумки, вытаскивали к выходу чемоданы, дети тянулись к окнам: ждали. В окно подувал теплый влажный воздух, такой в станице бывает летом перед дождем. Море... Так много рассказывают о его красоте! И Сергей увидел море, увидел из окна вагона ровную, как степь, сверкающую под солнцем громадину. И не видно морю ни конца ни края.

Сиял белизной, сверкал большими окнами двухэтажный вокзал с причудливыми украшениями. Со всех сторон обступили его кудлатые деревья, поодаль пестрели клумбы цветов.

На берегу — черные, розовые и белые тела и зонты. Право, негде яблоку упасть. А море шумело, сверкало, не уставая, качало на седой груди загорелые тела, лодки, выплескивало на берег темно-зеленую траву. У Сергея зарябило в глазах от многоцветного и яркого зрелища. Постоял у киоска, прислонившись к тарным ящикам, потом пошагал по тенистой аллее вдоль берега. Останавливался и опять глядел на море, прислонясь к дереву. Оно сверкало не так ярко и слегка побагровело под заходящим солнцем.

Шел неторопливо, разглядывая аккуратные домики. Море плескалось совсем рядом. На окраине Сергей взглянул на дом под тесовой крышей и остановился. Не показалось ли? Точно такой же дом у него в станице: высокий фундамент, три больших окна смотрят на восток, редкие широкие ступени, просторное крыльцо. Казачий курень, да и только! Рядом приземистый сарай и так же шагах в десяти от дома возвышался бревенчатый сруб колодца. Будто к своей усадьбе подошел. Должно быть, это и есть дом отца. Казалось, вот распахнется дверь и выйдет мать... За спиной шумело море. Пригляделся к номеру на калитке — он самый. В доме светились только два окна, глядящие на восток. Повернул щеколду, толкнул калитку. По деревянным ступенькам поднялся на крыльцо. Из дома доносился приглушенный говорок. Постучал. Кто-то легко шагнул в коридор, затих, потом девичий голос спросил:

— Кто?

Сергей потоптался, сказал:

— Сергей. Ермолаев.

За дверью молчали.

— Письмо писал,— добавил Сергей. Послышалось протяжное «а-а», и дверь открылась.

— Это... вы-ы? — прошептала девушка в белом платье.— Проходите.

Сергей шагнул через порог и очутился в просторной комнате. Запахло сырой глиной и свежевымытыми полами. Сидевшая за столом грудастая женщина и толстенькая девчушка поднялись.

— Здравствуйте,— нарочито громко сказал Сергей и слегка склонил голову набок, разглядывая хозяйку и ее дочерей.

— Сережа, да? — с легким испугом спросила женщина.

— Я. Верно.

Хозяйка нерешительно шагнула к Сергею, протянула руку.

— Анна Васильевна.— Уголки губ ее дрогнули, она робко улыбнулась и указала на табуретку у стола.— Проходите.— Стоя на середине комнаты, молчаливо разглядывала Сергея, а он — ее. Круглолицая, светловолосая. Лицо белое, будто густо напудрено. Серые глаза глядят настороженно. Жена... Жена отца. Не такой представлял ее Сергей.

— Вот вы... какой. Похожи... на отца похожи... Немножко.

— А мне говорят, что я больше на мать похож.— Сергей исподлобья взглянул на женщину и увидел, что она слегка смутилась.

— Нет. Нос и брови — отцовские. Да. Ну, вот это дочери. Родня. Тоже... Ермолаевы. Познакомьтесь.

Старшая, тонкая, белолицая, с черною косой, улыбнулась, протянула руку, поклонилась. «Юля»,— сказала тихо и опустила глаза. Младшая—розовощекая, пухлая, в коротком платье, резко сунула руку и как бы похвалилась:

«А меня Тамарой зовут». И она не поглядела парню в лицо.

— Что ж... Хорошо.— Сергей сел на табуретку. «Старшая чем-то на отца смахивает. Брови, лоб...» Оглядел комнату. Широкая железная кровать стояла у двери, сундучок, стулья, старинный шкафчик. На окнах тюлевые занавески.

Вот так же у двери деревянная кровать и стол у окна стоят у него дома. Такие же полочки для посуды, только окрашены они в белый цвет. И подоконники широкие. Правда, нет у него вот такой с тонкими стеклянными трубочками люстры, не покрашен пол и потолок. И за окном не седой курган, а темная вода, сбегающие к берегу ровные асфальтированные дорожки. Здесь совсем недавно вышагивал отец.

— Ну, девчатки, ужинать! — скомандовала мать и властно поглядела на дочерей.

— Я ел... недавно. Так что вы...

— Мы ничего не видели, мы ничего не знаем.— И хозяйка загремела тарелками.— Долго искали нас?

— Нет. Сразу нашел.

— А поезд?..

— А что поезд?

— Не опоздал?

— Вроде бы нет.— Сергей пожал плечами.

Девчата молчаливо раскладывали на столе вилки и салфетки. Сергей чувствовал на себе их несмелые любопытные взгляды.

Сергей глядел на располневшую невысокую женщину, которая мягко топталась у старинного шкафчика. Она подходила к столу, и Сергей близко видел ее зардевшееся пухлощекое лицо и тонкие брови. Она виновато и натянуто улыбалась, поторапливала дочерей.

— Ну-ну, хозяюшки, поживее.

«Ничего особенного в ней...» — отметил про себя Сергей и тут же спохватился, что этим он как-то оскорбляет память отца. Искоса поглядел на девчат. Они опустили глаза. Он поднялся и увидел в просторной зальной комнате (там стояла кровать, телевизор и радиоприемник) на стене в рамке портрет отца. Подошел к портрету. Вся грудь отца в орденах и медалях. Взгляд негодующий, суровый, губы плотно сомкнуты. Рядом в узкой рамке — фотография ее. Анна Васильевна в пилотке, на груди медали. Волосы коротко острижены. Похожа на мальчишку.

— Вот сколько у него наград! А я и не знал.

Хозяйка задышала сзади, сказала:

— Отважный он был на фронте. Его в полку так и звали — «Атаман». В газетах про него писали. Покажу. Завтра.

— Вместе, значит, воевали? — не оборачиваясь, спросил Сергей.

— Да, пришлось. В сорок третьем от смерти отходила. Зимой тащила его на себе километров пять. В обе ноги его... осколками...

Сергей поглядел на женщину сверху вниз.

— Да-да,— подтвердила она и отвела взгляд в сторону.— А вот его благодарности за работу.— Листы с подписями и печатями висели в рамках ниже портрета.— Любили его рыбаки. А бригада в праздники нам гостинцы покупает. Не забывают. Такой же портрет есть и в Доме рыбака.

Сергей искоса оглядел полное тело хозяйки в белом платье. Не верилось, что когда-то этот полный стан обхватывал широкий солдатский ремень, что рядом с нею был отец...

Вернулись к столу, где все уж было готово к ужину. Девчата, опустив головы, стояли рядом, будто нашкодившие ученицы. «Какие-то они неживые, угрюмые»,— подумал Сергей. Уселись за стол, Сергей потянулся к чемодану, поставил на стол бутылку вина.

— Давайте... Полагается вроде в таком случае.

— Я уж не держу это зелье.— И хозяйка поднялась, сходила за рюмками. Выпили не чокаясь.

Младшая поглядывала на Сергея, но, как только он ловил ее взгляд, она опускала голову, будто в чем-то провинилась. У старшей подергивались уголки губ, казалось, она вот-вот заплачет, но у нее теплели глаза, и она улыбалась робко, с оглядкой, будто ей это делать запретили. И ели они несмело, понемножку, как в гостях.

— Завтра девчата покажут город, пляж,— пообещала Анна Васильевна.

— В музей, в Дом рыбака...— подсказала старшая дочь.

— Да, да,— согласилась мать.— Так вы... поездом?

— Ага.

— А самолеты к вам летают?

— Летают. Маленькие. Двукрылые.

Замолчали все разом. Лишь слышно было, как позвякивали вилки. Сергей поглядывал на старшую, Юлию. Прищуривается она и сводит брови на переносье, как и отец. И губы у нее пухловатые — отцовские. Она потянулась к тарелке с хлебом, и мать спросила:

— Урожай у вас хороший был?

— Не очень-то... Но не хуже других годов.— И Сергей в упор поглядел женщине в глаза.

— Андрюша ведь вашу газету выписывал, я тоже про колхозы читала, а теперь...

Руки у Анны Васильевны белые, плечи округлые. Она то и дело облизывала влажные губы. Спрашивая, глядела мимо Сергея, повыше его правого плеча, на стену.

— Понравился вам город?

— Не успел разглядеть. Что ж, красиво. В райском уголке живете.

— Шумно очень.— Анна Васильевна вздохнула.— Приезжих много. И так почти круглый год. Говорят, в колхозе теперь не так, как раньше?

— Жить можно.— Сергей налил по второй.

— А вы что же делаете?

— Я? На тракторе...

И опять замолчали. Старшая царапала ногтем стол, младшая елозила вилкой в тарелке и искоса коротко поглядывала на гостя. «Они боятся меня... или... — недоуменно предположил Сергей.— Хотя что ж... Они теперь, как я когда-то... без отца... Поровнялись. Дал им отец жизнь, сделал крышу над головой и ушел». Ворохнулась в душе легкая, позабытая с годами обида, и жалость, и сочувствие. Но спросил бодро:

— Вы чего, девчата, пригорюнились?

— Мы? Мы — ничего...— ответила старшая и поглядела на сестру, на мать виновато.

— Чего ж не пошли в кино или... танцы, должно, бывают?

— Вот только ругала за это.— Анна Васильевна все еще избегала прямого взгляда гостя.— Вчера пришли поздно и сегодня собрались. Понравилось.

— Ленинградские артисты приехали,— тихо, глядя в тарелку, проговорила старшая.

— Не вам тянуться за отпускниками. Им лишь бы время убить.— Анна Васильевна поглядела на плечо Сергея.— В нашем городе враз избаловаться можно. Отдыхающие-то деньги здесь не жалеют, шикуют.

— Раз-то в год, чего ж...

— То-то и оно...— согласилась хозяйка.— А вот им,— она кивнула на дочерей,— может показаться, что все они и всегда так живут: ничего не делают, а веселятся и жирно едят. Красиво, говорите, у нас. Я бы рада уехать отсюда... из-за них вот...

— Ничего, подрастут, разберутся, что к чему, что хорошо и что плохо.

— Да вот дочь соседки не успела разобраться. На вино да конфетки позарилась. Теперь-то он далеко, а она... распашонки шьет. Артистов посмотрим... вот все вместе...

— Сходим, поглядим ваши театры,— согласился гость.

Анна Васильевна начала рассказывать про то, как зимой и весной свирепствовал грипп, привезли его из других стран моряки. И как она многие сутки до полночи колготилась в больнице, как приходили дочери из школы, надевали халаты и тоже помогали ей.

— Вы врач?

— Медсестра,— четко выговорила Анна Васильевна и спросила: — Вы в Черном море купались?

— Ни в Белом, ни в Черном. В речке своей.

— Морская вода полезная. Лечебная.

— Искупаемся... в лекарстве.— Сергей устало облокотился о стол. Вспомнилось давнишнее, сказанное отцом «сплоховал». Почему? Она оказалась потом не тем человеком? Из жалости, из доброты своей сплоховал? Трудно теперь узнать. Да и что она? Вот увидел, а потом...— В нашей речке купаться просторнее, вольготнее.

Сергей чувствовал, как слипались веки и тяжелела голова.

— Может, спать хотите? — спросила Анна Васильевна.

— Да не мешало бы... Вроде ничего не делал в дороге, а уморился.

Постелили гостю в зальной комнате. В полуоткрытое окно врывался отдаленный шум моря. Казалось, на берегу вздыхает и хрипит огромное животное. Где-то далеко тускло мерцали красные огоньки. Выключил свет и лег в постель. Порозовевшая от вина хозяйка вошла в зальную комнату, прикрыла за собой дверь.

— Ну вот и отдохнете на берегу моря,— сказала она, присаживаясь на стул у кровати.

В окно глядела луна, в комнате было светло. Анна Васильевна подала Сергею пачку сигарет и спички.

— Спасибо. Не научился.

Хозяйка помяла сигарету, положила на коробку. Потом она протянула белые руки до колен, сцепила пальцы.

— Вы, конечно, осуждаете меня? — начала она, глядя на окно.— Знаю, трудно вам было...

— Хлебнули горя. Да прошло уж все...

— Но вы должны и меня понять... Он был тогда такой добрый, что бросить меня не мог. А я сама не могла оттолкнуть его. В сорок пятом я была уже в положении. Извините, что я так... Вы взрослый. Приехали мы сюда к моим старым родителям, в мазанку. И холодно было и голодно. После родов я долго болела, он работал. Кормил нас. Мы ему все благодарны.— Она помяла пальцы, откинула голову, вспоминая былое.— Но вот какой-то странный он был. Для других война закончилась. Заслуженные люди лечились, отдыхали, а он... будто продолжал воевать. Чего-то ему не хватало. Трудно он привыкал к морю. Я закурю, вы уж...

— Ага.

Она зажгла спичку, пыхнула дымком, тихо проговорила:

— После него... научилась. Но я редко... В шрамах весь, ему бы к морю с удочкой... Он завоевал себе право... Девчата любили его. С утра до вечера на берегу торчали, поджидали с моря.

Сергей глядел в ее белое лицо и молчал. Анна Васильевна вздохнула. Хотелось сказать ей: «Что же ты украла отца, а не уберегла? Теперь оправдываешься в пустой след». Да что уж теперь... Как бы разгадав его мысли, Анна Васильевна продолжала:

— Признаться, последние годы он мало с нами жил. Или в море, или в Доме рыбака, или в баре пьет пиво и песни поет. Есть там гитарист-виртуоз. Вот он подыгрывал ему. А в последний вечер, говорили, Андрюша все пел: «Туман с моря подымается...»

— Есть у нас такая песня. Старинная. «Туман с моря подымается, вот наша армеюшка в поход собирается». Старики ее поют.

— Вот-вот, ему походы и снились.

— Песня хорошая. А он много пил?

— Нет. Не баловался. Не знаю, что с ним делалось. Сидит иной раз, задумается или строгает что-то, потом вскочит и бегом в совхоз. Рядом тут. Оседлает коня и скачет куда глаза глядят. Приедет, руки потирает, улыбается: с ветерком проскакал. Не сидел он на месте, все куда-то торопился, ел на ходу. С начальством недружно жил, скандалил. И во сне-то неспокойный был. И вот замечала, поругается, веселей становится. Узнали, что он с Дона, и здесь его Атаманом называли.

Она говорила об отце в снисходительно-прощающем тоне, как о взбалмошном.

— А зачем он скандалил? Не ладилось что?

— Так. Голодали после войны. Рыбку-то подкрадывали, а он все направдок, по-честному. Да и потом он находил, за что поругаться. Обсчитают кого — он в бухгалтерию, не выйдет кто на работу — домой идет к прогульщику.

— А был толк от его ругани?

— Не знаю, что у них там делалось. В здешней газете он статьи печатал, выступал на собраниях. Хлопотал людям квартиры, пенсии. Везде хотел поспеть. Задумает что, не отступится. И откуда в нем сила бралась! Болтает-болтает его в море, а приедет, забегает по конторе, дома что-нибудь пилит или строгает. Все рыбаки в тот день говорили, что в море не нужно было ходить, шторм обещали. А он пошел. За смертью пошел. Э-эх...

— Трудно вам теперь?

— Легко с ними-то? Обуть-одеть надо, накормить, учить.

Хотелось спросить, а вспоминал, говорил ли он про Сергея, про сына, что говорил...

В передней шептались сестры. Анна Васильевна смотрела прямо в лицо Сергею — мягкая, покорная.

— Вы семейный?

— Пока нет. Решил этой осенью... С делами разными подуправлюсь.

— Да, конечно. Что ж... Надо. Если захотите,— тихо сказала она,— можно в Феодосию съездить. Там музей Айвазовского.

— Можно. Я в первый раз так далеко уехал.

— Разболталась я, извините. Пойду.— Она поднялась, оправила платье и бесшумно вышла.

«Диковинно как-то...— размышлял Сергей.— Всю войну в одной упряжке шли, а потом, выходит, разминулись их пути-дороги».

В передней погас свет. Сестры еще шептались. Потом Анна Васильевна коротко сказала: «Спать» — и стало тихо.

«...Трудно было... А кому жилось тогда легко? Да если бы дело было только в этом?.. Скандалил... Должно быть, нужно было, и не мог молчать. Отец-то, говорили, и в станице многим покоя не давал. Одни его любили, другие боялись, а были и такие, что ненавидели. Торопился... Такие в конторе сидеть не умеют». Сергей представил отца — высокого, пружинистого и неспокойного. Как жалко, что его нет! Он почувствовал, что не обидно ему за отца. Не обидно и не стыдно. Не изменился. Не сломил его фронт, разруха и голод. Бойцом умер. «Эх, батя...»

Утром Сергей слышал, как все трое тихо вышли из дома, мягко протопали по ступеням крыльца. Лежал, глядя в потолок. «Зачем я сюда приехал?» — вдруг подумал он. Поднялся. Освещенная солнцем комната показалась просторнее. Увидел на столе записку: «Сережа, ешь. Если пойдешь к морю, замкни дом, а ключ возьми с собой». Приподнял на столе газету, под ней в тарелке салат, две котлеты, стакан молока. «Нынче воскресенье. На базар, должно, подались. Надо дать им деньжонок на кормежку»,— решил Сергей. Заметил в уголке сплетенные из тонкого краснотала махонькие кошелки. Из них выглядывали цветы бессмертника. Должно, отец дочерям подарок привозил из родного края. Подошел к высокому книжному шкафу. Открыл дверцу. Рядком стояли школьные учебники, толстые романы. В старом переплете «Донские исторические песни. А. Листопадов». Открыл шкатулку на средней полке, в ней сверкнули ордена и медали. На нижней полке Сергей увидел старенькую кепчонку и узкий сыромятный ремешок. Хотел было захлопнуть дверцу. Взял, помял в руках кепку. Козырек поломан, подкладка вырвана. Но как знакома! И вспомнил: это его, Сергея, кепчонка! Его сшитый ремешок, каким он подпоясывался давным-давно! Как же это? Когда?.. Кажется, это было во второй или третий приезд отца. Вошел Сережка с тетушкой, отец поцеловал его, оглядел с ног до головы. Сердито сорвал с него кепку, снял ремешок и, ругаясь, швырнул их под кровать. Они пошли в магазин, и отец купил ему новую кепку и хрустящий кожаный ремень.

Долго стоял Сергей, зажав в руке кепчонку. Поглядел на портрет, сказал: «Отец...» У Сергея дрогнули губы. Вздохнул тяжело, прерывисто.

За окном простиралось море. Из этого окна отец не видел родного кургана. Долго до него скакать надо. «А где могила его?.. Где гитарист и друзья-рыбаки?..» Взял полотенце, неторопливо вышел во двор. Ему хотелось умыться холодной водой из колодца, как он это делал дома. Город был тих и спокоен. Ни петушиного крика, ни мычания коров. Противоположный конец города утопал в тумане. Воздух посвежел. Море шумело по-прежнему монотонно, ворчливо.

Над морем плыл туман, но кое-где его пронизывали лучи солнца, и тогда в море круговинами сверкали белые гребешки волн. К берегу вереницами тянулись, на ходу раздеваясь, парни, девчата, степенно вышагивали старики. Но вот туман поднялся выше и стал прозрачным. На горизонте четко обозначились белые игрушечные кораблики.

КТО ТЫ, МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ?

Этот вопрос никогда не может утратить своей актуальности. В ответе на него содержится судьба нашей огромной страны, ее достижений и завоеваний, лучшие стремления и мысли отцов и дедов, отдавших жизни за счастье своих детей.

Работа над этой ответственной темой в советской литературе никогда не прекращалась, и обращение к ней того или иного писателя служит объективным критерием его творческой зрелости, чувства ответственности перед народом, доверившим ему оставить для грядущих поколений историю жизни своих современников.

Книга Анвера Бикчентаева состоит из двух романов и повести, различных по тематике. Герои его произведений живут в тридцатые и шестидесятые годы одного из самых прекрасных и трудных столетий в истории нашей планеты. В разговоре с редактором книги, который можно считать удачной формой предисловия, автор подчеркивает, что его любимые герои — молодые люди и подростки, хотя сам он принадлежит к старшему поколению.

Многое в своеобразной трилогии А. Бикчентаева объединяет и сближает молодежь нашего времени и тех, кто в тридцатые годы строил фундамент современного общества. Наиболее четко это сформулировано автором в словах Артема Белова — геолога, открывшего промышленную нефть в башкирских степях: «У меня трудный характер. Таким, как я, не легко живется. Я не боюсь борьбы и буду стоять на своем, не отступлю, если считаю, что прав. Легкая жизнь не по мне» («Лебеди остаются на Урале»).

Герой второй книги, «Я не сулю тебе рая», Хайдар — представитель поколения, которое не пережило трудностей, вставших на пути комсомольцев тридцатых годов, и это определяет его отношение к происходящим событиям. Как же жить ему? Ведь только собственный опыт позволяет сохранить в себе то лучшее, что позволило победить поколению отцов.

«О какой борьбе может идти речь?» — спрашивает он парторга Амантаева.

Ответ представителя отцов как бы ответ самого А. Бикчентаева счастливому поколению: «Отними у человека право на труд, на поиск, на мечту, на битву за счастье людей — он уже не человек. Человек счастлив сознанием, что творит и созидает. Сохраняй в нем душу борца. Борец не подведет. Он не устанет».

Наши современники, как правило, немногословны, но они идут на подвиг, когда этого требуют обстоятельства. Рискуя жизнью ради спасения людей, останавливая падающий башенный кран, Хайдар принимает эстафету поколений из рук Артема Белова и Амантаева, с честью выдерживает экзамен на звание настоящего человека.

Герои третьей книги, «Семь атаманов и один судья», еще совсем дети, им жить в будущем, им предстоит сказать то, что не успеют сказать люди этого столетия. Нужно отметить, что и в этом произведении автор не пошел по легкому пути. Он избирает одну из самых тяжелых проблем, стоящих не только в нашей стране, но и во всем мире,— проблему преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Трудный вопрос ставит перед собой писатель: «Вы не знаете нужды, не калечит вас окружающая среда, не растлевает ваши души религия, вы не чувствуете себя лишними среди других, вы лишены расовых предрассудков, никто не призывает вас эксплуатировать себе подобных... Так что же происходит с вами?»

Кто же задает этот вопрос? Судья, представитель опять же старшего поколения, помогший подросткам разобраться в том, что такое добро, что такое зло. Перед нами образ человека, который, исходя из опыта своей большой жизни, пришел к выводу, что запрещать — это еще не самое разумное решение. Объяснить и убедить гораздо труднее, но это прямая обязанность и долг тех, кто хочет увидеть воплощение своих идеалов в последующей истории страны.

Автор трилогии написал интересное произведение о жизни молодежи трех поколений. «Дети не бывают похожи на своих родителей, а бывают похожи на свое время»,— говорит в предисловии редактор книги, вспоминая народную пословицу.

Нельзя не согласиться, что здесь есть над чем поразмыслить. Анвер Бикчентаев сумел показать в книге, что именно родители должны помочь детям понять свое время.

Михаил ХОДАКОВ

Анвер Бикчентаев. Лебеди остаются на Урале. Я не сулю тебе рая. Семь атаманов и один судья. Романы и повесть. Издательство «Молодая гвардия», 1969.

НАШИ ГОСТИ

АРТИСТ ИГРАЕТ ЗОРГЕ

«— Именно так! — воскликнул Зорге.— И я просил бы, Ян Карлович, послать на эту работу меня. У меня есть некоторые соображения в пользу собственной кандидатуры.

— Для этого я и пригласил тебя,— сказал Берзин.— Давай подумаем...»

В кабинете руководителя советской разведки шел важный разговор. Необходимо было сделать все, чтобы предотвратить войну между Японией и Советским Союзом. Необходимо было узнать планы фашистской Германии.

Присутствовать при этом разговоре мы смогли благодаря Юрию Сергеевичу Андрееву, артисту Москонцерта, дипломанту Всероссийского конкурса артистов-чтецов. Он показал в редакции «Огонька» литературную композицию «Страницы жизни Рихарда Зорге».

Жанр, в котором работает Юрий Андреев, впервые создан на советской сцене Владимиром Яхонтовым, от него же он получил и свое название — «театр одного актера».

Действительно это театр. Здесь нет костюмов и грима, но есть небольшой реквизит. Композиция представляет собой ряд мизансцен, крепко спаянных между собой. Знакомство Рихарда Зорге с его любимой — Исии Ханако; беседа с немецким подполковником Эйгеном Оттом; завтрак у принца Коноэ; смелая до дерзости передача шифрованных радиограмм; допросы; и, наконец, последние слова Зорге перед казнью: «Да здравствует Советский Союз!.. Да здравствует Красная Армия!..»

Вереница живых человеческих характеров проходит перед зрителем. Точно найденная деталь, скупой жест, интонация... У актера выразительный голос, и он умело им пользуется. При помощи этих художественных средств и создан интересный, волнующий спектакль, в центре которого — образ замечательного человека, отдавшего жизнь благородной цели.

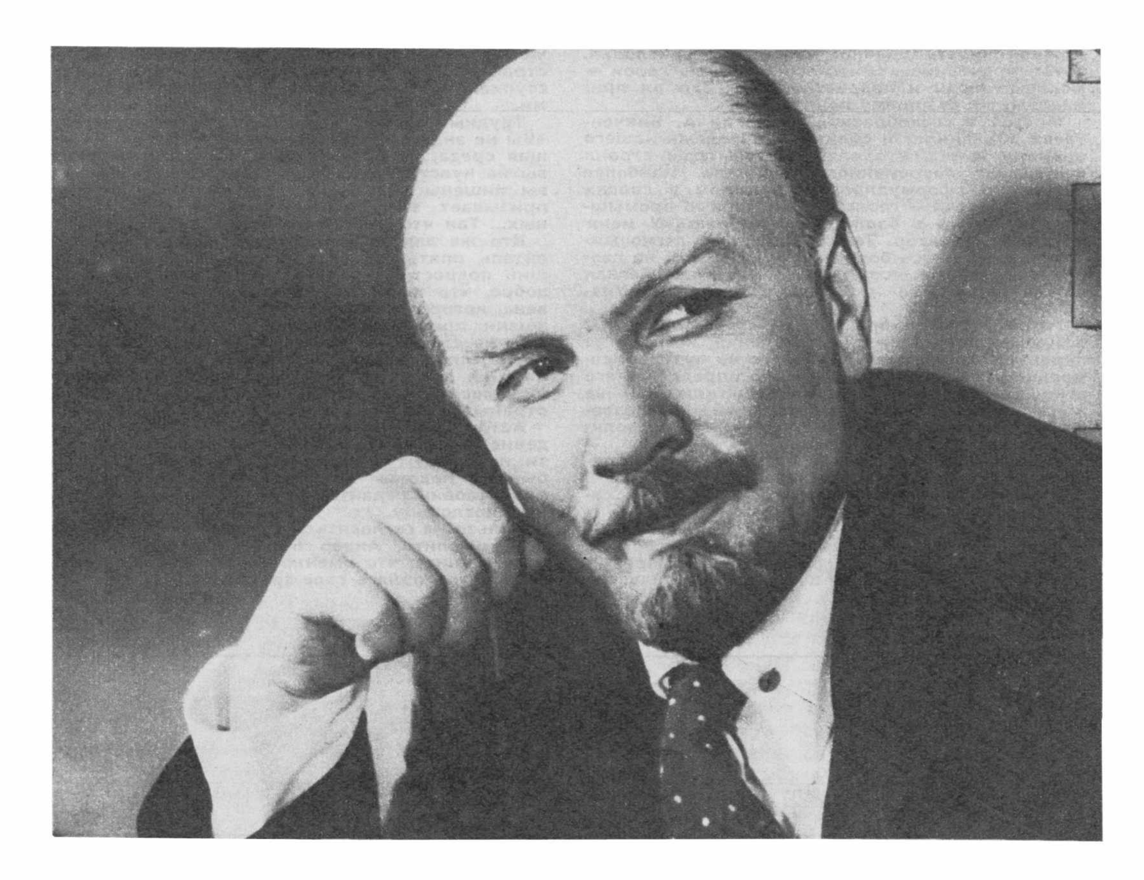
Рихард Зорге — любимый герой Юрия Андреева. Над композицией, рассказывающей о нем, актер начал работать в 1964 году, когда Зорге посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В основу композиции «Страницы жизни Рихарда Зорге» положена книга Юрия Корольнова «Человек, для которого не было тайн».

Но Юрий Андреев этой книгой не ограничился: он собрал множество материалов о Зорге, внимательно изучил все новые книги, посвященные любимому герою. Работа над композицией продолжается и сейчас: актер обогащает и совершенствует спектакль, посвященный славным советским разведчикам.

Н. ДАВЫДОВА

О ЛЕНИНЕ...

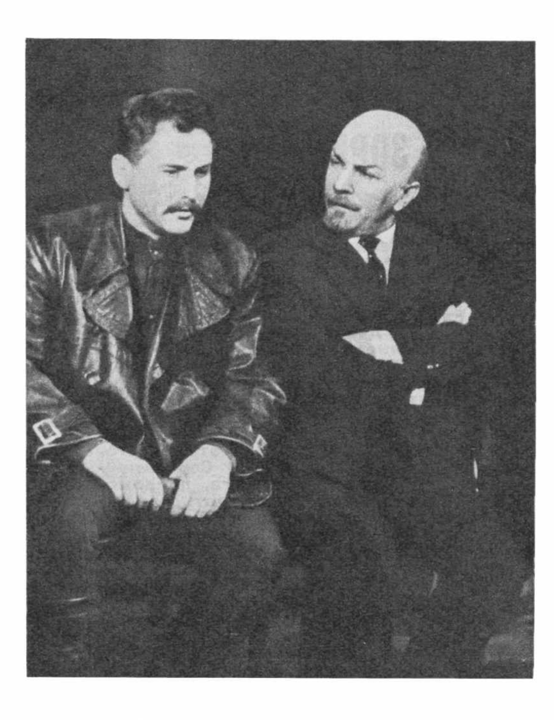

Перед нами один из современных ленинских портретов, неотразимо притягивающих к себе глубинной человеческой сущностью. Взгляните на него: «похожесть» тут идет прежде всего изнутри. Думается, она достигнута за счет выражения глаз, чуть прищуренных, полуприкрытых, но таких наблюдательных, и живых, блестящих, с умной лукавинкой. И беглой усмешкой, которая вроде бы почти совсем незаметно тронула твердый, хорошо очерченный рот, но сразу же помогла выразить ясное ощущение постоянной ленинской увлеченности, активности — его заинтересованность и неравнодушие.

Но и внешние черты (если только в данном случае слова эти способны полностью соответствовать своему смыслу) здесь переданы тоже очень бережно, очень впечатляюще. Рисунок лба — огромным куполом; брови, приподнятые уголком к виску; кисть руки, как-то по-особому мягко и задумчиво лежащая близ лица...

Портрет становится еще более значительным и интересным, когда Ленин «оживает», начинает двигаться и говорить. Ибо мы с вами видим не фотографию Владимира Ильича и не полотно художника, а образ вождя, созданный на краснодарской сцене артистом Н. С. Провоторовым.

Спектакль, где зрители весь вечер, в каждом эпизоде видят заслуженного артиста РСФСР и ТатАССР Провоторова в роли Ленина, называется «Незабываемые годы»... Еще не слышали о такой пьесе?.. И не удивительно: она только что поставлена краснодарцами. Однако я уверена, что в год столетнего ленинского юбилея пьеса эта пойдет, наверное, на многих сценах, в том числе и в столичных театрах. Потому что Краснодарский драматический театр имени М. Горького сделал простое, но замечательное открытие, создав по пьесам Н. Ф. Погодина **единую** литературную композицию.

Эпизод из 2-й части спектакля «Незабываемые годы» (сценическая композиция А. Ломоносова). Рыбаков — А. Горгуль. В роли В. И. Ленина — Н. Провоторов.

Из трех знаменитых погодинских пьес в композицию вошли все главнейшие ленинские сцены. Начинается она эпизодом в Смольном, где, кроме хорошо знакомого нам Ивана Шадрина, человека с ружьем, мы уже встречаемся и с бывшим матросом Рыбаковым... Отныне этот образ коммуниста-ленинца пройдет через все эпизоды композиции рядом с Ильичем, символизируя верность народа Ленину, последовательность поступков и принципиальность помыслов.

Из «Кремлевских курантов» театр берет две сцены: на бульваре у Кремля и в кабинете Владимира Ильича.

«Третья, патетическая» представлена эпизодами на заводе, в Кремле и в Горках. Здесь вместо Дятлова мы снова видим Рыбакова.

«Подмена» эта, оказавшаяся, как я уже сказала, весьма важной находкой, позволила автору композиции А. З. Ломоносову органически прочно связать между собою все эпизоды из трех пьес Николая Федоровича Погодина, остающихся и сегодня главным сокровищем Ленинианы, главным и пока непревзойденным идейно-художественным ее богатством.

Разумеется, ничто не приходит ни к одному театру — так же как и ни к одному человеку — лишь по счастливому стечению обстоятельств, без труда и усилий...

Главный режиссер Краснодарского театра, постановщик спектакля о Ленине, Михаил Алексеевич Куликовский, который вот уже десять лет подряд руководит этим талантливым коллективом, говорит:

— Многое в нашей сегодняшней творческой практике, может быть, кое-кому покажется просто совпадением удачных догадок либо находок... Но так не бывает! Даже и сама пьеса «Незабываемые годы», а вернее сказать, пьеса «О Ленине», с ее главным героем, почти не покидающим сцену, вероятно, не могла бы появиться у нас, если бы не поразительная, поистине подвижническая работа Николая Сергеевича Провоторова над ролью Ленина.

Буквально годами я мечтал встретиться с этим великолепным актером на сцене. Мечтал сделать вместе с ним большой ленинский спектакль... Оказалось, что и Провоторов думал о такой большой роли...

— Вы уже повидались с Николаем Сергеевичем? — спрашивает Михаил Алексеевич Куликовский.— Он прихворнул немного, сейчас выздоравливает.

...Свою работу над образом Ленина, позволяющую мне сегодня вполне уверенно поставить имя Николая Провоторова рядом с именами М. М. Штрауха и Б. А. Смирнова, являющихся после смерти Щукина самыми крупными исполнителями роли Ильича, артист начал много лет назад.

— Вот вы постепенно врастали как актер в образ Ленина,— говорю я Провоторову,— взрослели, мужали вместе с ним. Расширялся ваш собственный духовный опыт, углублялось понимание истории, ее важнейших событий... Как же все это отразилось на созданном вами образе Владимира Ильича? Можно ли вообще обойтись в такой роли без длительного творческого процесса?.. Ведь сегодня есть всевозможные «новые» концепции. Их сторонники считают, например, что исполнителю роли Ленина вовсе не обязательно быть похожим на Владимира Ильича!

— Да, я знаю об этом,— сердито отвечает Николай Сергеевич Провоторов.— Надеюсь, мы-то уж за такой «модой» гнаться никогда не будем! Хотя играть было бы куда проще и легче. Театр без образа — ведь это актер без усилий! Но и без творчества! Без зрительских волнений. Без взаимной отдачи...

Нет,— продолжает артист,— когда я играю Ленина, я хочу не просто быть похожим на Ленина! Как ни дерзко это прозвучит, я хочу, и смею,— потому, что я артист,— чувствовать себя Лениным. Но именно поэтому для меня чрезвычайно важны все, до мельчайших подробностей, детали ленинского облика: манера

П. Басанец. КОМАНДИР ПЕРВОГО УКРАИНСКОГО ПОЛКА Ю. КОЦЮБИНСКИЙ СО ЗНАМЕНЕМ ПОЛКА У В. И. ЛЕНИНА.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖНИКОВ КИЕВА И КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ К 100-ЛЕТИЮ В. И. ЛЕНИНА.

Л. Котляров. СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ.

М. Кугач. ПРАЗДНИЧНОЕ УТРО.

М. Асламазян. АРМЕНИЯ СЕГОДНЯ.

говорить, держаться, общаться с собеседником... У многих исполнителей роли Ленина нынче чувствуется какая-то странная отдаленность от партнера: замкнутость, сосредоточенность на своих собственных переживаниях. Мне лично кажется главной особенностью образа Ленина, что он беспрерывно «вбирает» в себя партнера; относится к нему с какой-то поистине неутомимой заинтересованностью...

Как бы ни был сложен любой производственный процесс, его можно разделить на кусочки, отдельно рассмотреть каждый такой кусочек, а потом подробно рассказать о нем. Разложить все, так сказать, «по полочкам». Процесс работы актера над ролью, к сожалению — а может, к счастью? — улыбается Провоторов,— не всегда поддается такому анализу; его по полочкам не разложишь...

Иногда меня спрашивают о том, как я работал над образом Владимира Ильича Ленина в заключительной и самой сложной погодинской пьесе — «Третья, патетическая». Но эти пьесы все в равной мере сложны. Все они заставляют актера охватывать в роли тот или иной — всегда очень важный — период жизни Владимира Ильича.

В самом деле, что значит для актера сыграть «роль» Ленина? Тут с трудом произносишь вроде бы уже и неуместное слово «роль». А ведь оно неотрывно от слова «актер», определяющего мою профессию! И ведь любой актер, создавая любой образ, взволнован вопросом: выйдет роль или не выйдет? Как же возрастает волнение и чувство гражданской ответственности, когда актеру предстоит появиться на сцене в образе Владимира Ильича!.. И какие нужны здесь средства?.. Тебя как художника уничтожат малейший наигрыш, едва заметная фальшь! Любая недоделка, которую в любом другом случае зритель, может быть, и простит по доброте душевной, окажется просто губительной для актера в образе Ленина.

— И так все годы? Начиная от первой встречи с ленинским образом до нынешнего дня?.. Почти двадцать лет...

— Конечно! Роль Володи Ульянова в пьесе И. Попова «Семья» я сыграл в Казани осенью 1952 года. Спектакль шел в постановке режиссера театра Е. А. Простова. Тому Володе Ульянову было всего семнадцать лет. Это юноша, почти мальчик. Но скоро ему предстоит отправиться из Казанского университета в деревню Кокушкино, в первую ссылку... Потом его ждут Самара, Петербург... тюрьма, ссылка, эмиграция... И, наконец, руководство великим Октябрьским переворотом, когда разваливается до основания гнилая стена самодержавия... Но ведь уже Володя Ульянов гневно говорит арестовавшему его приставу: «Стена, да гнилая — ткни, и развалится...»

Провоторов задумывается над вопросом: где же грань, отделяющая образ Володи Ульянова от образа Владимира Ильича Ленина.

— Не рождается гений вдруг, из «ничего»,— утверждает артист.— Но можно ли вообще сыграть «гениальность»? Какими средствами изобразить на сцене мыслящего человека?..

Мы, наш театр, начали с того, что отказались от попыток играть «гениальность вообще». Мы стали искать жизненную опору роли. Те куски, где черты характера, свойственные Владимиру Ильичу, проявлялись особенно ясно. Нам думалось, что основное и главное для Ленина в любом возрасте — пристальное внимание к людям, к их судьбам, мыслям и чувствам, огромный интерес ко всему тому, что происходит вокруг...

И едва мы обратились к этой стороне образа, как многое, казавшееся нам раньше не только трудным, но почти невозможным, стало и легче и понятнее. Внимание, интерес к человеку, умение не только смотреть на человека, но по-настоящему видеть его, понимать движение души собеседника — вот поистине главная ленинская особенность. Стоит только перечитать ленинские записки, зачастую набросанные на клочках бумаги где-то прямо на заседании, и сразу чувствуешь, какое огромное внимание к человеку владело всегда сердцем Ленина!..

Поиски вот такого подлинного внимания и помогают находить то, что можно назвать внешним рисунком ленинского образа...

— После «Семьи» вы сразу стали играть «Патетическую»?..

— Нет. «Патетическую» я начал готовить с постановщиком Э. М. Бейбутовым осенью 1958 года. И вот что удивительно: на первой же застольной читке я плечом к плечу ощутил рядом с собой Володю Ульянова из «Семьи». Хотя разница в состоянии героя, разумеется, была огромная.

В «Семье» я боялся «овзрослить» Володю. И если пользовался ленинским жестом, то только в «намеке». Теперь же мне не нужно было этого опасаться. Можно и должно было в полную силу использовать широко известные жесты Ильича, запечатленные во многих созданиях искусства.

Но ведь и жеста актеру мало!.. И многое важное уходило, ускользало, как ускользает услышанная и уже полюбившаяся, но еще не запомнившаяся мелодия. Вы ощущаете, что эта мелодия живет внутри вас! Вы даже мысленно можете пропеть ее от начала до конца. Но едва произносишь вслух первую ноту, как слышишь сам: не то, не то!.. Где-то сна рядом с тобою, около тебя, но все еще не дается, ускользает... Так и здесь. Единственно правильной «нотой» в моей «мелодии» была ленинская мысль! Она была мать действия! И, как в «Семье», мы снова начали искать объекты мысли, выясняя степень и характер ленинской заинтересованности этими объектами.

Мы сразу же отказались от слепого подражания, копирования пусть даже превосходных образцов, какие уже были созданы к этому времени в кино, скульптуре, живописи...

— А «похожесть» — откуда она берется?

— Именно отсюда: от мысли... Я стараюсь передать умение Ильича слушать активно. Не ради приличия выслушивать собеседника, а вникать в суть вопроса, думая и тут же одновременно решая, как помочь человеку, как переубедить его, если он ошибается... Умение активно слушать — одна из решающих черт ленинского образа и в нашем новом спектакле.

— И вам снова пришлось домысливать образ?

— Разумеется! Я перечитал снова многие книги о Ленине, снова просмотрел его письма, заметки... Взял на вооружение новые работы советских художников, чтобы построить два-три куска скульптурно... Не раз бывал в квартире Владимира Ильича в Кремле, осматривал его кабинет, ездил в Горки, встречался с людьми, лично знавшими Ленина. Кабинет Ленина мне стал уже так хорошо знаком, что я чувствовал, где удобнее было Владимиру Ильичу подойти к столу, взять книгу из шкафа; в какое кресло он чаще садился, как подходил к окну...

Помню, я пересмотрел в лектории документальный фильм о Ленине. Не для того, чтобы заучить что-то, а в надежде постичь хоть еще немного этого человека — своего героя... Вот в кадре остался только Ильич. Вот он что-то сказал, улыбнулся и вдруг рассмеялся весело, искренне, заразительно... И мне показалось, что я на секунду заглянул ему в душу. Веселая простота в общении с людьми, доверчивость — тут тоже один из секретов неповторимого ленинского обаяния.

Помню, какое впечатление произвел на меня строй ребят во главе с пионервожатой; негромкие слова: «Я, юный пионер Советского Союза... торжественно обещаю...»

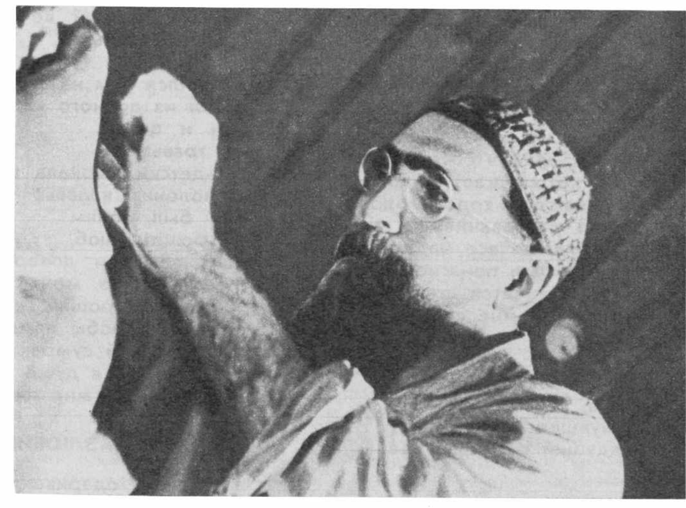
Пионерское обещание прозвучало так, что горло мне вдруг сдавила спазма. Я отошел к окну и отвернулся, чтобы никто не увидел моих нечаянных слез.

Клятва ребят меня потрясла, душевно приподняла и заставила как-то по-новому ощутить, что значит память о Ленине для всех нас. Для наших детей прежде всего...

...Дома у Н. С. Провоторова мне удалось еще и прослушать сделанную им интересную магнитофонную запись, которую Всесоюзное радио, думается, с успехом могло бы включить в одну из своих передач. Тема та же: большие думы художника о Ленине...

Н. ТОЛЧЕНОВА

ЭКРАН И СКУЛЬПТОР

С. Д. Меркуров за работой. Кадр из фильма.

Фильм «Скульптор Меркуров»* рассказывает о выдающемся ваятеле, большую часть своей творческой жизни посвятившем созданию монументального образа Владимира Ильича Ленина. Фильм смотрится с интересом прежде всего потому, что в нем показан большой путь скульптора к его главной теме.

Первыми учителями будущего ваятеля были народные мастера-каменотесы. Получив художественное образование, молодой Сергей Меркуров создает образы великих сынов русского народа: Ломоносова, Пушкина, Толстого, Достоевского, Тимирязева...

Октябрьская революция целиком захватила воображение художника. Он воплощает в граните образ Степана Шаумяна, создает памятник 26 бакинским комиссарам, скульптурные портреты Свердлова, Калинина, Фрунзе...

В ночь на 22 января 1924 года С. Д. Меркуров снял посмертную маску с лица Владимира Ильича. В последующие годы главным в творчестве скульптора стал образ Ленина. Многофигурная композиция «Смерть вождя», памятники Ленину в Москве, Ереване, Киеве, величественный монумент над просторами Московского моря — все это его произведения... В разных концах страны воздвигнуты они на века... Благодаря искусству кино мы видим их на экране одно за другим, что делает фильм о Меркурове не просто познавательным, но и пропагандистским.

В. ГРОМОВ

* «Центрнаучфильм». Автор сценария — Р. Владимиров, режиссер — А. Кустов.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Родниковая

* * *

Если б, как любимых, выбирали
Мы Отчизну и родимый край,
Я хотела б на моем Урале
Снова встретить свой зеленый май.
Вновь к великим стройкам
Приобщиться,
Разжигать походные костры...
А еще
Мне стоило б родиться
Возле Волги
Или Ангары...
На Эльбрусе
В золотистой рани
Хорошо бы свой чеканить след.
Хорошо в березовой Рязани
Появиться было бы на свет!
Это все
Края моей Отчизны.
Я клянусь дыханьем сыновей,
Что своей не представляю жизни
Без России —
Родины моей!

ЗИМНЕЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Декабрьской стужи перестрелка.
Внезапность птичьих голосов.
Застыла неподвижно стрелка
Незримых солнечных весов.
И видят сосны-великанши:
Среди мерцающих планет
Висят, не шелохнувшись, чаши,
Вместившие и тьму и свет.
...Пусть у зимы повадки люты,
Пускай ей долго боговать,
Она не сможет ни минуты
У дня кратчайшего отнять!

* * *

Себе кажусь я северной зимой.
Зима не ощущает стужи.
Но с каждым годом голос мой
Звучит раскованней и глубже.
И с жизнью все надежней связь,
Все ближе и понятней люди.
В окно стучится старый вяз,
Напоминая мне о чуде.
И небо я люблю,
И землю,
И облаков живую тень.
Душа,
Минувшее объемля,
Грядущий различает день.

* * *

Легких лыж упоителен бег.
Бликов солнечных пересверк.
Не поймешь:
То ли падает снег,
То ль с земли
Поднимается вверх.
Бор молчит,
Тишиной окружен.
И не знает природа сама:
То ль она погружается в сон,
То ль выходит из белого сна?

МОРОШКА

Топчу дорожку
Не понарошке.
Тащу морошку
В большом лукошке.
Аж стонут ноги —
Легко ли с ношей?
Мороки много.
Морошки больше!
Спелá морошка,
Сладка, духмяна.
Взгляну в лукошко —
В нем вся поляна!

* * *

Зеркала у старости щербаты.
И смотреть в них вовсе ни к чему
...Все рассветы, полдни и закаты
Сходятся к порогу твоему.
Ветер в доме раскрывает двери.
Разве скажешь ветру:
— Подожди!
Прибегают, как ручные звери,
Рыжие гривастые дожди.
А зимой,
Заворожив округу,
Снег ложится у твоих ворот.
В бубен бьет отчаянная вьюга
И в поля раздольные зовет.
Зеркала у старости щербаты.
Ты на них обиды не таи.
До чего же серебром богаты
Кудри непокорные твои!

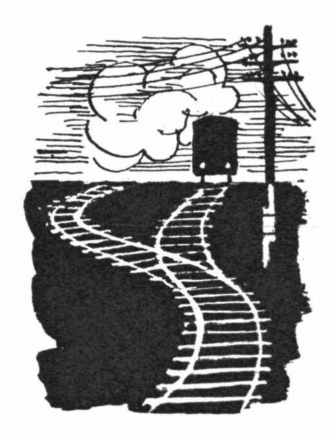
ЛИВЕНЬ

На ласку и доверье скуп,
Явился хмурый вечер.
Вдруг ливень,
Теплый, как тулуп,
Свалился нам на плечи.
Поил из полного ведра
Он и цветы
И травы.
По-детски чмокала вода,
Заполонив канавы.
Он был полям
И рощам люб,
Был весел и доверчив.
Касался глаз моих и губ
Он в тот хороший вечер...
Вокруг сугробы намело.
Декабрьский сумрак длинен.
Но я храню в душе тепло,
Что подарил мне ливень...

РАЗЛЮБИЦА

Муж жену одаривал подарками:
То платком,
То расписными ведрами
С золотыми тонкими разводами,
С птицами
И розанами жаркими.
Женщина глядит —
Не налюбуется.
Павой ходит к быстрой Каме
Пó воду.
Вдруг пошла у молодых
Разлюбица
Непонятно по какому поводу...
И на ведрах стали уж не розаны
И не птицы радостные, зорние,
А все больше злые змеи-полозы
Да кусты обобранные,
Черные.

Грусть-тоска,
Разлюбица гнетущая
Прямо в сердце белой вьюгой
Дунула...
Может, только ведра я придумала,
Остальное —
Это правда сущая.

СЕРДЦЕ

Бегут из конца в конец
Бессонные поезда.
Сердце мое —
Скворец,
Выпавший из гнезда.
Болью крылья свело.
Но дайте ему лишь срок —
Поднимется на крыло,
Волю
вобрав
в рывок!

ЗАБРОШЕННАЯ ДОРОГА

Покинув стрельчатый большак,
Спущусь с гранитного порога.
Как кем-то брошенный кушак,
Лежит забытая дорога.
Затравенела колея,
Где спят жуки и лягушата
И где нашла нежданно я
Подкову ржавую когда-то.
...Дорога шумною была
И знала путников немало,
Но стала людям немила
За то, что день-деньской
Петляла.
Недлинный путь ее измерь —
Он весь как праздное круженье.
И человек
И умный зверь
Стремятся к прямизне движенья!

МЫС ПИЦУНДА

Обжигая ноги босы
Жаром солнечной земли,
Непокорливые сосны
Сами к морю подошли.
Бурь морских
Не убоялись.
Что им пенная гряда!
Пошептались и остались
С синим морем навсегда.
Не приученная с детства
К дикой, взбалмошной волне,
В это гордое соседство
Я поверила вполне.
Не из сказок,
А из былей
Знаю я, что неспроста
Красота стремится
К силе,
Силу манит
Красота.

ЮРЮЗАНЬ [1]

Я родник.
Я нагорный родник.
Мой исток — как тончайшая нить.

[1] Юрюзань — одна из «ныряющих» уральских рек, собирающих подземные воды и выходящих на поверхность земли более сильными и многоводными.

Грань

Я в расщелине камня возник,
Чтоб косуль и орланов поить.
Я ручей.
Я таежный ручей.
Я вобрал в себя сто родников.
В глубине глухариных ночей
Слышен звон моих дробных
подков.
Будто конь,
Потерявший узду,
Я скачу густохвойной тайгой.
И однажды под землю уйду,
Чтобы сильной возникнуть рекой!
Я река.
Молодая река.
Мои волны гудят, как шмели.
Выхожу я,
Быстра и легка,
Возле скал из-под черствой земли.
Я прошла под подошвами гор,
Возле тайных подземных криниц
И раскольные воды озер
Увела из угрюмых темниц.
Я дарю свою влагу лугам
И леса за собою веду.
А когда им всю силу отдам,
За подмогой под землю уйду.
Мои волны гудят, как шмели,
И хранят родниковую грань.
. . . .

Возле скал,
Из-под доброй земли
Возникает река Юрюзань.

ВЕСНА, КАК РАССВЕТ

Лес по-зимнему сед,
Но уже по-весеннему нов.
Весна, как рассвет,
Начинается с серых тонов.
С разомлевших дорог
(В каждой лужице дремлет
звезда),
С неожиданных строк
В незатейливой песне дрозда.
И рассвет
И весна
Начинаются с ярмарки птиц,
С пробужденных от сна
Пестроцветных лесных медуниц.
С льдин,
Меняющих цвет
В карусельном круженье реки.
И весна и рассвет
Начинаются с красной строки.

* * *

Весь век живут
Неразделимо,
Хотя и близко не родня,
Чертополох седого дыма
И золотой цветок
Огня.
Чтоб пламя в сердце
Не заглохло,
Чтоб добрым помыслам
Расти,
Надеюсь от чертополоха
Я золотой цветок
Спасти!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

РОДНОЕ

О. МИХАЙЛОВ

Поэзия всей многонациональной советской семьи заметно усилила интерес к своим историко-патриотическим традициям. В стихах молодых национальных поэтов, будь то украинец Иван Драч, казах Кадыр Мурзалиев, узбек Раим Фархади, эстонец П. Э. Руммо и многие-многие другие, ярко звучит тема Родины, ее славного прошлого, ее родниковых истоков.

Чувство слиянности, нераздельности, взаимодействия давнего (твоих предков) и сегодняшнего (твоего) глубоко и проникновенно раскрывается и в произведениях лучших современных русских советских писателей.

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...
Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

«Звезда полей», поэтический сборник Н. Рубцова, откуда взяты эти строки, был явлением, возможно, и наиболее заметным, но не обособленным, а лишь возникшим в ряду других, ему однородных, союзных. Воистину так. Многие произведения последних полутора-двух лет в русской советской литературе (как и в других национальных литературах) самых разных жанров — будь то историческая повесть Д. Балашова «Господин Великий Новгород», «Черные доски» В. Солоухина, рассказы и повести В. Лихоносова с великолепным «Люблю тебя светло», «За тремя волоками» В. Белова, «Синие сумерки» В. Астафьева, «Тетка Егориха» К. Воробьева, проза Е. Носова или сборники стихов «Снег в сентябре» В. Соколова, «Емшан» В. Сидорова, «Некошеный дождь» Б. Примерова, несколько стихотворных циклов А. Передреева и т. д. и т. п.— несут в себе такой интерес к историческому «корню», такое пристальное и обостренное внимание к истокам патриотического чувства, какого, пожалуй, не бывало еще со времен Великой Отечественной войны. Но тогда ведь сами огневые события понудили нас спохватиться и вспомнить нашу историю. Отчего же теперь, без видимого побуждения, с новой силой ширится неподдельное, искреннее и истовое влечение к нашим богатым традициям? Вероятно, тому есть свои, но уже чисто внутренние причины, вызревавшие подземно, незаметно, но и неодолимо.

Сегодня легко выделить целую плеяду поэтов, близких не только формой стиха, традицией, подчас даже тематикой. Их объединяет вера в Россию, в ее духовные ценности. Потому-то и возникают в их стихах знаменательные переклички. Мы находим, к примеру, у В. Соколова стихотворение о родине «Звезда полей»:

Звезда полей, звезда! Как искорка на сини!
Она зайдет? Тогда зайти звезде моей.
Мне нужен черный хлеб, как белый снег
пустыне,
Мне нужен белый хлеб для женщины твоей.

Но разве не той же звезде полей посвятил свою книгу стихов Н. Рубцов? Его сборник обнаруживает способность поэта истинного: от какой ни на есть жизненной малости, памятного эпизода вдруг возвыситься до широкого и, что очень важно, оправданного обобщения. И то малое, что тревожило только его душу, заставляет и наши сердца биться в унисон. Память о родной деревне становится мыслью о России, поисками духовности и напряженным раздумьем о ценности «малой родины»:

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Еще так недавно для многих казалось бесспорным, что лидирует совсем другая группа поэтов, выражавших в броских формах модного стиха нередко сомнительные и переменчивые веяния. Конная милиция стягивалась тогда к вместилищам публичных чтений, а поэты привычно забирали себе все призовые места. Ныне конная милиция вернулась к своим прямым обязанностям — обслуживанию крупных футбольных матчей. Ну, а те поэты? Они еще заклинают слушателя, еще катятся (говоря чужой строчкой) «сухие слезы мастерства», но Моск-

ва, как говорится, им уже не верит. Или, как о том же самом сказал в «Емшане» В. Сидоров:

А победили не новаторы.
А ведь когда-то — боже мой! —
Слова дымились, словно кратеры,
Над обалдевшею толпой.

И был их стих неподражаем,
Когда с загадочным лицом,
Воображенье поражая,
Ходил по сцене колесом...

Какие страсти в нас бродили!
Восторг, овации, свистки...
А победили, победили
Простые русские стихи.

Конечно, в литературе встречается и такая «простота», которая хуже воровства (то есть эпигонства). Когда эта обманка вовсю пыжится и тщится выдать собственную бедность за чужое богатство, тут, понятно, искусство, поэзия ни при чем. Но мы-то, не отвергая подлинного новаторства, говорим сейчас о высокой простоте, простоте истинной, преодолевшей искус оригинальничанья и моды. Читая, к примеру, сдержанные строки В. Соколова или Н. Рубцова, мы всякий раз обнаруживаем для себя заложенные в них запасы духовности.

У нас много и часто твердилось о будто бы происходящей необратимой «девальвации слов», о разрушительном процессе выветривания высоких понятий. Но, согласимся, подтачивается и обесценивается лишь неистинное, лишь то, что заведомо, изначала несло в себе скрытую пустоту и демагогию. А разве под силу кому-нибудь подорвать, унизить, развенчать такие чистые понятия, как партия, Советская власть, Родина, народ с его историей и его культурой?

Иногда встретишь высказанную печатно такую мысль, что вот-де любовь к Родине — это не хвала, а критическое к ней отношение, подчеркивание всего отрицательного, дурного. Ответим на это словами Н. В. Гоголя: «Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви...»

Родина... Первый образ, который приходит на ум при этом слове,— это родное место, где ты родился, где прошло твое детство, где жили твои предки... И щемящее чувство сжимает сердце:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Н. Рубцов идет от малого родничка — от родной деревни Николы и речки Сухони,— но кто знает: «Мать России целой — деревушка, может быть, вот этот уголок...» Мысль наша постепенно раздвигает горизонты «малой родины», растет, как бы обнимая весь край, шире — всю страну. Любовь к малому, родному уголку земли питает и растит любовь ко всей стране. Ведь Отчизна — это не просто пейзажи или бытовой колорит. Это и природа, исконная колыбель нации, и глубинные, нестираемые особенности народного характера, и обобщенный лик великой страны, и история государства, и завоевания Октября, свет новых идей. Малый родничок дает начало, ток полноводной реке. Мысль о Родине птицей летит над землей:

Из-под сердца,
Из-под ладони,
Так, что вздрагивают небеса,
Развернулись зеленой гармонью
Наши северные леса.
Развернулись, причастные к ветру,
Ясным шумом хмельной головы,
Запрокинутой в росное лето
Отдыхающей синевы.
Цокот вечера голубого.
Шапку неба о землю — и стой.
Беспредельная степь
И дорога
Столбовая
Одна
Предо мной,
Бесшабашная...
Версты-кони.
Хоть не спрашивай,
Хоть спроси
О неудержной, бойкой погоне
За всем песенным на Руси...

Это, как и другие лучшие стихи Б. Примерова,— из его последнего сборника «Некошеный дождь». Они привлекают ясностью проблематики, непосредственной мыслью о России и сопричастностью величественным деяниям отечественной истории. Подобно Н. Рубцову, В. Соколову или В. Сидорову, Б. Примеров, помимо нашего общего понимания единой Родины, имеет в душе столь необходимый поэту, дорогой ему индивидуальный ее образ, который и оказывается живоносным источником и первоосновой художественных впечатлений. Это та крестьянская колыбель России, мать-родина.

Всегда ли достаточно крепко и благодарно помнят о ней сегодня современные, сильные и ладные дети ее и внуки, ставшие физиками, инструментальщиками, врачами или поэтами? Приходится иногда слышать, что вот уже и выстарилась она, и вид, мол, у нее был убогий, а кто-нибудь, словно невзначай, упомянет еще о неких живучих «клыках собственничества», забывая о жизнетворящей сноровке русского крестьянства, пронесенной через века в нынешнюю деревенскую новь. Вспоминаются старые, но отнюдь не устаревшие строки: «Они глумятся над тобою, они, о родина, корят тебя твоею простотою, убогим видом черных хат... Так сын, спокойный и нахальный, стыдится матери своей — усталой, робкой и печальной средь городских его друзей, глядит с улыбкой состраданья на ту, кто сотни верст брела и для него, ко дню свиданья, последний грошик берегла» (И. Бунин «Родине»).

Традиции прошлого, наша история и многовековая культура драгоценны для нас. Понятно, требовать от поэзии однотемья, воспевания только «малой родины» или русской природы смешно, утопично и даже неверно. В статье ведется разговор лишь об одном из участков нашей литературы, о поэтах, которые вовсе не враждебны тем, кто черпает наблюдения исключительно в городской жизни, избирая своим героем молодого рабочего, ученого или студента. В прекрасном стихотворении о родине («Хотел бы я долгие годы на родине милой прожить...») В. Соколов недаром утверждает:

Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе...

Стихи В. Соколова, чистые и благородные по форме, разнообразные тематически, выявляют не показную, внутреннюю причастность поэта-лирика всему происходящему в большой стране. Они еще раз опровергают надуманное деление современной нашей поэзии на «интеллектуальную» и «неинтеллектуальную», демонстрируя глубину философского понимания жизни.

У В. Соколова или Н. Рубцова поэтическая форма прозрачна, она скромно тушуется, дабы яснее выразил себя смысл. Не оттого ль так внимательно, так благоговейно относятся эти поэты к классическим традициям. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Есенин — для них не просто имена в поэтических святцах. «Они меня врачуют классическим стихом»,— обмолвился В. Соколов, но то же самое могли бы повторить и А. Передреев, и В. Сидоров, и Н. Рубцов. Наша классика остается для них зовущими звездами-ориентирами. Конечно, нынче не двадцатые годы, когда отношение к классическому наследству, приятие или отрицание его отдельными поэтами или целыми литературными группировками ясно и недвусмысленно определяли их позицию. Нынче вроде все за классику, и безвозвратно прошли те далекие времена, когда предлагалось сбросить Пушкина с парохода современности...

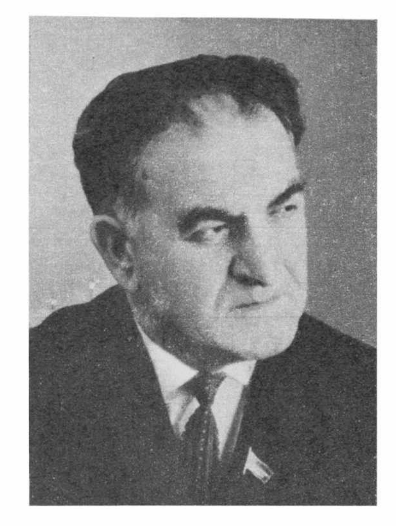
Но вот уже нам явлены иные методы. Скажем, объявив классиками, подсадить на «верхнюю палубу», к Пушкину матерых литературных зайцев и, таким образом, повенчать великого национального поэта с модерном. А сколько в сегодняшней поэзии случаев панибратства по отношению к классикам, сколько неуклюжестей и пародийных обращений и клятв («Есенин, дай на счастье нежность мне...»,— пишет современный поэт, не замечая прямого и неуместного повторения знаменитых есенинских строк о собаке Качалова: «Дай, Джим, на счастье лапу мне...»).

Поэт обязан внутренне сознавать дистанцию, которая отделяет его от великих. Стихи В. Соколова или А. Передреева обретают вблизи этих имен единственно возможную интонацию — восхищения и скромности. По крупицам собирают поэты драгоценную классическую традицию, отыскивая ее у старших своих современников. Так, в стихах А. Передреева «Памяти Заболоцкого» говорится о непростой и нелегкой судьбе «классической лиры» в современном, меняющемся мире:

Мы все, как можем, на земле поем,
Но среди всех — великих было мало...
Твоей душе, тяжелой на подъем,
Их высоты прозрачной не хватало...

Ты помнил тех далеких, но живых,
Ты победил косноязычье мира,
И в наши дни ты поднял лиру их,
Хоть тяжела классическая лира!

Классическое наследие — это часть прошлого, но часть живая, обращенная к нам, а через нас — дальше, в будущее. Оно служит, как и отечественная история, упрочению связи времен и ожидает себе достойных преемников, таких, кто, получив тяжелую классическую лиру, удержит, не выронит ее из рук. И здесь непрерывность патриотической традиции оказывается характернейшей чертой всей русской литературы, от самых первых ее памятников. «Отечество,— сказал Салтыков-Щедрин,— есть тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь отчетливо для себя определить, но которого прикосновение к себе ты непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом неразрывною пуповиной... неусыпно обнимая тебя своею любовью, он и в тебе зажег священную искру любви, так что и тебе нигде не живется такою полною, горячею жизнью, как под сенью твоего отечества». Бескорыстной любовью к Отечеству дышат лучшие стихи В. Соколова, Н. Рубцова, В. Сидорова, А. Передреева, Б. Примерова да и многих других современных советских поэтов. Есть мода на прошлое, и есть живой, животворный интерес к Родине, идущий от глубоких потребностей нашего времени. Моде — модное, истине — истинное. Рядом с модой на старину все сильнее и чище звучит патриотическая тематика, возрождаются истинные ценности. Возможно, что мы присутствуем при первых тектонических толчках, оповещающих о рождении какого-то нового литературного материка. Нового? Хорошо сказано в древней книге: бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. Справедливая осторожность требует поправить вырвавшееся смелое предположение: речь может идти скорее о восполнении и продолжении чистых, незамутненных традиций русской и советской поэзии, отечественной литературы нашей, в которой залог духовного здоровья целого народа.

М. ГЕТТУЕВ

ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ ДЛЯ ДОБРА

Тишина

Сколько доброго к жизни ты
вызвала,
Скольким в жизни была нужна,
Сколько солнечных мыслей
вызрело
На угодьях твоих,
Тишина!
Ты мне видишься —
Вся из света,
Повторенная глубью рек;
Я снимал тебя с белых веток,
Как ладонью снимают снег.
Мне от плоти земли
Знакома
Эта долгая тишина
Зарождающегося грома,
Мягко зреющего вина.
Завтра выдастся утро такое же
Необычное, как всегда:
Мир проснется,
Дороги строящий,
Поднимающий города.
А пока —
Тишина, тишина, тишина...
Ночь, как приемник,
Приглушена.
Только чьи-то шаги
Тишину эту метят,
Только кружатся тихие звездные
сны...
Все великое на планете
Начинается
С тишины.

Рассказ Джабара

На покатом,
На лысом бугре
Даже самой ранней весною
Умирала молча трава,
Выгорала трава от зноя.
И сказал я:
— Джабар, пора!
Человек живет
Для добра.

Я террасы на склоне разбил,
И однажды сюда
Несмело
По арыку пришла вода
И, зари не дождавшись,
Запела.
И откликнулись птицы с утра:
— Человек живет
Для добра!

Оседала земля на бугре,
Как песчинки
На дне оврага,
А потом
Подтаял снежок,
И осталась теплая влага.
И звенели вокруг ветра:
— Человек живет
Для добра!

Наконец
Совершилось то,
Что задумано было вначале:
Распустилась в саду листва,
Деревцами
Саженцы стали.
И звучало
С вершины бугра:
— Человек живет
Для добра!

Я прошу вас —
Войдите в сад
И сорвите гроздь винограда.
Мне не надо хвалебных слов
И наград никаких не надо.
Суть не в том.
Поговорка мудра:
Человек живет
Для добра.

Душанбе

Пусть время снова протрубит нам
О том, что скрылось вдалеке,—
О неприметном,
Глинобитном,
Обыкновенном кишлаке.
Навстречу медленному солнцу
Тянулись плавные дымки,
Мерцали
Узкие оконца —
Подслеповатые зрачки...

В цвету
Зеленые просторы,
И небо
В утренних лучах
Легко и прочно держат горы
На нестареющих плечах.
И солнце,
Выплыв над песками,
У скал окрестных на виду
Растит сады,
И плавит камни,
И блещет
Двести дней в году.
И светлый город,
Что когда-то
Был неказистым кишлаком,
Меня приветствует,
Как брата,
Разноплеменным языком.
От седовласого Гиссара
Туда уходит знойный день,
Где начинается
Бульвара
Широколиственная тень.

Проспекты,
Ровные, как строки,
Полны улыбчивых людей,
И улиц гулкие потоки
Текут к озерам площадей.
И яркие дрожат травинки,
И вдоль домов
Листва шумит,
И дышит берег Душанбинки,
Одетый в дымчатый гранит.
Обветренный,
Бронзоволицый,
Пришел я издали к тебе;
Салом,
Таджикская столица,
Звенящий город —
Душанбе!
Земля —
Как бьющееся сердце,
И небо —
Как морская гладь.
Позволь мне молча оглядеться,
Вслух о грядущем помечтать,
Увидеть
В призрачном тумане,
Сквозь марево летящих дней,
Домов высотных очертанья,
Броски неоновых огней.
Пусть слов моих ты
не расслышишь,
Я знаю:
Завтра будешь ты
Еще прекраснее
И выше
Моей сегодняшней мечты.

Старик

О чем это струны поют,
Как ветра?
О шири небес
Иль о ярости вод?
О том ли,
Что было с людьми вчера,
О том ли,
Что завтра к людям придет?
Иссечен морщинами
Смуглый лоб,
Но сила еще не ушла из рук,
И он откладывает рубоб
И улыбается
Всем вокруг.
Не шутка
Пройти многоверстый путь
И людям с улыбкой в глаза
взглянуть,
Не шутка
Прожить на земле сто лет
И старость встретить,
Как утренний свет.
Берег он
Пуще души своей
Имя свое
И рабочую честь;
Он вырастил много славных детей,
А внуков и правнуков —
Просто не счесть.
И если сюда
Все вместе сейчас
Они слетятся издалека,
Для них,
Собравшихся в добрый час,
Не хватит, пожалуй, и кишлака.
Поет старик,
Сединой убелен,
Под чуткой рукою
Струны звенят...

Пусть примет почтительный мой
поклон,
Как горскую верность,
Абдулахат.

Трижды славен

Трижды славен тот,
Кто не искал
Для себя
Тепла и света славы.
Был ее сверкающий накал
Солнечной короною державы.
Этой славе
Жить из года в год
На планете,
Им преображенной,
Ибо к ней причастны
Миллионы
И ее наследует
Народ.

Скептикам

Вы живете,
Кепки нахлобучив
На морщинами изрытый лоб;
Всякий раз
Перед свинцовой тучей
«Солнца нет!»
Кричите вы взахлеб.
Солнце есть!
Над утренней планетой
С неба,
Неподвластного свинцу,
Вот оно —
Полотнищем рассвета
Хлещет вас
По желтому лицу!

Авторизованный перевод
с балкарского
Якова Серпина.

МЧАТСЯ САНИ

А. БОЧИНИН,
Б. СОПЕЛЬНЯК

Происходило все это в живописном сосновом лесу близ латвийского города Цесиса. Мороз был градусов двадцать пять, но к месту соревнований непрерывно подъезжали автобусы со зрителями. «Ключ-70» — первые в этом году соревнования по роделю! Наверняка слово «родель» знакомо немногим, но состязания по этому виду спорта могли наблюдать все, кто смотрел телевизионные репортажи с олимпиады в Гренобле. Помните, как по узкому ледяному желобу мчались спортсмены на санках? На отдельных участках они развивали скорость до 130 километров в час! Это и есть родель. Его не надо путать с бобслеем, где примерно такой же желоб, но две пары саней соединены вместе, причем передние управляемы. Сани бобслея весят килограммов двести, а у роделистов в правилах соревнований сказано: сани должны весить не более двадцати килограммов и расстояние между полозьями — не превышать 45 сантиметров.

На Олимпийских играх роделисты разыгрывали три комплекта медалей: два — мужчины, один — женщины; два комплекта было и у мужчин-бобслеистов. На эти медали наши спортсмены не претендовали. Мы не участвовали в этих соревнованиях. А почему?.. Было решено после Гренобля всячески популяризировать родель и бобслей. Создана Федерация санного спорта.

Но еще до создания федерации в Латвии была построена трасса роделя, и на ней регулярно проводились соревнования. Вот что рассказал нам об этом заместитель председателя общественного комитета роделя и бобслея Марис Озолс:

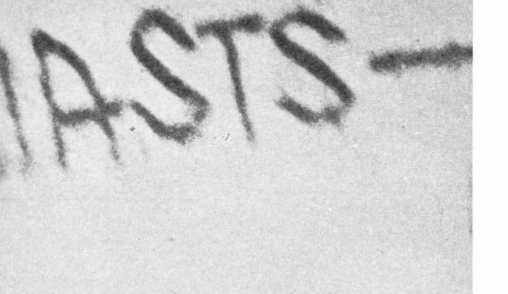
— Прежде всего надо сказать, что это традиционный в нашей республике спорт. Еще в прошлом веке в Сигулде существовала трасса бобслея, позднее такие же трассы появились в Муцениеки, Риге и Цесисе. Потом об этом забыли, но кое у кого из стариков сохранились санки. В начале пятидесятых годов я раздобыл родельные санки и с удовольствием носился на них по горным дорогам.

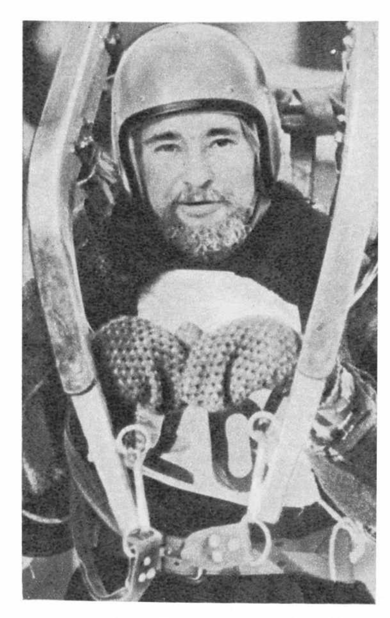
Шли годы, роделистов становилось все больше, но у нас не было ни трассы, ни инвентаря, ни четкого представления о роделе как виде спорта. Пришлось собирать специальную литературу. А когда прочитали все, что можно было найти, решили строить трассу. Знали мы, что ее длина — 1 000 метров, что должно быть девять поворотов определенной формы. Засели за расчеты. Сами понимаете, если неправильно рассчитать вираж, то на скорости 80—100 километров в час человека может выбросить с трассы. В нашем комитете немало инженеров и конструкторов, да и сам я инженер-строитель, поэтому с теоретической частью справились хорошо. Приехали в Цесис, разметили трассу, взялись за лопаты — все выходные дни, отпуска и праздники проводили здесь, в работе!

В начале прошлого года трасса была готова. Она чуть короче олимпийской, но количество поворотов — девять. Каждому дали название, например, «Глиняный» — когда его строили, глины было по колено; «Ро-68» — так сокращенно называется наш комитет роделистов; «Пропади пропадом» — самый сложный и опасный вираж; «Циклон» — это название связано с ураганом, пронесшимся осенью прошлого года над Латвией...

Парад открытия соревнований.

Вилнис Аузиньш — один из первых строителей трассы.

Мороз за двадцать, но зрители не расходятся.

Нашу трассу видел, между прочим, член технической комиссии Международной федерации роделя Пауль Регенбрехт и признал, что она не хуже тех, какие строят в ГДР.

Открытие трассы состоялось в феврале прошлого года. К этому времени наш комитет объединял 450 роделистов. В основном это бывшие мотогонщики, картингисты, горнолыжники, велосипедисты, то есть люди, привыкшие к скорости.

* * *

...Участники соревнований вызываются на старт. Первыми вышли на трассу девушки. Обладатель «Ключа» прошлого года Лайма Гринблате скользнула с эстакады, щелкнул контакт электромагнитного секундомера, который, кстати, сконструировали сами роделисты, вспыхнул красный луч светофора — трасса занята!

У первого поворота скорость небольшая. На втором и третьем сани мчатся так, что Лайму буквально забрасывает к самому верху трехметровой стены виража, потом швыряет на дно желоба. Лед бугристый. Скорость под восемьдесят. Сани трясет. Но Лайма уверенно проходит всю трассу.

А вот и ее соперница Марина Рачковская. Она знает время, показанное Лаймой, и, конечно, хочет его улучшить. В результате потеряна осторожность, нерасчетливое движение корпусом, сани занесло, и Марина упала. Ничего страшного. Тут же вскочила, помчалась дальше. Но скорость уже не та, и соперница недосягаема...

Соревнуются мужчины. Самый сложный поворот — «Энтузиаст», сразу за ним — туннель, и здесь больше всего падений. Вот несется будущий победитель этих соревнований Вилаят Мустафаев. Он едет лежа, далеко вперед выбросив ноги. Одной рукой Вилаят держится за сани, другой — за «узду». Почти все у входа в поворот притормаживают, а он еще больше откинулся назад, чуть-чуть наклонился влево, нажал ногой на правый полоз и, не снижая скорости, с грохотом влетел в туннель!..

* * *

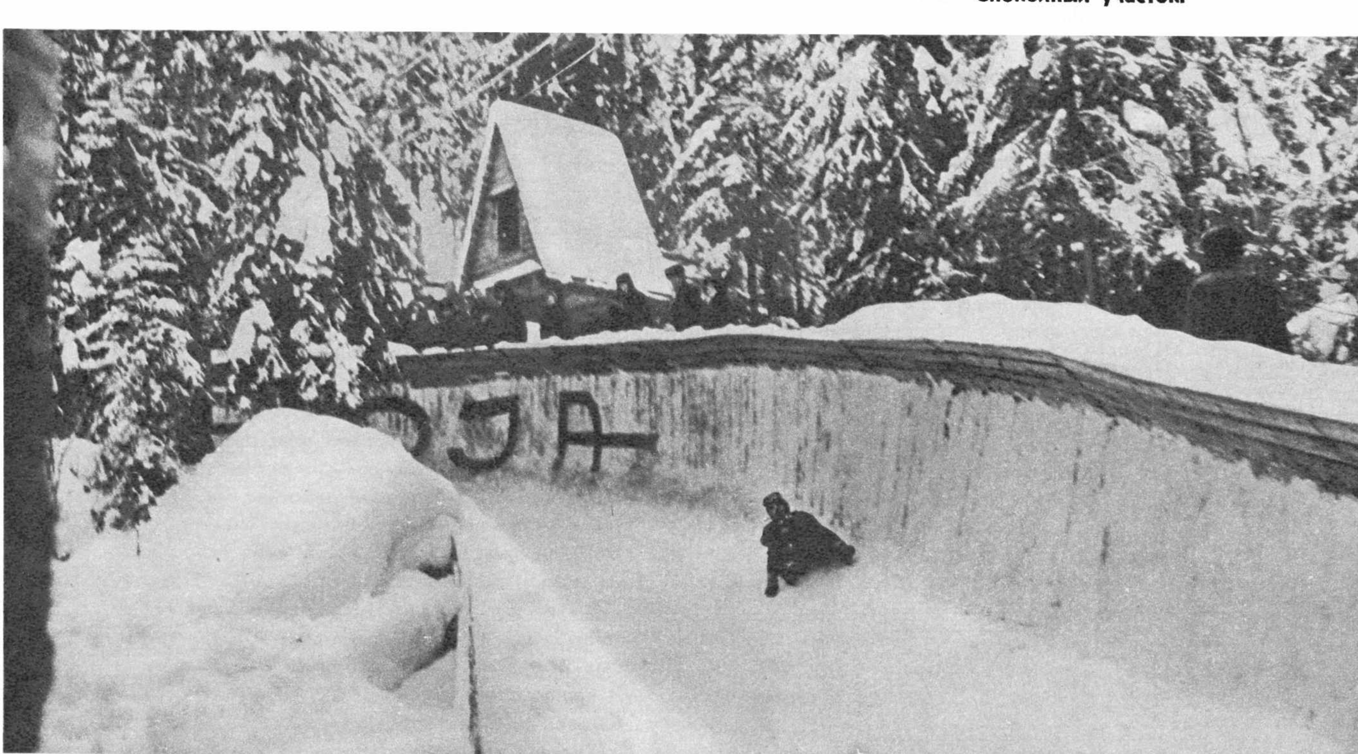
Промышленное производство саней еще не налажено, поэтому на трассе можно было увидеть самые разнообразные модели. Но у всех полозья склеены из десяти слоев твердого дерева, кроме того, на скользящую поверхность прикреплена стальная полоса. У женщин сани, конечно, изящнее и сиденья сплетены из цветных пластиковых полосок, у мужчин — погрубее и понадежнее. А в общем-то конструкция довольно простая, но мне рассказывали, как ее искали. Увидит кто-нибудь в журнале фотографию спортсмена с санями и начинает измерять длину его рук, ног, а затем пропорционально этому вычисляет размер полозьев, длину загиба и т. п. Не одну сотню фотографий обмерили, пока нашли лучший вариант.

Творческие поиски — это хорошо, однако не пора ли подумать о создании единой конструкции саней и промышленном их производстве?

Два года строили энтузиасты трассу в Цесисе, вложили в нее массу труда, энергии, изобретательности. И вот теперь, когда она готова и роделисты хотят из строителей превратиться в спортсменов, они не могут найти организацию, которая согласилась бы принять такой уникальный подарок! Как это ни парадоксально, но лучшая в стране трасса роделя никому как будто не нужна. Республиканский комитет по физической культуре и спорту не раз запрещал проводить соревнования. Там и слышать не хотят о роделе.

Вероятно, настала пора, коль скоро принято решение внедрять и развивать у нас новый вид спорта, заняться им по-настоящему, не кустарно.

Спокойный участок.

Вираж!..

СРЕДИ ЛЕСОВ МЕЩЕРСКИХ...

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Недалеко от Москвы, всего-то двести пятьдесят километров, на юге Владимирской области, среди Мещерских лесов, есть городок со сказочным названием Гусь-Хрустальный. Гусем его называют потому, что угнездился он по берегам реки Гусь, а Хрустальным потому, что вот уже двести с лишним лет существует там хрустальный завод, прославившийся своими художественными изделиями. Еще до революции продукция Гусевского завода успешно конкурировала с лучшим в мире гарраховским хрусталем.

Для того чтобы получить хрусталь, надо взять 56 частей кремнезема, 11 частей окиси калия и 33 части окиси свинца. Все это перемолоть и смешать, а затем «сварить», то есть расплавить в специальных печах. Вот тут-то требуется искусство стекловара. Но в прежнее время оно уподоблялось колдовству. Все делалось «на глазок». Главным и определяющим было «еще чуть-чуть» и «в самый раз», «в аккурат». Мастера-стекловары тщательно скрывали друг от друга секреты своей профессии, на заводе их называли колдунами и говорили, что они якобы знают какое-то волшебное, «петушиное» слово.

Однако расплавленное стекло — это пока только материал, из которого стеклодувы при помощи железной трубки — инструмента, известного еще древним мастерам,— выдували самые разнообразные, порой диковинные вещи.

Удачно сварить стекло и выдуть красивую вещь удавалось не каждому. Но самыми первыми мастерами в Гусь-Хрустальном всегда считались алмазчики или шлифовальщики хрусталя. Искусство их передавалось от отца к сыну, из поколения в поколение.

В городке есть единственный в своем роде заводской музей, в котором собраны образцы наиболее интересных и чем-то примечательных изделий. По сути дела, это живая, материализованная история русского хрусталя. Здесь можно увидеть вещи, сделанные знаменитыми алмазчиками, у которых своя фамильная манера, свой собственный почерк. Таковы, например, изделия потомственных мастеров Зубановых, Травкиных, Ляминых, Чихачевых и многих других.

За последние пятьдесят лет на Гусевском хрустальном заводе, как и вообще в Гусь-Хрустальном, произошло множество перемен. Сам завод выстроен заново и оборудован совершенно по-новому. Составление смеси и плавка хрусталя ныне контролируются специальными лабораториями. Большинство изделий вырабатывается уже машинным способом, а не при помощи старой трубки. Механизация коснулась и художественной обработки. Здесь впервые в Советском Союзе введена поточная конвейерная линия шлифовки. Но это вовсе не означает, что искусство стеклодувов или алмазчиков стало ненужным. Уникальные и особо драгоценные вещи и сейчас делаются руками прославленных умельцев.

Гусь-Хрустальный — мой родной город. Я часто бываю там и, приходя на завод, не устаю любоваться мастерством стеклодувов или алмазчиков. С чем сравнить рождение хрустальных изделий? Может быть, с рождением радуги после дождя, потому что, как радуга, многоцветен и нежен хрусталь. Может быть, с каплями светлой росы на венчике полевого цветка, потому что, как капля росы, чист и прозрачен отблеск алмазной грани. Может быть, с вечерней песней зорянки, потому что так же певучи тонкие стенки хрустальных бокалов... Нет, это ни то, ни другое, ни третье. Может быть, только все, вместе взятое, и то лишь в какой-то степени объяснит, как из крылатой фантазии и точного мастерства рабочего человека возникают эти хрустальные дива.

О расцвете профессионального искусства гусевских хрустальщиков наиболее полное представление создается, когда заглянете в новый корпус завода — его здесь называют «четвертым экспериментальным». Он построен несколько лет назад для трехгодичной школы мастеров. Школа эта представляет собою как бы самостоятельный хрустальный завод. Здесь есть своя стекловарная печь, цех выработки и цех художественной отделки, а кроме того, еще и классы, как в самой обыкновенной школе. Общеобразовательные предметы преподают опытные учителя, а мастерству обучают заводские инженеры, технологи и самые лучшие мастера. Среди них я встретил своего школьного товарища, алмазчика Николая Федоровича Чихачева. Он работает на заводе почти пятьдесят лет. И многие молодые мастера Гусь-Хрустального считают себя его учениками.

В этом же экспериментальном корпусе работают художники. Они заняты разработкой новых образцов хрусталя, уникальных изделий. У каждого из них свой вкус, свой навык, своя излюбленная манера.

Художник Владимир Корнеев — мастер сервизов, в которых форма удивительно гармонирует с фактурой стекла. Он любит работать с цветным хрусталем. Созданные им декоративные сосуды «Фома» и «Ерема» и кофейные сервизы из дымчатого стекла отличаются изяществом и оригинальностью.

Талант Владимира Муратова полнее всего проявился в стеклянной скульптуре. Его бизон, сделанный из дымчато-красного стекла, совсем как живой. В нем чувствуется огромная сила. Он весь в напряжении, того и гляди, бросится с полки и подденет вас на крутые рога.

Молодая художница Ольга Козлова придумывает вещи, привлекающие глаз удивительной нежностью. Ее бокалы «Лель» будто цветы на лесной полянке.

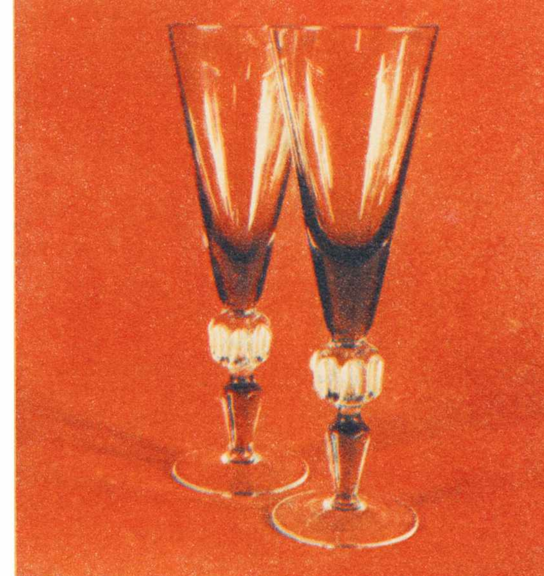
У художников есть своя выставка образцов. На ней представлены работы Станислава Верина, Фидаиля Ибрагимова, Сергея Пивоварова и других. Обо всех и обо всем, что там есть, не расскажешь. Но о работах заслуженного художника Евгения Рогова нельзя умолчать. Это лирик по складу характера. Человек, влюбленный в родную Мещеру. Скромную, неброскую красоту ее он передает в хрустале. Ах, если бы вы поглядели на сервиз «Рябинка», сделанный Роговым! Гроздья оранжевых ягод рассыпаны по чистому, прозрачному, как вода в роднике, хрусталю. Даже кажется, что пахнет лесной, горьковатой рябиной. С таким же успехом работает художник и над изделиями декоративного характера. Есть у него блюдо «Лесная сказка». Сделано оно из чистого хрусталя и украшено алмазной гранью, напоминающей чащу ельника. Рассказывают, что когда это блюдо принесли на заседание Высшего художественного совета, собравшегося в Москве, все встали и начали аплодировать.

К столетию со дня рождения В. И. Ленина Рогов создал монументальную вазу из чистого хрусталя, украшенную матовым барельефом Ленина.

За последние годы значительно увеличился выпуск цветного хрусталя, бойко пошли в производство миниатюрные фигурки птиц и зверей, появились новые узоры алмазных граней. Это все результаты творческих исканий художников.

В душе гусевских хрустальщиков неистребимо чувство прекрасного. Опыт мастеров-ветеранов обогащается вдохновенными дерзаниями молодых. А из этого и рождается хрустальное чудо.

Сувенир «Жар-птица».
Автор В. Муратов.

Бокалы «Суздаль». Автор В. Муратов.

◀ Гусевский хрустальный завод.
Художница Ольга Козлова за работой.

Прибор для медовухи.
Автор Е. Рогов.

Набор бокалов.
Автор Ф. Ибрагимов.

Фото М. САВИНА.

Заслуженный художник РСФСР Евгений Иванович Рогов.

В. ГИЛЛЕР,
заслуженный врач РСФСР

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ВРАЧА

1. ПРИГОВОРИЛ...

Каждый раз, навещая Голубева, Зинаида Николаевна вселяла в него надежду.

— Будет вам хныкать, что вы старый и дряхлый! — говорила она ему.— Подумаешь, шестьдесят скоро стукнет!

«А в самом деле,— рассуждала она про себя,— шестьдесят — это много или нет? Когда за мной ухаживал сорокалетний Гвоздев, он мне казался стариком... Теперь мне сорок три... Маловато человек живет. Пока прочно станет на ноги, глядишь, и тридцать набежало. Спим много. Треть жизни!..»

— С болезнью мы как-нибудь справимся,— продолжала она,— а с печальными мыслями давайте вместе бороться. Что вы беспрерывно хватаетесь за сердце и проверяете пульс? Перестаньте валяться на тахте... Вставайте! В выходные дни никаких дел. И, конечно, ни грамма водочки...

Голубев вздохнул.

— А если со мной что-нибудь случится? — начал растерянно он.— Я тридцать пять лет привык ежедневно работать по восемь — десять часов...

— Я... я отвечаю! Оставьте ваш фатализм! — коротко ответила она.

Слова, тон и выражение лица, энергичные жесты, улыбка Зинаиды Николаевны вливали бодрость в Голубева. Ему казалось, что он и в самом деле чувствует себя гораздо лучше.

— Вы меня совсем не жалеете,— с угрюмой усмешкой приставал он к ней.— Вы злая женщина!

— Потому, что вы становитесь тряпкой. Где ваша воля? Растолстели, пальцы, как сосиски... Вы паникер и жалкий трус!

— Ну, это вы уж слишком! На фронте никто меня не считал таким.

Несмотря на то, что Зинаида Николаевна много лет лечила семью Голубевых, жена Голубева настояла на приглашении к больному профессора Листовского.

— Как вы думаете, профессор,— спросил Листовского Голубев, когда тот закончил выписывать рецепт,— проживу я еще пару лет?

Листовский пожал плечами.

— А полгода проживу?

Молчание.

— А два месяца?

— Возможно! — неторопливо ответил Листовский.— Покой... покой... покой... никаких волнений...

— Лежать?

— Гуляйте, но в меру.

Десятки вопросов вертелись у больного на языке, но он сдержался.

— Спасибо, профессор! — поблагодарил Голубев. —Я все понял! — И лицо его стало чуточку брезгливым.

Листовский нахмурился.

— Вы, как я понимаю, желаете, чтобы я вам, как оракул, заранее все предопределил? Разумеется, вас интересует, как быть с работой. Я же ставлю вопрос по-иному. Мы с вами в таком возрасте, что должны понимать свое место в обществе. Думаю, что как без меня, так и без вас общество может обойтись.

«Что Листовский малословен,— горько размышлял после ухода профессора Голубев,— это не беда. Пусть! Я сам неболтливый. Слишком рисуется. Холодный какой-то он. И все-таки спасибо ему, что он ничего не скрыл от меня. Теперь я знаю по крайней мере все!»

«Чудак! — думал с досадой в это время Листовский.— Живет на кончике иглы! Какая это жизнь? Не благо ли сказать честно человеку, что у него, а не тешить его надеждами! Он ждал, что я ему разрешу бегать! Какое умное у него лицо. Изобретатель, наверное. Завершат другие...»

После ухода профессора Голубев закрыл глаза и долго не открывал их, даже когда звонил телефон.

Через несколько дней после профессорского визита Зинаида Николаевна снова посетила Голубева. Она сразу заметила, что он переменился. Лицо его как будто оставалось прежним, но в голосе сквозил какой-то неведомый ей оттенок безразличия. Он весь как-то обмяк.

В кабинете, где постоянно был строжайший порядок, на этот раз валялось где попало множество журналов, книг, папок, эскизов, чертежей. На полу — окурки и пепел, смятые бумажки.

Голубев быстро взглянул, кивнул головой, приглашая жестом садиться.

— Извините меня! Я сию минуту закончу,— проговорил он, продолжая что-то чертить на большом листе.

Закончив, Голубев еще раз попросил извинения, что он задержал Зинаиду Николаевну, пододвинув кресло, сел против нее и, похлопав несколько раз ладонью об ладонь, сказал:

— Дорогая Зинаида Николаевна! Я не буду притворяться, что у меня все хорошо. Вы свой человек. Близкий. Я с величайшей благодарностью ценю вашу постоянную заботу и внимание к моей особе, к моей семье. После вашего ухода в нашем доме долго сохраняется тепло и свет. Но сейчас мне худо! Весьма! Тут! — И он постучал пальцем по голове.

Он хотел ей сказать, что после профессорского посещения у него была отнята надежда, которую она вселяла в него многие годы. Сколько раз он теперь вспоминает каждое слово Листовского, вернее, его приговор, которому он покорился. И стремится в оставшиеся дни сделать максимум того, что он предполагал.

— Ну-ка, Тихон Сергеевич,— прервала его мысли Зинаида Николаевна.— Посмотрите мне в глаза.— Она уже успела заметить, что в них нет той живинки, которой всегда любовалась.

— Не надо меня успокаивать! — произнес он.— Скоро, скоро меня будут вспоминать в давно прошедшем времени. Не надо мне противоречить...

— Рановато вы себя отлучаете от жизни,— спокойно ответила Зинаида Николаевна, подбирая листки с пола.— Когда-нибудь мы все там будем...

— Нет! Я не смерти боюсь! — искренне сказал Голубев.

— А чего же?

— Не достиг, чего хотел!

— Сомневаюсь, есть ли люди, достигшие всего, что хотели...

Зинаида Николаевна была озадачена этим разговором. Она насторожилась и начинала догадываться, от нее уже не могло спрятаться, что произошло что-то неладное за дни ее отсутствия. Она решила во что бы то ни стало установить причину.

— Скажите же наконец, что случилось? — раздраженно спросила она.

Голубев глубоко вздохнул.

Тогда она настойчиво, слово за словом, несмотря на упорство Голубева, выяснила подробности визита Листовского.

— После ухода профессора,— продолжал он рассказывать,— мне трудно об этом говорить, но меня охватил дикий страх. Мне захотелось взять все, что вы здесь видите,— признался он, показывая руками на чертежи и эскизы,— и сжечь.

— Смешно слушать! — сказала Зинаида Николаевна.

— Может быть! Я едва удержался, чтобы этого не сделать,— пробормотал Голубев.

— Страх перед чем? — Она хотела спросить: страх перед грядущей смертью? — но прикусила язык.— Мне кажется, вам вообще неведом страх, трусость, судя по тем обстоятельствам, которые я знаю о вас...

— Что вы имеете в виду?

— Во-первых, я читала о вас в документальной повести, во-вторых, вы сами кое-что рассказывали, и, в-третьих, мне говорили о вас другие.

— То была война...

— Тем более! Именно поэтому я убеждена, что вы можете преодолеть все... почти все...

— Вот именно — почти...

Она молчала, обдумывая услышанное. Потом повернулась к нему:

— Как вы смели поддаться влиянию Листовского? Выслушайте меня внимательно и постарайтесь понять. Такому человеку, как вы, говорить, что самое главное — покой и покой,— чушь. Это все равно что заливать костер водой. Вы должны гореть, а не тлеть. Считать, сколько дней осталось жить... Уважайте себя!

«Да, Голубев болен, очень болен,— думала она.— Его сосуды обветшали. Он действительно может погибнуть в любую секунду. Но как же можно отнимать у него надежду? Смертник, и тот ждет чуда. Он же сам мне говорил, что бежал из-под расстрела. А сколько людей, которых я знаю, вопреки прогнозам живут и живут, и наоборот. Другой бы на его месте давно уже ушел на пенсию! Они с женой могут хорошо жить на свои две пенсии. Листовский пришел, поглядел, получил свою мзду и тотчас его забыл».

— У Листовского,— сказала она,— нет никакой фантазии. Плохой он врач! В человеческой природе ничего не смыслит.

«Не слишком ли я много беру на себя? — думала Зинаида Николаевна.— Нет! Изоляция Голубева лишь усугубит его страх и тоску. Он скиснет окончательно! Все равно он должен творить, как бы его ни стращали и ни прятали от людей и активной деятельности».

— Так что же вы мне все-таки посоветуете? — помолчав, спросил Голубев.

— Вот это другой разговор. Чуточку поменьше курить... Перестать дрожать от страха. И продолжать действовать. И, пожалуй, все. Да, все...

2. «НЕВЕЗУЧИЙ»

— У меня к вам покорнейшая просьба,— проговорил тихим голосом человек, обращаясь к главному врачу,— я знаю, что это сложно, но сделайте для меня исключение. Нельзя ли, чтобы меня лечил другой участковый врач?

— Вы где живете?

— Улица Чайковского, дом два, Криволапов Сергей Сергеевич.

— Вас обслуживает Горькова?

— Вот именно, обслуживает...

— Чем она вам не угодила?

— Молодая! Неопытная! До нее была Маргарита Степановна, царство ей небесное. Тонкой души был человек. А эта больно робка. Мне бы такую, чтобы не очень старая и не очень молодая. Средних лет... Я по своей природе человек очень чувствительный...

— Вы так говорите, как будто невесту подыскиваете...

— А как же иначе! — поспешно воскликнул он.— В моем возрасте это очень важно. Пожилой человек — это существо с больным телом и утраченными иллюзиями...

Месяцев через пять Криволапов опять пришел к главному врачу.

— Вы меня помните? — спросил он.— Я к вам...

— Помню! Ну как, довольны своим новым врачом? Все хорошо?

— Я лично ничего не имею против Иннокентия Петровича,— проговорил Сергей Сергеевич,— но какой-то он все-таки странный. Я его вчера спрашиваю: «Как вы советуете? Может быть, мне все-таки лечь в больницу?» «Можно лечь, а можно и подождать»,— говорит он мне. «Продолжать принимать мне микстуру?» «Принимайте, хуже не будет!» «Делать ли перед сном ванны общие или только душ?» «Что хотите,— говорит он мне,— я не возражаю». И так во всем, что только его не спросишь! Прошу его объяснить, что у меня. Тромбофлебит, флебит или перифлебит? Я не врач, но кое в чем все-таки разбираюсь. «А какая вам разница,— отвечает он мне,— лечение все то же».

— Чем же он вам не угодил?

— Нельзя же в самом деле советоваться с больным, чем и как лечить! Врач всегда должен быть твердым и решительным. Поймите меня правильно. Мы с ним даже подружились. Земляками оказались. Из Ржева. Он очень милый, добрый человек. Но видно, ему уже все наши болячки осточертели. Понимаю, что болезни-то все старые, но ведь наука далеко ушла вперед, а он все дует и дует мазь Вишневского и аспирин. Дома все провоняло дегтем. Ни в одну прачечную не хотят белье принимать!

— Я распоряжусь, чтобы вас переписали к другому врачу. Но это уже в последний раз. Договорились?

Прошло еще месяца три-четыре, Криволапов снова появился в поликлинике.

«Пришел, вероятно, поблагодарить»,— подумал главный врач.

— Как себя чувствуете? — спросил главный врач.— Вид у вас прекрасный. Надеюсь, вы теперь довольны своим врачом?

— Как вам сказать? — пожимая плечами, проговорил тот и отвел глаза.— Так себе... Разговаривает со мной, как с малым ребенком. Дался ей мой бочок! Два раза заставляла поворачиваться. Три раза переспрашивала, когда начались боли. Смешно! Голубчиком называла! Тоже мне голубчика нашла! Не захочешь, а засмеешься. Какое мне дело, что у ней тоже сердце болит! Мне-то что до этого? По плечу похлопывает. Глаза улыбаются, а лицо холодное. Будто от меня зависит вести сидячий образ жизни. Советы легко давать. Не менять же мне специальность. Бухгалтер я и бухгалтер! Даже ручку протянула на прощание! Покойница Маргарита Степановна тоже была не сахар! Такое иной раз скажет! Как мальчишка себя чувствуешь! Как она в последний раз меня отчитала! Если я через месяц не сбавлю два килограмма, чтоб к ней не показывался. И правильно. А эта... кодеинчик... аспиринчик... Какой-то я невезучий.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЕНИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ

В Министерстве внешней торговли СССР состоялась научная конференция на тему «Воплощение идей ленинизма во внешнеэкономических отношениях социалистического государства», посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В ее работе приняли участие ученые, работники внешней торговли, представители партийных и государственных органов. Среди участников конференции были официальные представители стран — членов СЭВ, главы и сотрудники торговых представительств социалистических стран.

Конференцию открыл первый заместитель министра внешней торговли СССР М. Р. Кузьмин.

— В. И. Ленин,— сказал он,— стоял у истоков советской внешней торговли, оставив глубоко принципиальные указания, актуальность которых не проходит с годами. Лениным всесторонне разработаны вопросы международных экономических отношений нового типа, за которые борется мир социализма.

Благодаря творческому применению ленинских принципов наша страна достигла больших успехов в развитии внешнеэкономических связей: в 1969 году Советский Союз поддерживал торговые отношения более чем со 100 странами, а торговый оборот составил почти 20 миллиардов рублей.

О международном признании ленинских принципов внешнеэкономических отношений социалистического государства ярко свидетельствует практика других социалистических стран.

С докладами на конференции выступили директор Научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешней торговли СССР, заслуженный деятель науки РСФСР профессор Н. В. Орлов, член Коллегии Госплана СССР Н. Н. Иноземцев, заместитель директора конъюнктурного института В. А. Пекшев.

На конференции выступили также директор Научно-исследовательского института внешнеторговых проблем Народной Республики Болгарии И. Хаджииванов, директор Института по исследованию конъюнктуры и рынков Венгерской Народной Республики И. Редеи, директор Научно-исследовательского института при Министерстве внешнеэкономических связей Германской Демократической Республики Р. Брауэр, научный директор Института по изучению мировой конъюнктуры Социалистической Республики Румынии Г. Истрате, директор Института внешней торговли Социалистической Федеративной Республики Югославии М. Алексич и другие.

А. ЮСУПОВ

ВЕНОК ОТ ДИПКУРЬЕРОВ

Сотрудники МИДа на Красной площади.

Фото А. Гостева.

К мраморному подножию ленинского Мавзолея лег венок с алой лентой.

На ленте слова: «Любимому вождю и учителю Владимиру Ильичу Ленину от коллектива отдела дипкурьерской службы МИД СССР».

Те, кто пришел сюда — и молодые и ветераны,— знают: многогранная деятельность великого вождя направляла и первых советских дипкурьеров. Он давал им задания, он знал их по именам, знал в лицо. Первыми дипкурьерами были большевики, обладавшие опытом подпольной работы. После победы Октября они по личному заданию В. И. Ленина связывали Смольный с В. В. Воровским, находившимся в Стокгольме,— Воровский был полномочным представителем Советского правительства в скандинавских странах. Нелегкие, опасные рейсы! Приходилось тайно пробираться и через линии фронтов и через границы. Так начиналась дипкурьерская служба советской Родины.

КУБОК У «СПАРТАКА»

Победив со счетом 2 : 1 в финальном матче на Кубок СССР по хоккею своих земляков-динамовцев, московский «Спартак» стал обладателем этого почетного приза.

Фото В. Соболева и А. Яковлева (ТАСС).

ДВОЙНОЕ ДНО БОННСКОГО „РАЯ"

Западногерманские пропагандисты, щедро оплачиваемые сильными мира сего, на все лады расхваливают райскую жизнь в ФРГ.

Автор этих строк не так давно побывал в Западной Германии, посмотрел на этот «рай» вблизи. Начну с того, что квартирная плата в ФРГ составляет, как правило, почти половину заработка, а иногда больше. О пенсионерах вообще говорить не приходится. Поэтому многие трудящиеся ФРГ вынуждены работать по 13—15 часов в сутки, чтобы заплатить за крышу над головой и прокормить семью. Но эти люди могут считать себя счастливчиками по сравнению с теми, кому не удалось подыскать дополнительный приработок.

Западногерманский еженедельник «Крист унд вельт» приводит данные о том, что только в Кельне насчитывается около двадцати тысяч человек, обитающих в ночлежках, бараках и полуразрушенных зданиях, в Гамбурге — 19 500, в Дуйсбурге — 16 450, в Мангейме — 10 000. Как правило, это семьи с четырьмя и более детьми. Исследования показали, что каждый третий ребенок, живущий в трущобах, болен желтухой, каждый десятый — анемией. Один мангеймский учитель сообщил, что в его классе учатся 30 детей из бедных семей и все они ходят в рубищах, кишащих вшами.

Познакомьтесь с одной из ночлежек Гамбурга, «Пик-Ас». Здесь среди ста бездомных 8 — бывшие строительные рабочие, 17 — металлисты, 11 — моряки, 17 — ремесленники, 3 — торговцы, 6 — крестьяне и т. д. Хозяин заведения Людвиг Марицы без обиняков говорит: «Эти люди находятся в заколдованном кругу. Им никогда из него не выбраться».

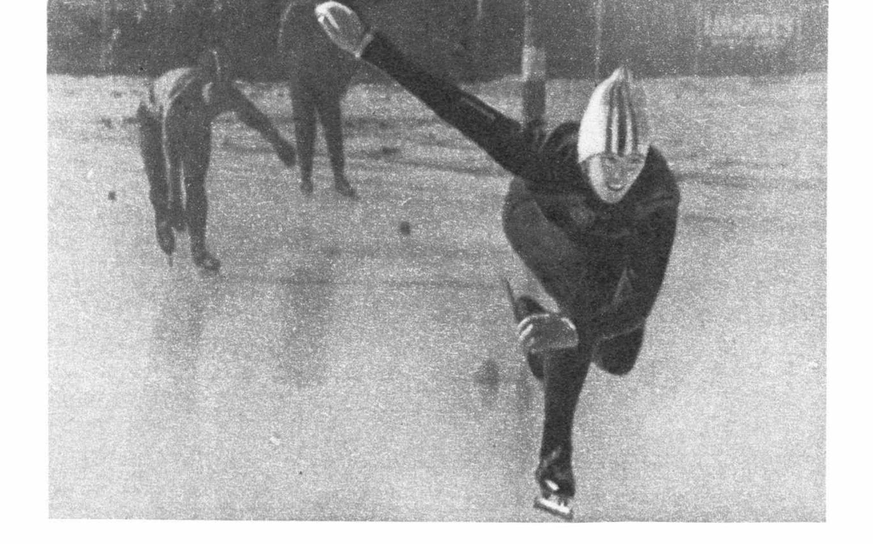
Даже столица западногерманского «государства благоденствия», Бонн, не обошлась без ночлежек. Одна из них расположена на Вестштрассе. Задолго до наступления темноты все помещения былч переполнены, и многим стоящим в длинной очереди так и не удалось сюда попасть. В беседе с бездомным Гансом Вегнером я узнал, что обычно к 7 часам вечера в ночлежке невозможно получить место.

Содержатель этой боннской ночлежки Шлейх так объяснил мне популярность своего заведения: «Ночевать в холодную погоду на скамейках в парках не очень-то приятно. Сейчас появляется все больше безработных, которые не в состоянии платить за жилье. Они, как правило, превращаются в бродяг».

На улице Дрансдорферверг в Бонне 60 семей с 220 детьми жили в полуразвалившихся бараках, служивших для хранения военной техники. На несколько таких развалюх приходилась одна водоразборная колонка. Дети спали на нарах в два-три этажа. Мужчины с этой улицы боялись говорить, что живут здесь. Они искали работу, но их никто не взял бы, если бы узнал, что они прозябают в трущобах. Женщины, чтобы попасть к врачу на прием, называли ложные адреса, а детей их третировали в школах, всячески издевались над ними лишь только потому, что они живут на Дрансдорферверг. И все это происходит в стране, где широким потоком льются лживые слова о свободе, демократии, процветании.

Может быть, защитникам боннского «рая» покажется, что это не характерный пример. Ну что же, приведу слова руководителя пресс-центра Висбадена — главного города земли Гессен — д-ра Эмига: «Квартплата за предлагаемые домовладельцами жилища настолько высока, что ее может заплатить только определенный круг людей, но отнюдь не те, кто живет на трудовые деньги, пенсию, болен или стар».

А вот еще пример. В одной из передач по западногерманскому телевидению сообщалось, что обер-бургомистр Висбадена Георг Бух получает письма от многих людей, которых постигла «злая судьба». 58-летняя вдова писала, что она не в состоянии платить за жилье 300—400 марок. «Я готова переехать на другую квартиру, зна-

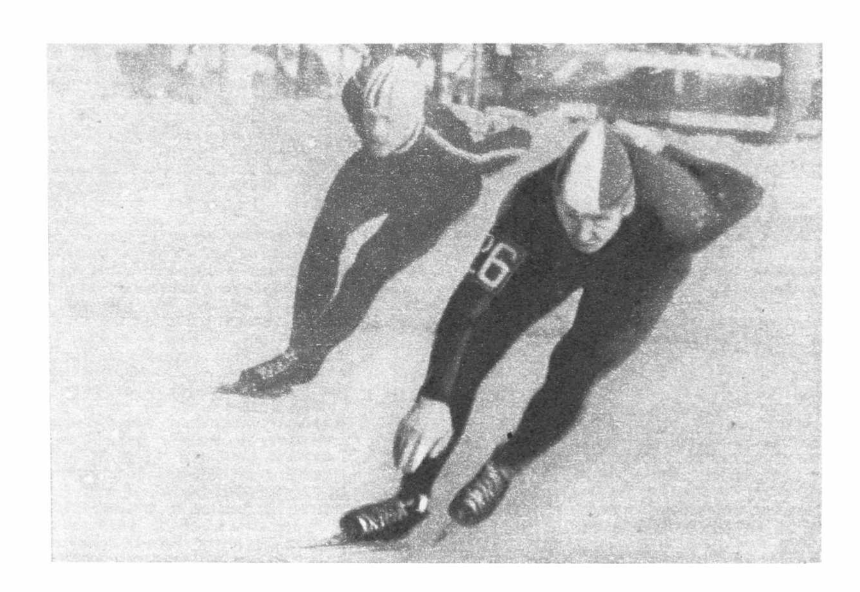
САМЫЕ БЫСТРЫЕ!

Первый в истории конькобежного спорта мировой чемпионат по спринтерскому многоборью, который проходил в Милуоки (США), закончился победой советских мастеров Людмилы Титовой и Валерия Муратова.

Этот успех достойно завершил славную спортивную неделю, начатую нашими лыжниками в Высоких Татрах.

На снимках: Людмила Титова и Валерий Муратов.

Фото АП — ТАСС.

чительно меньшую по размерам. Но мои напрасные попытки в течение нескольких месяцев свидетельствуют, что эту проблему едва ли можно решить. Мысль о том, что в ближайшее время меня выбросят на улицу, сводит меня с ума. Впервые я пришла к мысли покончить с собой. Дальше я так жить не могу».

И таких людей в Западной Германии много. На вопрос, как живут сегодня пенсионеры в ФРГ, на страницах газеты «Вельт дер арбайт» ответил директор федерального ведомства по страхованию служащих д-р Рудольф Шмидт: «Я не сомневаюсь, что среди пенсионеров царит нищета».

Аналогичное мнение высказал и руководитель социального ведомства Гамбурга Эрнст Вайс: «В государственных домах для престарелых содержание одного человека возросло до 265 марок. Большинство обитателей не в состоянии платить такие деньги: их пенсия значительно ниже этой суммы. Вы задаете вопрос, есть ли у нас нищета. Да, так можно сказать, потому что большое число людей вынуждено вести очень убогий образ жизни».

Западногерманский журнал «Конкрет» опубликовал несколько материалов под общим заголовком «Нищета в Федеративной республике», сопроводив их снимками. Журнал сообщает, что в ФРГ зарегистрировано 300 тысяч бродяг, а около двух миллионов человек не имеют средств к существованию и вынуждены обращаться за социальной помощью. Многие тысячи людей не получают никакой помощи и живут подаянием.

В. УКРАИНЦЕВ

Бонн — Москва.

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

Умер Андрей Малышко. Из рядов советских писателей ушел один из выдающихся мастеров поэтического слова, коммунист, гражданин, весь свой талант отдавший прославлению высоких идеалов современника.

Андрей Самойлович Малышко родился на Киевщине в бедной крестьянской семье. С детских лет он познает тяготы сельской жизни, проникается чувством горячей любви к людям труда. И не случайно уже в самом истоке творчества — в тридцатые годы — он обращается к мужественным образам пахаря и воина, находит самые задушевные слова о молодом украинском парне, вступающем в жизнь.

Большую популярность приобрело творчество Андрея Малышко в годы Великой Отечественной войны. Работая военным корреспондентом, он издает ряд замечательных поэтических сборников: «К бою поднимайтесь», «Украина моя», «Слово о полку», «Битва», «Ярославна».

С особым проникновением раскрывает поэт образ советского солдата в поэме «Прометей». В другой своей поэме, «Это было на рассвете», Андрей Малышко создает светлый и благородный, но вместе с тем сложный образ колхозницы, завоевавшей своим трудом славу и любовь народа.

Щедрое и доброе сердце поэта было всегда открыто людям самых разных поколений и национальностей. Интернациональные, гуманистические начала его поэзии вдохновлялись проницательным художническим пониманием единства трудового люда, громадного социального обновления жизни. Показательно в этом отношении обращение поэта к героической борьбе корейского народа за свою независимость. В «Корейской поэме» Андрей Малышко показывает освободительный и социальный пафос этой борьбы, срывает маску с американского империализма, истинного виновника кровавых событий на Востоке.

Зрелым художником предстает поэт перед своим читателем в послевоенных книгах. Философское осмысление происходящих в мире событий, раздумья над проблемами жизни, широта поэтического диапазона — все это придает лирике А. Малышко жизненную полнокровность, свидетельствует о совершенстве его мастерства.

Поэтический стиль Андрея Малышко был всегда тесно связан с украинским фольклором. Поэту выпала счастливая возможность создать поистине народные песни, которые запела вся страна. Завидна судьба «Киевского вальса», «Песни про рушник» и других песен поэта.

Андрей Малышко был другом и желанным автором нашего журнала. В одной из последних публикаций его стихов на страницах «Огонька» есть такие замечательные строки:

...Растить детей в шелку родимой речи,
В краю, где труд, и солнце, и любовь.

Они, эти звучные строки, красноречиво свидетельствуют, как горячо и пламенно любил поэт жизнь, свою Родину, будущее.

Советское правительство высоко оценило труд писателя. Он был награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета». Андрей Малышко — лауреат Государственных премий СССР и Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко.

Более сорока поэтических книг — таково литературное наследие А. Малышко. Каждая из них была явлением в советской поэзии, они — лучший памятник поэту, ибо им не суждено быть забытыми в народе.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ТАЙНИК

Генерал Василий Михайлович Клементьев уже был в курсе новых фактов, архивных материалов, неожиданного переплетения человеческих судеб: нити от двух на первый взгляд совершенно разноплановых дел — «Доб-1» и студгородок — где-то вдруг сошлись в одном узле. Крылов уже докладывал Клементьеву об изысканиях Птицына, о «Косом», «Аркашке с Дерибасовской», «Бородаче»-Зильбере, о Марине, обо всех тех, кто оказался по делу «Доб-1» в сфере внимания контрразведки. И вдруг устанавливается — пусть в порядке гипотезы — их причастность и к студгородку. Генерал попросил Крылова в одиннадцать зайти к нему вместе с Птицыным, а пока принести все материалы, все, что имеет отношение к «Доб-1», подчеркнув:

— Буквально все... Сообщения оперативных работников, «Ландыша», фотографии... И дело контрабандистов тоже...

Высоченный, все такой же худющий, как и в пору войны, генерал слыл человеком гибкого ума. Он никогда не спешил с решениями, не поддавался голосу чувств, но умел разбираться в сложном их переплетении, находить то доброе, что нужно поддержать, хотя не для всех еще было очевидно это доброе. Филолог по образованию, он незадолго до начала второй мировой войны пришел в органы государственной безопасности с партийной работы. За плечами его уже был некоторый опыт, но он считал для себя обязательным продолжать освоение тончайших премудростей этой, на его взгляд, сложнейшей сферы партийной деятельности. А осваивать приходилось многое и разное, и порой, когда бывшему филологу казалось, что его подстерегает опасность стать дилетантом, он вспоминал слова университетского профессора, которого считал своим наставником: «Многое знать невозможно, а из всего того, что можно знать, важно знать самое нужное».

Сейчас для него, по его собственному разумению, «самое нужное» — это уловить, проанализировать то новое, что появилось за последнее время в методах вражеской разведки, то новое, что дает ныне знать о себе каждодневно. Вот и Зильбер... Кто он? Крупный разведчик или мелкий эмиссар НТС, подбрасывающий гнусную пачкотню?

Для генерала это вопрос, остающийся пока без ответа. Тем более ему интересно знать точку зрения коллег, помощников, и вообще возникают ли и у них эти вопросы широкого и дальнего, как он выражается, плана? Что скажут Крылов, Птицын — люди опытные, много видевшие в жизни и много знающие, но порой подвергнутые, как все смертные, опаснейшему роду недуга — безжалостной текучке...

Генерал внимательно слушает Птицына. Александр Порфирьевич, как всегда, говорит неторопливо. А иногда делает паузу и словно резюмирует: «Полагаю, что следовало бы принять такую схему...» Обратив внимание генерала на донесение Снегирева, историю двух чемоданчиков в электропоезде, Птицын после очередной паузы продолжает:

— Полагаю, что следовало бы принять за вероятное следующее: толстяк — один из зильберовских агентов — забрал в поезде чемоданчик с так называемыми газетами «Футбол». Выбор объекта — студгородок,— возможно, идет от студентки Марины: ей лучше знать, когда, где, каким образом сподручнее всего подбросить эту пачкотню. Тем более, что в этом городке живут и ее товарищи по институту. В этой связи важно установить возможность еще одной схемы: Марина — Аркадий Семенович — косоглазый толстяк. Да, девять лет назад сообщник одесских контрабандистов приходил с повинной в КГБ. Допуская, что сделано это было под настроение: годовщина со дня смерти жены, которой он поклялся, что к прошлому возврата не будет. А время творит свое. И Победоносенко пошел старой дорогой. Встретив друга, «Косого»,— ему тогда за чистосердечное раскаяние только шесть лет дали,— сразу нашел с ним общий язык. Обращаю ваше внимание, Василий Михайлович, что по времени все это сходится. Поразительнейшим образом. Неужели случайность?

— Случайность? — переспросил генерал.— Конечно, бывают и случайности, Александр Порфирьевич. Несомненно, бывают... Но не могу не согласиться и с такой философией...— Генерал запнулся, досадливо поморщился и продолжал: — Чертовский склероз. Никак не вспомню автора этой, весьма мудрой, на мой взгляд, точки зрения. Случай благосклонен лишь к достойным. В распоряжении каждого из нас появляется немало возможностей изменить к лучшему свою жизнь. А успех приходит лишь к тому, кто эти возможности умеет использовать. Согласны? Ну, ну... Прошу прощения — прервал ваш доклад. Продолжайте, Александр Порфирьевич.

— Я хотел бы поставить несколько вопросов в развитие разговора о случайностях. Неужели случайно Зильбер встречался с толстяком и ловко передал ему чемоданчик? Неужели случайно в тот же день человек, удивительно похожий на толстяка из электропоезда, с тем же чемоданчиком в руках проникает в студенческое общежитие?

Генерал снова перебил Птицына:

— Стоп! Я подолью масла в огонь... Неужели случайно сегодня утром в подмосковном городке в почтовых ящиках одиннадцати квартир лежали те же самые «газеты» «Футбол»? Мне сообщили об этом час назад...

В комнате наступила тишина. Все трое минуту-другую сидели молча. Для Крылова и Птицына сообщение генерала — полная неожиданность. И оба они смотрят на него с нескрываемым изумлением. Александр Порфирьевич пытается мгновенно, тут же логически связать подмосковный городок и студенческое общежитие, установить связь между Зильбером и подмосковным городком. Мысль работает в лихорадочно быстром темпе. Архангельское? Нет, не то... Совсем в другой стороне... Он стал вспоминать все донесения оперативных работников, наблюдавших за Зильбером,— ничего связующего. Марина? Пока нет никаких оснований даже для отдаленных ассоциаций.

— У вас есть по поводу Подмосковья какие-нибудь догадки, вопросы, Александр Порфирьевич? — Генерал первым нарушает молчание.

— Догадок нет, а вопросы имеются. Один и, пожалуй, самый главный: это, так сказать, от нас двоих.— И Птицын кивает в сторону Крылова.

— Что ж, давайте вместе разбираться.

— С миссией Зильбера действительно не все ясно, Вася. Тут, пользуясь терминологией Птицына, некая закавыка. Туманные флюиды...— И Крылов, подняв кверху руки, смешно зашевелил своими крючковатыми пальцами, что и должно, видимо, изображать те самые флюиды.

— Какая такая закавыка?

Крылов стряхнул пепел с сигареты и аккуратно положил ее на край пепельницы.

— Зильбер — вражеский разведчик. Это бесспорно. Сообщения «Ландыша» не оставляют в том сомнения. Мы еще точно не знаем, кто его связные и на какие объекты он нацелен. Но знаем, что это разведчик. Однако же разведчик не стал бы размениваться на подбрасывание листовок. Тебе это хорошо известно, Василий Михайлович. Это, я бы сказал, монополия НТС: мы привыкли видеть в разведчике противника, подбирающегося к государственным тайнам. А тут, изволите видеть, организуется подбрасывание идеологической макулатуры... Кто он: мастер по «наведению мостов» между Западом и Востоком? Специалист по фабрикации и распространению листовок среди тех наших молодых интеллектуалов, что одержимы зудом фронды? Или же его интересуют государственные секреты?

Генерал доволен: это хорошо, что и ближайшие его помощники задумываются над проблемами не только тактического, но и стратегического порядка, что и их волнуют приметы некоторых перемен в стратегии, а значит, и в тактике противника. Вопрос поставлен правильный и большой. На него надо отвечать. Как? Он, генерал, не может еще дать ответа абсолютно бесспорного. Он может только высказать некоторые свои соображения. Явление подмечено новое, его еще нужно осмыслить.

— Я тоже считаю, что это, как ты изволил высказаться, Иван Михалыч, закавыка. И меня и вас учили стратегии и тактике врага. Имеются здесь проверенные десятилетиями классические формулы... Разведчик, прибывший с заданием вражеского центра, не станет заниматься, ему не позволено заниматься таким делом, как подбрасывание листовок.

Был большой разговор трех опытных работников. Разговор коммунистов, для которых главное есть и будет политика партии. Обострение идеологической борьбы сказалось и на деятельности вражеских разведок. Ее агентов теперь учат подбрасывать идеологические бомбы, разведывать настроения молодежи, находить ключи к душам мятущихся «ниспровергателей» всех и вся.

— Итак, будем считать, что никакой закавыки в миссии Зильбера нет,— заключает разговор генерал.— Разведчик как разведчик, которого начальство обязало включить в сферу своей деятельности то, что принято называть идеологическими диверсиями. Наш противник считает, и, может быть, не без основания, что, скажем, ключ к душе иного молодого человека порой стоит большего, чем ключ к сейфу с секретным чертежом. И вот извольте.— И генерал ткнул пальцем в ловко закамуфлированные газетные листы.— А теперь перейдем от всяких теоретических изысканий к практическим делам. Я вас попрошу, Александр Порфирьевич, взять все материалы, относящиеся к фальсифицированной газете «Футбол»... И в студгородке и в Подмосковье. По почерку видно, что эта диверсия направлялась одной и той же рукой. В ближайшее же время я должен получить от вас детально разработанный план операции. Предусмотрите все возможные варианты. В Подмосковье «газета» обнаружена по одиннадцати адресам. Но у нас нет уверенности, что размах диверсии ограничивается только одиннадцатью... Может, следует опросить кого-нибудь из получателей «газеты». Кого? Установите... Опрос людей по этому делу проведите сами... Здесь мы имеем дело с хитрым и наглым противником.

— Слушаю. Я представлю вам подробный план операции... Разрешите идти?

— Нет, попрошу задержаться... Это еще не все... Настораживают противоречивые сообщения Бахарева. Видать, умный, образованный малый, но увлекающийся.

— Я ему, Василий Михайлович, не раз советовал время от времени остужать в холодильнике свою голову.

— Шутки шутками, Александр Порфирьевич,— подал голос Крылов,— а молодого человека, видимо, нет-нет да и, как вы правильно заметили, бросает из одной крайности в другую. Кстати, у вас нет никаких опасений по части... как бы это деликатнее выразиться...— Крылов запнулся, но Птицын понял его.

— По части личного и служебного? По части полной объективности? Вы это имели в виду?

— Ну, хотя бы и это,— заметил генерал.

— Я ручаюсь за Бахарева,— резко отрубил Птицын.

— Нуте, нуте... Не надо распаляться. Нам вашего поручительства не требуется. Мы с Крыловым тоже немного знаем Бахарева. Парень принципиальный... Но человеку свойственно человеческое. Силу чувств никогда не сбросишь со счетов. Согласны? То-то же. Теперь давайте разберемся в предложенных вами вариантах. Я позволю себе заметить, что они еще не подкреплены в достаточной мере фактами. Твоя точка зрения, Ваня?

— Это верно — пока имеются только предположения, хотя и весьма основательные... Бахарев старается со скрупулезной точностью определить: это — за, а это — против...

— Да, пожалуй,— раздумчиво, ни к кому не обращаясь, заметил Птицын.— Как в аптеке. А рисунок получился сложный: мазками.

— Вот именно...— продолжал Крылов.— И по части Аркадия Семеновича! Не спешим ли с выводами?.. Между тем одна персона осталась

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—8.

пока в тени. В деле фигурирует, а знать-то о ней мы мало что знаем.

— Вы имеете в виду Ольгу,— уточнил Птицын.

— Да...

— В институте о ней дают весьма лестные отзывы. Активная общественница. Как-то на курсовом собрании резко выступила против группы крикунов, утверждавших, будто материалы студенческой многотиражки перед публикацией просматривает партком. Выступила и задала такого жару бунтарям, что те сразу притихли. Хорошо зарекомендовала себя на практике, в коллективе поликлиники. Мать ее связана с участниками движения Сопротивления...

— Почему же вы считаете возможным подозревать ее? Только потому, что она иностранка? — резко спрашивает Клементьев, и губы его сжимаются в тонкую полоску.

Птицын молчит. Его самого беспокоят эти вопросы.

— Так как же, Александр Порфирьевич?— настаивает генерал.

Птицын смотрит на Клементьева все с тем же невозмутимо спокойным лицом и неторопливо отвечает:

— По нашим данным, в катехизисе так называемых добродетелей этой иностранной студентки едва ли не главным пунктом является грим.

— Как прикажете понимать?

— Эта женщина с искусным гримом на лице и на душе...

— Опять из сферы предположений. Факты?

— Есть и факты, над которыми нельзя не задуматься. Мы с Бахаревым терялись в догадках: откуда Зильбер узнал, что Марина пошла со своим знакомым в ресторан «Метрополь»? Вряд ли это случайная встреча. Кто мог навести туриста на след? И вспомнили. Когда молодежь возвращалась со студенческого вечера и Бахарев предложил пойти в «Метрополь», только два человека слышали его слова — Ольга и Владик. Герта со своим кавалером ушла далеко вперед. Владика я исключаю. Остается Ольга? Вот так...

— Довод не очень серьезный, но все же...— И генерал почесал затылок.— Тем более важно увидеть эту девушку, как вы выразились, без грима.

— Но есть и другой довод: на пути к «Метрополю», оставшись вдвоем с Бахаревым, Марина сказала, что она должна позвонить маме и предупредить ее, что поздно вернется домой. В будке телефона-автомата девушка задержалась недолго...

— Ну и что же?

— По наведенным справкам, в этот вечер матери Марины дома не было, она дежурила в больнице. Очередное дежурство, о котором дочь не могла не знать.

— Ну и что же?

— Если мама на дежурстве и не знает, когда дочь вернется домой, к чему предупреждать ее по телефону? Судя по некоторым нюансам, Марину никак не отнесешь к числу высокодисциплинированных дочерей. Да и не так-то легко — мы и на этот счет наводили справки — дозвониться дежурному врачу, когда больные еще бодрствуют. Вот так...

— Значит, снова Марина?..

Птицын молча пожал плечами и развел руками.

— Нам не дано права разводить руками, Александр Порфирьевич. Я попрошу вас лично попытаться быстрее прояснить роль каждого из шести действующих лиц: доктор Васильева, ее дочь Марина, иностранная студентка Ольга, Победоносенко, «Косой» и Зильбер... Пора от гипотез переходить к документированным фактам. Очень попрошу, Александр Порфирьевич.

7

События развивались стремительно, и Птицын, Бахарев и их помощники пребывали в том тревожном состоянии, которое охватывает людей их трудной профессии, когда дело оказывается чрезвычайно запутанным.

Из студгородка Птицын вернулся к полудню. Вахтер среди пяти предъявленных ему фотографий толстяков сразу опознал фотографию «дяди» студента Володи Яковлева. Линия Зильбер — «Косой» на схеме может быть из разряда пунктирных переведена в разряд жирно подчеркнутых. А вот что касается ее продолжения: Аркадий Семенович — Марина,— тут дальше тонюсенького пунктира не продвинулись. Снова, увы, только догадки. Правда, в деле одесских контрабандистов тоже есть фотография «Косого». И нетрудно было убедиться в том, что человек в электропоезде и толстый дядя, сманивавший Аркадия на темные дела,— одна и та же персона. Но значит ли это, что и Аркадий Семенович замешан в истории с «газетами» «Футбол»? Что же тогда передала ему Марина при встрече во дворе? Какая связь между этой передачей и студгородком? И еще один более серьезный вопрос: кто из них двоих — «Косой» или Аркадий — тот самый человек, с которым Зильбер должен был связаться? Оба из Одессы, оба в прошлом причастны к шайке контрабандистов. Кто же он, связной Зильбера?

Размышляя над всеми этими пока безответными вопросами, Птицын поджидал Бахарева. Николай знал, что в одиннадцать Александр Порфирьевич вызван к генералу с докладом о ходе дела «Доб-1», знал, что подполковник долго и старательно готовился к беседе с Клементьевым. И сейчас, едва переступив порог кабинета Птицына, по одному лишь выражению его лица понял: разговор с генералом был трудным. Хотя, как всегда, Александр Порфирьевич невозмутимо спокоен.

— Какие новости, Александр Порфирьевич? Что генерал?..

— А что генерал?! Требует от гипотез к документированным фактам переходить. Правильно требует... Про студгородок ты уже знаешь. А теперь такую же пакость в подмосковном городке сотворили... Черт те что получается...

Птицын рассказал и про свою поездку в студенческое общежитие и про то немногое, что ему пока известно о подмосковном городке.

Бахарев, услышав название городка, вскочил со стула и стукнул себя пятерней по лбу.

— Позвольте, позвольте, Александр Порфирьевич. Да ведь Марина там была...

Зильбер, «Косой», листовки, студгородок... И Марина! Опять она... Бахарев вспомнил, как Марина восторженно рассказывала ему про Дом культуры в этом городке, про чудесный воскресный день, проведенный ею там, на берегу пруда, в веселой компании молодежи. Сейчас ему трудно восстановить в памяти, в какой связи зашел разговор о ее поездке. Сейчас звено к звену, факт к факту ложились плотно, как патроны в обойме.

Зильбер, «Косой», листовки в студгородке! И вот — Подмосковье. Почти в одно и то же время. И Марина... Зачем она туда ездила? Где связь между первым, вторым, третьим?

...Марина встречалась с Зильбером... Что-то передавала одесскому сапожнику, специалисту по тайникам в обуви, а на следующий день старый друг Победоносенко «Косой» встречается в электропоезде с Зильбером и через три часа подбрасывает листовки в студгородке. А «Ландыш» сообщает: Зильберу поможет человек из Одессы. Не напрашивается ли сам собой общий знаменатель?

...Птицын вместе с Бахаревым составляют детальный план дальнейших действий, в котором учтены все значительные и малозначащие факты.

Надо внимательно проанализировать все одиннадцать адресатов и установить, чем руководствовался тот неизвестный, который послал «газеты» «Футбол» именно в эти одиннадцать квартир, по какому принципу подбирал их. Это, пожалуй, сейчас самое важное.

— Я мало верю в такой вариант, но ведь бывает, что адреса подбирают попросту из бюллетеней по обмену квартир,— говорит Птицын.— Отправляйся в бюро обмена — пусть срочно дадут справку: фигурировали ли эти адреса в последних бюллетенях?

Бахарев мчится в бюро обмена, а Птицын перечитывает несколько только что полученных оперативных сообщений, но ни одно из них не вносит ясности. И вдруг...

С утра Птицын еще не терял веры в то, что Победоносенко навсегда порвал с прошлым, что его встреча с Мариной — случайное совпадение обстоятельств. И вот извольте...

Сегодня Победоносенко поехал в... Архангельское. Купив путеводитель, поговорив о чем-то с киоскершей, Аркадий Семенович отправился в парк и исчез из виду. Но вскоре оказался в музее. И что особенно важно для Птицына: на безлюдной аллее со скамейкой под ивой, той самой, к которой прицеливался Зильбер, одессит не появлялся. И тут же рождается версия: «Зильбер потому и забрал тогда контейнер, что приспособил его к другой скамейке, в другом уголке парка?» Куда исчез Победоносенко? Где рыскал?

С Зильбером все ясно. Птицыну известен почти каждый его шаг. Вместе с группой туристов он был в МГУ, в Дубне, Третьяковке, ГУМе, ужинал в обществе советских ученых, смотрел «Лебединое озеро». Однако несколько раз ему удавалось «отрываться» от группы. Вчера он заглянул в антикварный магазин, потом поехал на Ленинские горы. Со смотровой площадки глядел на Москву. Задержался в сквере. Присел на скамейку рядом с двумя юношами, о чем-то спорившими. Вытащил из кармана газету и минут пять читал или делал вид, что читает. Встал, пошел дальше. Вернулся к стоянке такси и отправился в ГУМ. Протискиваясь к прилавку, сунул какой-то маленький пакетик в карман пальто рыжеволосой молодой женщины.

Зильбер — в гостиницу, а рыжеволосая долго плутала по центру Москвы, пока не зашла в кино «Метрополь», в синий зал. Но когда кончился сеанс, рыжеволосой в зале не оказалось.

Птицын, когда его что-то озадачивает, почему-то усиленно теребит пальцем нос. И сейчас так. Теребит нос и про себя чертыхается, воздавая, однако, должное ловкости неизвестной — уже во второй раз она искусно исчезает из поля зрения. Думается, что и тогда в Мосторге и сегодня в ГУМе действовало одно и то же лицо. Правда, та была блондинка. Но этот прием Птицыну хорошо известен — парик, грим. Женщина, надо полагать, маскируется, хотя действует нахально — один и тот же прием использует вторично.

И еще одно сообщение. Снова о Победоносенко.

Возвращаясь из Архангельского, Аркадий Семенович недалеко от дома заглянул в пивную, где встретился с шофером такси. Видимо, давние приятели. Выпили они шесть бутылок пива и по стакану столичной. Долго объяснялись друг другу в любви и дружбе. На прощание шофер быстрыми глотками допил остатки пива, перевел дух, вытер не первой свежести платком капли пота на одутловатом лице и, достав из кармана заморскую коробку сигарет, облобызал одессита.

— Вот тебе, приятель, подарочек...— сказал он, тщетно пытаясь подавить икоту.— Для твоей коллекции. Знаю, что собираешь эту дрянь. Давно приготовил для тебя, да все как-то забывал прихватить из дома...

Победоносенко бережно принял коробку и стал внимательно разглядывать ее.

— Что глаза пялишь?

— Экстра-класс!..— И выразительно поднял большой палец кверху.— Сколько прикажешь, Ефим Палыч? — И стал доставать кошелек.

Шофер рассвирепел.

— Ты за кого меня принимаешь, Аркадий Семенович?...

— Гражданин таксист! Не надо делать столько шуму из ничего. Я вас умоляю...— И, хихикая, поднял кверху левую руку.

Победоносенко уже хотел было сунуть коробку от сигарет в карман, потом что-то вспомнил, открыл крышку, достал лежавшие там несколько сигарет и бережно положил на стол.

— Аркадий Семенович сигареты не уважает. Он признает только трубку... Ба! А это что за цифирь?.. Может, записывал что на память и забыл? — И протянул коробку шоферу.

На внутренней стороне крышки было написано: ВК-68-75.

— Кто его знает, что за цифирь? Я лично не записывал. Похоже, что пассажир, тот, что сигареты обронил, цифирь писал... Ты плюнь на ту цифирь... Плюнь да разотри... Коллекцию не портит.

— А что за пассажир такой, рассеянный с улицы Бассейной?

— Это я тебя все хотел спросить, да недосуг было... Забывал... Странная, друг Аркадий, история приключилась. Вез я парочку за город... Симпатичные... Вроде как из Прибалтики... Так вот, понимаешь...— И шофер быстро, невнятно затараторил, спьяна глотая слова, а там, где их не хватало, объяснялся языком жестов.

— Подожди, подожди! Аркадий Семенович не любит, когда говорят так много и так быстро. У нас, на Дерибасовской, в таких случаях кричат: «Гражданин! Соблаговолите заткнуть фонтан!» Давай выпьем еще по сто, понюхаем пробочку и пойдем ко мне закусывать — имею предложить отличнейший пирог с капустой... Там мы с тобой примем еще по сто и уж в точности выясним, кто, куда, зачем ехал и что ты хотел спросить у гражданина Победоносенко...

Друзья обнялись, расцеловались и, слегка покачиваясь, вышли из пивной.

* * *

...Ни один из одиннадцати адресов подмосковного городка в бюро обмена не регистрировался и в бюллетенях, издаваемых бюро, не значился. Вариант бюро обмена отпал начисто. Более близкое знакомство с материалами дела, в частности с беглой характеристикой жителей тех квартир, в адрес которых были отправлены «газеты»-листовки, мало чем обогатило Птицына. Однако некоторые данные привлекли его внимание. Все 11 квартир не были коммунальными. Контингент жильцов достаточно разношерстный. Много студентов вузов и техникумов. Есть и учитель и врач, молодой хирург, работающий в местной поликлинике. Учитель преподает литературу в здешней школе. Идеологический снаряд выпущен с каким-то определенным расчетом. Каким? Как велся расчет? Птицын строил логические и алогические схемы. Он обратил внимание, изучая план-схему городка, на то, что все получатели «газет», в общем-то, живут в одном микрорайоне. Как соотнести все это с поездкой Марины в Подмосковье?

...Птицын включил транзистор и в ожидании Бахарева занялся любимой кофеваркой. Ждать пришлось долго, и не одна чашка кофе была выпита, пока где-то около пяти вечера Бахарев наконец объявился. И сразу же попросил вызвать Снегирева.

— Хочу показать ему вот эту фотографию.— И он положил на стол любительский фотоснимок.

— Кто это?

— Ольга.

— А при чем тут Снегирев? Думаешь, что это она и выпорхнула из «Метрополя»?

— Допускаю... Но вот факт не предположительный, а абсолютно достоверный: в подмосковном городке Ольга проходила практику в поликлинике. У нее там широкий круг знакомых — врач, учитель, студенты...— И Бахарев подробно рассказал о своем сегодняшнем визите к Марине.

...Марина на сей раз встретила Бахарева несколько приветливее. Чувствует себя лучше, была уже в институте. Жаловалась: придется подналечь, чтобы наверстать пропущенные лекции, семинары. И тем не менее она не прочь в воскресенье отправиться куда-нибудь в лес, за город. На дворе стоит чудесная осенняя пора. И если Николай составит компанию, она будет рада. Николай тут же откликнулся шуткой.

— С тобой хоть на край света... Погода дивная. Но у тебя, кажется, есть излюбленные места в Подмосковье? Помнишь, ты мне рассказывала о веселом загородном пикнике? Восторгалась живописными перелесками, порфирным лесом... И компания, кажется, была премилая.

— Да, да, вспоминаю... Это меня Ольга затащила туда. Она проходила там практику в поликлинике и подружилась с молодежью. Чудесные ребята. Компания оказалась действительно премилой. Жаль, что мы еще не были с тобой знакомы. Тебе было бы там очень приятно. Умные ребята, образованные... Широкий взгляд на жизнь.

— В общем, милая компания достаточно молодых и достаточно шумных интеллектуалов?

— Как тебе сказать, Коля? Не все, конечно. Были среди ребят и такие, у которых больше претензий на интеллигентность... С амбицией без амуниции, интеллектуалы без достаточного «золотого обеспечения».

— Ух ты, как хлестко! — ухмыльнулся Бахарев.

— Это не мое... В газете прочла... Фельетон... Но не в том суть. Спор был любопытный. Схватились два однокурсника из МЭИ — Володька и Юрка, сын главного конструктора тамошнего завода. По-настоящему интеллигентный парень и тот, кто без «золотого обеспечения». Оба выпили лишнего и давай хлестать друг друга... Фигурально выражаясь...

Марина, переключившись на совсем несвойственную ей манеру излагать свои мысли, повела рассказ в лицах, живописуя прежде всего щеголеватого красавца Юрку, прикатившего на своем «Москвиче» с желтыми фарами. У него было худое лицо, обрамленное жгуче-черной бородкой, и все на нем, с ног до головы, заморское, яркое, кричащее: и жокейская шапочка канареечного цвета с длинноющим зеленым козырьком, и большие черные очки, и грубошерстный цветастый свитер, натянутый на голое, атлетически сложенное тело, и, конечно, заморские джинсы с множеством молний. Рядом с ним Володька выглядел замухрышкой в своем затрапезном, изрядно потрепанном пиджаке поверх ковбойки. Щупленький этот паренек пришел позже всех и компанией был встречен весьма уважительно, даже с некоторым подобострастием. Кто-то шепнул Марине: «Умопомрачительный эрудит!.. Будущий Ландау и Петросян, вместе взятые... Но задиристый до невозможности — палец в рот ему не клади... Сила!»

— Не помню, с чего у них началось,— рассказывала Марина,— но первым длинную очередь прострочил Володя: «Ишь вырядился, принц Уэльский. Был бы я твоим папашей, купил бы я тебе «Москвич»... На, выкуси! — И сунул Юрке фигу под нос.— Черта лысого! Веника березового не хочешь? Деньгами швыряется так, будто это он сам, а не папаша его — главный конструктор. Тебе до инженера еще пилять и пилять... А другие только на стипендию... Да еще без отца. Я не про себя... Не жалуюсь... Мне с лихвой всего хватает... Я про других... В нашей же группе...» Юрка немедленно ринулся в контратаку: «Мой батька в лаптях ходил, в лаптях тачку катал, когда Магнитку строил... Ты не хорохорься... Поговори с ним, он тебе мозги быстро вправит... Обличитель явился! Трибун! У батьки в парткоме такой же умник, как и ты, нашелся: «Почему-де, мол, вы, Иван Васильевич, своего Юрку балуете?» Отец мигом отбрил его. «Не для того мы социализм строили, чтобы бедностью похваляться. Я,— говорит,— в своей жизни всякого горюшка через край хлебнул, хочу, чтобы у сына всего вдоволь было. Для того и Магнитку строил». Володька слушает Юрку и пальцем по виску постукивает. «Значит,— говорит он,— у отца и сына тут явно не всего вдоволь. Нехватка!.. Бог обидел, когда серое вещество распределял». И пошла тут всеобщая свалка. До хрипоты спорили! Володька один довод за другим сыплет. Дело, говорит, не в «Москвиче» и ультрашикарном костюме. Страшно другое: есть такие молодые люди, что, заполучив «Москвич», магнитофон, транзистор, не зная счета деньгам, быстро становятся рабами вещей, и такие понятия, как счастье, идеал, удовлетворение работой, жизнью, замыкаются для них кругом «красивых» вещей... Настоящая жизнь приравнивается к «сладкой жизни»» А спорщики между тем в раж вошли. Одни за Юрку, другие Володьку поддерживают.

— А ты, а Ольга? — спрашивает Бахарев.

— Ольга отмалчивалась. А я... Поначалу ближе к Володьке держалась... А потом... Словно бросили камень в воду и круги все шире и шире пошли... Уже забыли об изначальном предмете спора, и пошел разговор о том, что можно, чего нельзя нашей молодежи... И вообще что есть что... Знакомые, думаю, голоса... Опять воспитывать хотят нас... Нет, не согласна я... Все во мне кипит, бурлит, и я против Володьки пошла. Не одобряешь?

Выпалила она это с нетерпимой запальчивостью и теперь, в упор глядя на Бахарева, ждала, что он скажет.

— Сложная это проблема, Марина. У каждой медали две стороны. Но Володька, пожалуй, ближе к истине. В папином разговоре о бедности и социализме чую явную демагогию. Да, да! Нищета духа! К тому же и богатства бывают разные. Знал я девушку — хорошую, умную,— так она благосклонно принимала ценные подарки отца, хотя и догадывалась, что куплены они на деньги, весьма дурно пахнущие. Жизни, между прочим, известен и такой вариант...

— Это о ком? В какой связи, к чему ты это? Не понимаю тебя! — Марина встрепенулась, вопрошающе глянула на Бахарева, и, может, это ему показалось, голос ее чуть-чуть задрожал, и в глазах ее мелькнула тревога, растерянность.

— Что взволновало мою повелительницу? — И Николай, переключившись на обычный для него шутливый тон, жеманно раскланялся.— Просто я вдруг вспомнил знакомую девушку. К симпозиуму интеллектуалов никакого отношения не имеет. Так чем все же закончился тот великий спор?

Марина молчала, о чем-то думала.

— Почему молчит, о чем думает моя повелительница? Ну не надо хмуриться... Я уже давно забыл про ту девушку... Ты так интересно рассказывала.

— О чем?

— О спорах у костра с печеной картошкой.

— Тебе действительно интересно слушать меня?

— Конечно... Литератору всегда интересно знать, о чем спорят люди, тем более молодежь.

Марина перестала хмуриться, вновь оживилась.

— Я же тебе сказала. Предмет изначального спора был забыт. Начались дебаты о жизни вообще и о том, как предстает она со страниц романов, повестей, с киноэкранов. Пошли жаркие литературные дебаты. И если бы не Ольга, то ребята, вероятно, пошли бы врукопашную объясняться. Страсти накалились...

— О, я люблю такое общество. О чем же спор шел?

Марина на мгновение задумалась.

— Если мне память не изменяет, началось с того, что один из студентов заявил, будто настоящее искусство независимо от жизни. Оно как бы интуитивно и отрешено от бренного мира.

— Любопытная точка зрения. Нечто в этом роде я читал у австрийского психолога Зигмунда Фрейда. А что утверждали оппоненты?

— Главным оппонентом, конечно, был учитель литературы. Тот так и сыпал цитатами... Стендаль, Белинский, Толстой... Тебя не хватало у костра, Коленька. Ты же страшной силы эрудит.

Он посмотрел в ее искрившиеся лукавством глаза и многозначительно спросил:

— А ты уверена, что я поддержал бы учителя?

— Я как-то не задумывалась над этим, Коля. Но мне казалось, что ты...

Она запнулась, умолкла и окинула Бахарева недоумевающим взглядом.

— Конечно, равнодушного искусства я не признаю, Марина. Но, когда учился в Литинституте, идеи Зигмунда Фрейда были мне небезразличны. Таинственные подсознательные импульсы в творчестве художника... Их не так-то легко сбросить со счетов. И вопрос этот не такой уж простой... А вообще-то отрадно, что ребята спорят! Лично я предпочитаю спорящих отмалчивающимся. Не терплю молчаливых и равнодушных. О равнодушии отличнейшим образом Чехов выразился: паралич души, преждевременная старость...

— Но тогда спор зашел слишком далеко. Студента поддержал врач, а Ольга — учителя. Точнее, так: то студента, то учителя. А потом объявила: если не прекратят спор, она немедленно уйдет. И представь: подействовало... Врач был тихо влюблен в Ольгу. Она, кажется, и сейчас встречается с ним... Мы можем легко договориться и снова махнуть туда же. Меня что-то потянуло на природу.

— Обожаю лес, нашептывающий осенние сказки. Идешь по аллеям, мощенным золотом, и весь погружаешься в беспредельное блаженство. Это же здорово, черт возьми!.. Аж дух захватывает.

— Значит, поэт согласен?

— Как видишь, я куда более сговорчив, чем ты.

Она поняла намек на последнее бурное объяснение и тут же нахмурилась, умолкла, спряталась, словно черепаха под панцирем.

— Ну, ну... Больше не буду... Это случается. У одних идиосинкразия к помидорам, у других — к ресторанам. Отныне и во веки веков будем ходить только в чайные или молочные — пить кофе и вкушать кефир с миндальными пирожными. Договорились?

Она иронически улыбнулась, одарив его насмешливым взглядом.

— Глупенький ты мой, несмышленыш... Как хочешь считай — женский каприз, идиосинкразия. Но в «Метрополь» я не пойду.

— Именно в «Метрополь»?

— Пожалуй, что так — именно в «Метрополь».

— Ну, а в «Националь», «Арагви», «Софию»? Я не буду скрывать от тебя, возможно, это и порок: но, когда у меня есть деньги, я смотрю на них весьма снисходительно. Какая-то неведомая сила влечет к ресторанному столику. Люблю эти злачные места, что поделаешь. А деньги у меня сейчас есть... Вот и тянет. А тут еще и подходящий повод — Марина выздоровела. Не пойдешь со мной, пойду один...

Он говорил так увлеченно, что сам поверил в сочиненную легенду.

— Нет уж, один ты не пойдешь. Мы пойдем вместе. Только не в «Метрополь».— И добавила со смущенной улыбкой:— Тебе этого не понять... Я ведь суеверная. После нашего «культпохода» в «Метрополь» все и началось с моими нервами...

— В общем, высокодоговаривающиеся стороны пришли к согласию. Отлично!

* * *

— Скорей, скорей! — Птицын поторапливает шофера. Надо успеть попасть в подмосковный городок еще до закрытия поликлиники. К тому же в пути он принял новое решение: ему самому в поликлинике и вообще в городке показываться не следует: кто знает, может, в воскресенье и состоится пикник у костра и он там неожиданно появится! Пришлось делать круг, чтобы заскочить к начальнику районного отдела милиции. Птицын ввел его в курс дела и отправил к главврачу. Причину визита придумали тут же: «Ищем преступника, который не то в июле, не то в августе долго бюллетенил».

Начальник райотдела милиции терпеливо, с бесстрастным лицом перелистал около двухсот историй болезней жителей городка, побывавших в поликлинике в июле. Против каждой фамилии ставил никому не нужную цифру — на сколько дней был выдан бюллетень; адрес, фамилию лечащего врача. С длинным этим списком он и вернулся к Птицыну поздно вечером, когда маленький городок уже собирался на покой.

Подполковник быстро отыскал среди адресов больных десять интересовавших его. Одиннадцатый он нашел в списке врачей. И сразу вспомнил рассказ Марины о молодом хирурге — тот самый, что тихо вздыхал по Ольге. Несколько озадачил ответ на другой вопрос: к кому на прием ходили эти десять горожан? Только пять из них лечились у Оли. Тут все ясно. Адреса списаны с историй болезней. А остальные пять? Все они были на приеме у старого, заслуженного врача. Кто же тогда дал Ольге их адреса? Птицын посмотрел на часы. Звонить к главврачу домой? Поздно, да и к чему тревожить человека, который, вероятно, и без того основательно переполошился? Он оставил необходимые инструкции начальнику милиции и помчался в Москву.

Итак, новый вариант: Ольга! Завтра с утра явится Снегирев, и Птицын надеется, что тот опознает в фотографии Ольги девушку в ГУМе, ЦУМе и кино «Метрополь». А пока — по домам.

Они вышли на улицу. Вызванные из гаража машины еще не подошли к подъезду. Стояли молча. Поеживались. Каждый думал о своем. И вдруг Птицын с простодушной наивностью спросил:

— Жениться не собираешься?

Бахарев привык к неожиданным вопросам Птицына. И не удивлялся им, но этот вопрос насторожил.

— С чего бы это вы вдруг...

— С чего, с чего! Просто так... Интересуюсь... Вот и спрашиваю...

— Сложный вопрос задаете...— И сразу переключился на шутливый тон:— Днями выяснится. А пока — туман, сплошной туман...

— Странный ты, товарищ Бахарев. Ну давай, давай. Плыви в тумане... Вот и машины наши подошли...

И они разъехались в разные края Москвы. Птицын предупредил Бахарева:

— Я завтра с утра снова в Подмосковье поеду.

Продолжение следует.

ДЕСАНТНИКИ, ДЕСАНТНИКИ...

В этой небольшой по объему повести, написанной весьма экономно, сдержанно, отчетливо ощущается ее несомненное достоинство — достоверность.

Есть где-то на Амуре гарнизон воздушной пехоты, служат там славные парни — солдаты и офицеры, несхожие по характерам и судьбам, овладевают боевым мастерством, стремятся покрепче «с небом подружиться».

Московский писатель Николай Родичев сдружился с далеким гарнизоном всерьез и накрепко. Он провел там не месяц, не два, наблюдал день за днем десантников на учениях, во время прыжков с самолетов, на стрельбищах, в быту. Почти с документальной точностью все это зафиксировано в его новой повести «Амурское лето», воспевающей будни современной армии.

Однако отметим сразу: писатель избежал опасности превратиться в простого хроникера, освещающего факт за фактом. Его повесть о современных десантниках, хотя и основана на подлинных событиях, вместе с тем отличается писательской разработкой сюжета, характеров героев.

Рельефнее других вычерчена писательским пером фигура лейтенанта Кубаря. На его примере писатель ставит и решает такие важные проблемы, как понимание своего долга, воинской чести, подлинного и мнимого призвания, интеллектуальности, духовного богатства.

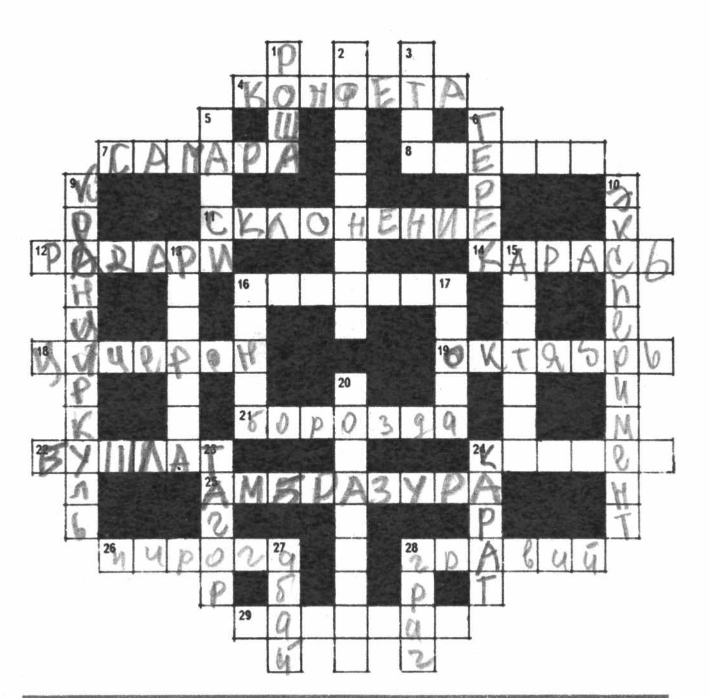
О десантниках, об их нелегкой службе в повести Н. Родичева сказано немало точных, проверенных слов, звучащих то лирически, то публицистично, то с юмором. Выразительны описания амурской природы — сопок и густых трав, ночных туманов и утренних рассветов. Запоминаются портреты некоторых солдат и офицеров.

Однако повесть слишком перенаселена героями, далеко не каждого видишь и слышишь. В некоторых главах автор не преодолел очеркового барьера, часть сюжетных построений осталась незавершенной.

Хочется пожелать талантливому писателю доброй удачи, большей творческой свободы в обрисовке людей, одетых в военную форму, в раскрытии их внутреннего мира. Пусть они откровеннее поговорят друг с другом, смелее порассуждают вслух. Ведь только такая дружеская доверительность и душевная щедрость героев книги способны заставить читателя переживать вместе с ними.

Андрей ФЕСЕНКО

Николай Родичев. «Амурское лето». Повесть. Издательство «Советская Россия». 1969.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Кондитерское изделие. 7. Приток Волги. 8. Высокая пальма. 11. Изменение имен, местоимений и причастий по падежам. 12. Автор «Приключений Чиполлино». 14. Рыба семейства карповых. 16. Курорт в Армении. 18. Оратор Древнего Рима. 19. Месяц. 21. Углубление между грядами. 22. Матросская куртка. 24. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания. 25. Бойница. 26. Лодка у индейцев. 28. Строительный материал. 29. Североамериканский черный медведь.

По вертикали: 1. Небольшой лес. 2. Цветок. 3. Свадебный головной убор невесты. 5. Город во Франции. 6. Река на Северном Кавказе. 9. Чертежный инструмент. 10. Опыт. 13. Повторение части музыкального произведения. 15. Пустыня в Чили. 16. Наиболее яркая звезда в созвездии Лебедя. 17. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 20. Русский изобретатель. 23. Индийский писатель. 24. Единица веса драгоценных камней. 27. Роман М. О. Ауэзова. 28. Птица семейства вороновых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 5. Рапира. 6. Герман. 10. Смола. 11. Казарка. 12. Монюшко. 13. Лиепая. 15. Фабула. 16. Косилка. 18. Рагозин. 20. Мезень. 22. Студия. 26. Цимбалы. 27. Капюшон. 28. «Скифы». 29. Базель. 30. Гектар.

По вертикали: 1. Палладий. 2. Ярмарка. 3. Секунда. 4. Каракуль. 7. Усач. 8. Боровиковский. 9. Кама. 14. Якорь. 15. Фаянс. 17. Регистан. 19. Виноград. 21. Неаполь. 23. Туполев. 24. Рысь. 25. Акын.

На первой странице обложки: Новый двухметровый телескоп, строительство купола которого ведет оптико-механическая лаборатория Академии наук Армянской ССР, поможет бюраканским астрономам проникнуть в тайны Вселенной.

Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: Иркутск. Мост на Ангаре. Даже в лютые морозы Ангара в районе города не замерзает из-за стремительного течения.

Фото читателя «Огонька» Юрия Иванова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/II-70 г. А 00335. Подп. к печ. 24/II-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 425. Тираж 1 970 000 экз. Заказ № 430.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ОТ СВИРЕЛИ ДО РОЯЛЯ

Так называется выставка музыкальных инструментов, открытая в Таллинском музее театра и музыки. Здесь можно увидеть и услышать много интересного. Узнаете вы и историю Эдуарда Сырмуса (1878 — 1940) — скрипача-революционера.

Если вашим гидом будет научный сотрудник Урве Лепнурм, то история эта предстанет перед вами настоящим литературным произведением, рассказывающим о таланте и мужестве человека, бесконечно любившего свой народ, родину и музыку.

Сыну крестьянина очень нелегко было добраться до вершин мастерства. Но и став виртуозом, он не забыл родных напевов. Он больше всего любил играть народные произведения для простых людей. Свои концерты Эдуард сопровождал речами о целях революции, о несправедливости на земле и борьбе с нею. Концерты частенько заканчивались для него в полиции. Однажды там разбили его скрипку.

«Долой красного скрипача!» — кричали одни и забрасывали музыканта тухлыми яйцами. Зато другие осыпали эстраду дождем белых и красных роз.

Вынужденный эмигрировать, Сырмус и в Англии устраивал концерты в пользу революционеров и голодающих в России. В конце концов он был выслан и оттуда.

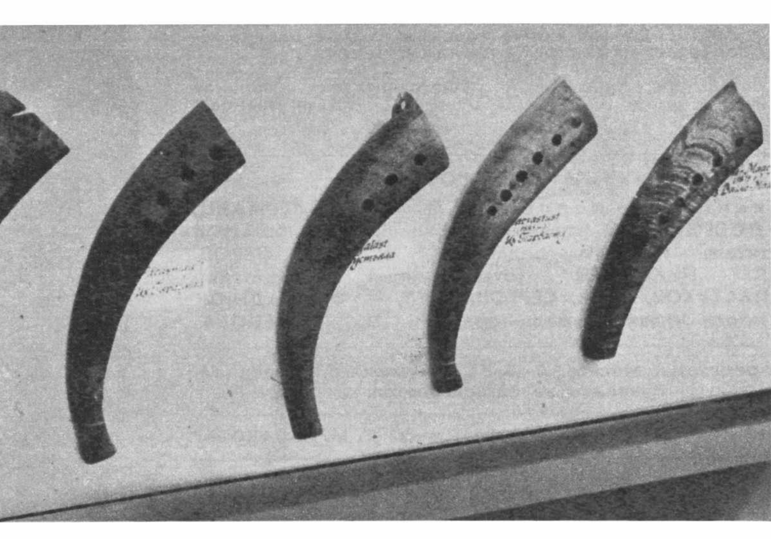
В музее рядом со старинной скрипкой работы Паоло Маджини портрет Эдуарда Сырмуса. Крупные, четко вылепленные черты лица, из-под высокого лба открыто и прямо смотрят на вас глаза маэстро.

В небольших залах и даже на лестничных переходах разместились десятки самых различных экспонатов. Вот рояль-жираф работы венского мастера Мартина Зейферта. Неподалеку — рояль, на котором играл великий пианист и композитор Ференц Лист.

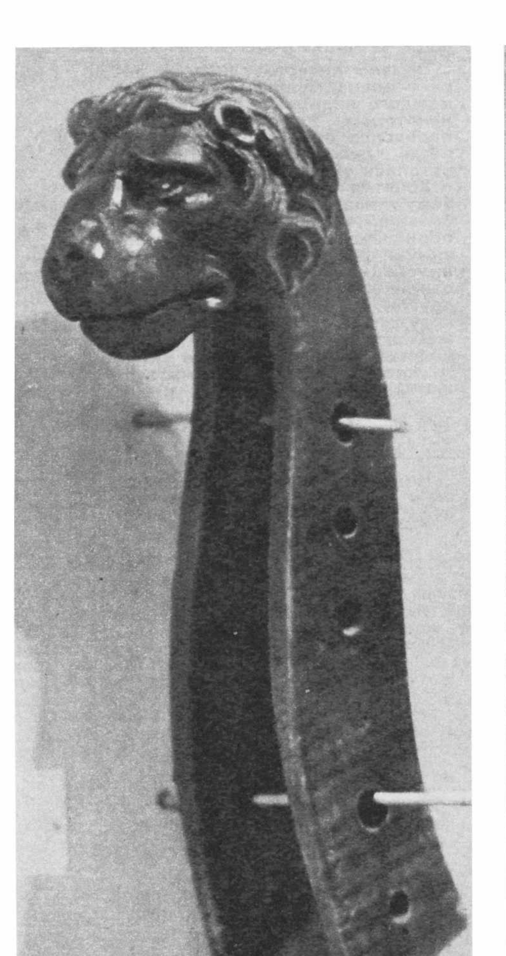
Неизменным успехом у юных любителей музыки пользуются музыкальные шкатулки и особенно одна из них — с оживающей фигурой человека, держащего на коленях розового поросенка.

Здесь можно увидеть старинные волынки и большую коллекцию национальных инструментов—каннелей. Серебро и бересту, кость и сталь, стекло, кожу, рог, дерево и другие материалы использовали известные и безымянные мастера — создатели этого редкого собрания музыкальных инструментов.

Г. МАКАРОВ
Фото автора.

Рожки из козьего рога.

Шейка виолы да гамба.

Каннели.

Сырмус и его последняя скрипка.

Рояль-жираф

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.